

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

В. А. МЕРКУЛОВА

**ОЧЕРКИ
ПО РУССКОЙ
НАРОДНОЙ
НОМЕНКЛАТУРЕ
РАСТЕНИЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

В. А. МЕРКУЛОВА

ОЧЕРКИ
ПО РУССКОЙ
НАРОДНОЙ
НОМЕНКЛАТУРЕ
РАСТЕНИЙ

Травы

Грибы

Ягоды

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1967

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга посвящена происхождению русских народных названий растений (трав, грибов и ягод). Материал исследования очень разнообразен. Наряду с древнейшими словами (типа *пырей*, *черемша*) рассматривается много поздних образований типа многочисленных названий грибов. Разбираются как исконно славянские слова (например, *хвош*, *лебеда* и др.), так и слова, в основе которых лежит финский или тюркский элемент (*камыш*, *чакан* и др.).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
доктор филологических наук
О. Н. ТРУБАЧЕВ

Народные названия растений представляют обширный материал для исследования в разных аспектах. В этой работе ботаническая лексика рассматривается в аспекте этимологическом, т. е. с точки зрения словообразовательной структуры, семантической мотивированности, закономерностей смысловых и формальных связей, объясняющих происхождение слова.

Народная ботаническая терминология весьма обширна. Она включает в себя названия деревьев и трав, культурных, и дикорастущих растений, съедобных и лекарственных сельскохозяйственных и декоративных и т. д. Трудно судить о том, какие возможности открывает перед исследователем изучение каждой из названных групп ботанической лексики. Кажется, однако, наиболее привлекательным обратиться сначала к тем из них, которые теснее связаны, хотя бы с внешней стороны, с бытом и культурой народа. Автор ограничился названиями дикорастущих съедобных растений: трав, грибов, ягод.

Поскольку в работе рассматриваются народные названия растений, источниками служат диалектные словари и записи диалектной речи. Термины научной латинской номенклатуры приводятся так, как они даны в источнике. Это касается и лингвогеографических помет: при привлечении дореволюционных работ используются названия губерний и уездов, в послереволюционных работах — названия областей и районов. Сведение воедино этой системы представляется нецелесообразным из-за чрезвычайной неустойчивости административных границ.

В процессе работы автором были использованы материалы сектора диалектологии и исторической лексикографии Института русского языка АН СССР, диалектные записи, хранящиеся на филологическом факультете МГУ, словарные материалы сектора диалектологии Института языкознания АН УССР, словарного сектора Института общественных наук во Львове и рукопись бойковского словаря М. О. Онышкевича.

Автор хотел бы выразить свою признательность всем организациям и частным лицам, которые любезно предоставили в его распоряжение лингвистические материалы. Кроме того, автор приносит глубокую благодарность своим учителям: П. С. Кузнецову, О. Н. Трубачеву и Р. А. Аванесову.

Большую помощь автору в работе оказал покойный В. М. Иллич-Свитыч, давший ряд важных замечаний и советов.

Автор

1

Предметом исследования в данной работе служит народная ботаническая номенклатура, которая существенным образом отличается от научной. Одно из определяющих отличий заключается в отсутствии однозначности. Каждый элемент научной ботанической номенклатуры любого языка имеет соответствие в международной латинской номенклатуре и определении, в котором раскрываются существенные признаки понятия. Например, «Мышехвостник» — *Myosurus minimus* L. Растение с правильными бледно-зелеными цветками. Лепестков 5. Чашелистиков 5. Тычинок 5—10. Пестиков много. Завязь верхняя. Листья в прикорневой розетке, линейные».

Народное название растения не обладает признаком однозначности, и значение его не может раскрываться в аналогичном определении. Обычно одним словом называются разные растения, а иногда целые группы растений. Так, в русском литературном языке значительное число видов озерных растений, различающихся внешне и относящихся к разным ботаническим семействам, обозначаются двумя словами *тростник* и *камыш*. В таких фразах, как «Пруд зарос *тростником*», «Мы забрались в густой *тростник*» и т. д., под словом *тростник* разумеются разные, но растущие в одинаковых условиях растения. Любой носитель русского литературного языка словом *ромашка* называет большое число видов сходных внешне, но различных растений. И именно тот вид, который чаще других называется *ромашкой*, т. е. *Chrysanthemum leucanthemum* L., в ботанике не носит этого названия. *Фиалками* называются многочисленные виды рода *Viola*; один из видов,

обладающий нежным запахом, называется *душистой фиалкой*, но это же название носит совершенно не сходное с ним, но тоже обладающее нежным запахом растение семейства орхидных, любка. В качестве естественного пути для обобщения может служить не только внешнее сходство, общность мест произрастания, но и функциональное тождество. «Это *девятыйх*, а это тоже *девятыйх*», — объяснила мне жительница села Шёлома (Архангельская обл.), указывая на совершенно различные растения, тысячелистник и пижму. Но с точки зрения народной медицины эти растения имеют сходные лекарственные свойства. Степень обобщения в названиях растений различна; от индивидуальных названий типа *ландыш* и названий группы близкородственных видов типа *лебеда*, *щавель* до названий, обладающих очень большой степенью обобщенности, типа *молочай*, *репей*, *лопух* и др.

В связи с тем, что одним словом часто обозначаются многие виды растений, определить значение названия растения очень сложно. Наиболее рациональный прием в этом случае, давно используемый в лексикографии, это перевод названия на латинскую ботаническую терминологию, т. е. перечисление элементов значения. Например, медуница — *Pulmonaria, Spiraea ulmaria*. Такой перевод не есть определение значения слова, но он дает возможность избежать неточностей и путаницы, допускаемой в словарях, не использующих латинскую терминологию.

Неоднозначно название растения и в плане лингво-географическом. Одним и тем же словом в разных местностях называют разные растения. Но эти изменения в значениях подчинены тем же закономерностям, что и обобщенные наименования в речи одного коллектива. В одном месте *иван-да-марья* — *Viola tricolor*, в другом — *Melampyrum nemorosum*; оба растения имеют яркую внешнюю черту — сочетание контрастных, желтого и синего, цветов. Подвижность значения названия в рамках одного языка, а иногда и группы языков определяется теми же факторами (внешним сходством, общностью мест произрастания, общностью использования и т. д.), но общие соотношения не всегда так просты и прямолинейны, как в только что приведенном примере. Реально картина выглядит иначе. Если в качестве обозначения единиц значения использовать латинскую терминологию, то мы обнаружим, что в русском литературном языке слова *тростник*

и *камыш* значат 'Typha', 'Phragmites', 'Juncus', 'Scirpus', 'Acorus', 'Heleocharis', 'Butomus'. Совокупность данных элементов значения образует семантическое поле¹. Структура данного поля в литературном языке такова, что оба слова могут или замещать друг друга, или же слово *камыш* выступает в значении 'Typha', а все остальные элементы значения обозначаются словом *тростник*. В говорах набор слов, входящих в данное микрополе, иной; меняются не только сами элементы, меняется их число, их соотношение с единицами значения, т. е. микрополе имеет иную структуру. Описание изменений структур и единиц определенных микрополей в рамках одного, нескольких или всех говоров русского языка представляет собою необходимый этап изучения лексики. Но эта работа по названиям растений до сих пор еще не проводилась никем. Диалектные словари, построенные по дифференциальному признаку, не дают возможности представить себе живую семантическую структуру говора. Единственный материал, которым мы можем пользоваться, — это набор единиц, входящих в данное микрополе во всех говорах русского языка. В отдельных говорах это может быть: а) *рогоз*, *тростник*; б) *ситá*, *трестá*; в) *ситá*, *лещугá*; г) *камыш*, *кугá*, *ситá*, *сусáк* и т. д. Список единиц, входящих в данное поле, по всем говорам русского языка с большей или меньшей полнотой может быть представлен следующим образом: *палочник*, *киёвник*, *рогоз*, *тростник*, *очерет*, *ситá*, *веретельник*, *сабельник*, *пáсошья*, *лещуга*, *сусак*, *камыш*, *кугá*, *чáкан*, *пастечки*, *каржла*, *ханьга*, *бир*. Такой список я называю г р у п п о й названий. Число слов, входящих в группу названий грибов, свыше трехсот пятидесяти. В каждом конкретном случае число единиц микрополя может колебаться от нуля до цифры, превышающей число элементов значения, так как в ряде говоров отдельные единицы могут обозначать части растений или их подвиды. Число единиц семантического микрополя одного говора всегда меньше общего числа единиц данного микрополя в масштабах всего языка. Границы микрополя не замкнуты, отдельные элементы могут входить в несколько полей, создавая сложные перекрещивания полей. Учение о се-

¹ См. анализ семантических микрополей: Н. И. Толстой. Из опытов типологии славянского словарного состава. — ВЯ, 1963, № 1.

мантических микрополях позволяет увидеть закономерности в отношениях бесчисленного множества элементов. Для этимологии понятие микрополя дает два чрезвычайно важных вывода.

1. Подвижность значения и границ микрополя, а также способность микрополей перекрещиваться — явления, имеющие свои ограничения. Существуют такие поля, которые никогда не перекрещиваются. Это положение показывает ложность некоторых этимологий, не считающихся с закономерностями семантики (см. статью *снить*).

2. Для единиц, входящих в одно микрополе, характерно воспроизведение одного и того же или нескольких этимологических признаков, что позволяет внести серьезные коррективы в этимологическую работу (см. статьи *латать*, *жеруха* и др.). Возможны типологические сопоставления, которые нередко показывают сходство в выделении определенных микрополей и различия в их внутренней структуре, зачастую аналогичные различиям микрополей по говорам внутри одного языка. Воспроизведение сходных семантических моделей дает материал для создания калек при языковом контакте.

2

Возможна постановка вопроса и в ином плане: лингвистический материал как отражение классификации и систематизации растительного мира в сознании народа. Изучение свойств растений получило выражение в их названиях, в степени обобщенности этих названий и в связях между ними. На основании изучения народных названий растений можно сказать, какие растения считались лекарственными, какие виды не выделялись как самостоятельные и т. д. Приведу лишь один пример, показывающий отличия научной и народной классификаций. С точки зрения научной семейство гречишных делится на два рода и одиннадцать видов; род *Rumex* и род *Polygonum*; виды: *Rumex acetosella* L., *Rumex acetosa* L., *Rumex crispus* L., *Rumex aquaticus* L., *Polygonum aviculare* L., *Polygonum amphibium* L., *Polygonum scabrum* Moench., *Polygonum hydropiper* L., *Polygonum bistorta* L., *Polygonum convolvulus* L. и *Polygonum fagopyrum* L. С точки зрения народной систематики эти два рода никогда

не объединяются в одно семейство. Существует самостоятельный род *Rumex* под названием *щавель*, или *кислица*; внутри этого рода деление на два вида по принципу съедобности для человека: *щавель* и *конский щавель*. Тесные связи, выражающиеся в общих наименованиях, объединяют съедобный щавель с борщевником, растением другого семейства. Род *Polygonum* в народной систематике не существует. *Polygonum fagopyrum* L., будучи культурным растением, носит свое самостоятельное имя *гречиха*. *Polygonum convolvulus* L. входит в качестве вида в большую группу вьющихся растений различных семейств, объединенных общим названием *вьюнок*, или *повилика*. Другие виды *Polygonum*, очень часто не различаемые, объединяются с многими видами другого семейства — *Potamogeton* под общим наименованием *рдест*.

Попытка на основании лингвистических данных сделать некоторые выводы нелингвистического порядка принята мною во второй главе, посвященной названиям грибов.

3

Настоящие очерки ставят перед собой цель выяснить происхождение ряда названий растений. Так как число растений, известных на территории нашей страны, составляет несколько тысяч, а число их названий в несколько десятков раз больше, мною рассматриваются названия только дикорастущих съедобных растений с чисто практической целью ограничения материала (названия съедобных трав, грибов и ягод). На основании показаний этнографии и ботаники выделяются виды съедобных растений; затем уже на основании лингвистических данных определяются микрополя, в которые входят названия данных видов. Анализ микрополя чаще всего ограничивается сведением воедино всех названий, входящих в данное микрополе, во всех говорах русского языка. В общей сложности рассмотрено тридцать пять групп таких наименований. Две группы, сведения по которым значительно богаче, чем по остальным, выделены в качестве самостоятельных глав: названия грибов и названия ягод. Внутри каждой группы анализ подчиняется относительно единому плану: вначале дается краткая характеристика реального плана, так как ботаническая лексика, будучи

номинативной по природе, вызывает неизбежность апелляции к внешним признакам и свойствам растений при решении того или иного этимологического вопроса. Затем определяются очень обобщенно границы данного микрополя во всех говорах русского языка, его структура, внешние и внутренние связи. В тех случаях, когда рассматриваемая лексика этимологически достаточно прозрачна, я ограничиваюсь ее словообразовательным и семантическим анализом. В тех же случаях, когда этого недостаточно, каждое название рассматривается в самостоятельной этимологической статье. В первой главе, касающейся названий травянистых растений, специальные статьи посвящены лишь наиболее употребительным названиям. Названия же эпизодические, узкоместные часто просто перечисляются. Характер этимологических статей различен и зависит от типа наименования. Если название устойчиво на обширной территории, обладает минимальным числом синонимов, оно стоит в качестве заглавного в этимологической статье (таковы статьи *папоротник*, *крапива*, *лебеда* и др.). Но есть названия неустойчивые, легко меняющиеся от говора к говору, число таких синонимов достигает иногда значительной цифры, но, как правило, такие синонимичные образования воспроизводят одну или две семантические модели, и поэтому они могут рассматриваться одновременно. Характеристике такого рода наименований посвящены статьи: *чайка*, *кувшинки*, *просвирки* и др.; в качестве заглавного вынесено одно из группы семантически аналогичных наименований.

Часть рассматриваемых слов имеет обширную этимологическую литературу (см. статьи *лебеда*, *рогоз*, *черемша*), другие попали в сферу этимологических исследований впервые (статьи *марь*, *батлачик*, *пикан*, *балаш*, *купырь* и др.).

В конце анализа каждой группы названий делается попытка небольшого обобщения.

4

Отбор источников для работы производился в соответствии с задачей — проанализировать народные названия растений.

Материалы русских исторических словарей, памятников использовались лишь попутно и лишь в том случае,

когда это вызывалось необходимостью для определения этимологии слова ².

Также лишь по необходимости использованы и материалы русских травников и лечебников, в связи с тем, что они требуют специального текстологического анализа, будучи переводными или списками с переводных, и выделение собственно русских народных названий в них очень затруднено ³.

Выборочно использованы мною и материалы ботанических словарей. Их целью было создание русской научной ботанической терминологии, для чего использовались наряду с народными названиями заимствования, кальки, искусственно созданные слова ⁴. Собственно народные названия растений впервые были собраны Н. Анненковым ⁵ и впоследствии включены им в его ботанический сло-

² Надо сказать, что в летописях очень редко встречаются названия растений. Материалы словаря Срезневского дают лишь около ста таких названий, но это главным образом слова, обозначающие деревья, кустарники и культурные растения. Дикорастущих растений названо всего немногим более двадцати: *белень* (I, стр. 68), *ковыля* (I, стр. 1244), *кропива* (I, стр. 1329), *к 8 коль*, *себръпица* (I, стр. 1360), *лебеда*, *лобода* (I, стр. 13), *осот* (II, стр. 734); *папороть* (II, стр. 878) и некоторые другие. Большой интерес для раскрытия истории слов имеют рукописные материалы Древнерусского словаря АН СССР.

³ См.: В. М. Флоринский. Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1880; Л. Ф. Змеев. Былое врачебной России. СПб., 1890; «Русские врачебники (исследование в области нашей древней врачебной письменности Змеева)». СПб., 1896; «Материалы для истории медицины в России», т. I—IV. СПб., 1881—1906; Н. А. Богоявленский. Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М., 1960.

⁴ Ср.: Словарь ботанический, содержащий наименования растений и их частей тщанием и иждивением Вольного экономического общества, изданный 1796 г.; А. Мейер. Ботанический подробный словарь, или Травник, ч. I—II. М., 1781—1783; Подробный словарь увеселительного, ботанического и хозяйственного садоводства. На российский язык переведенный и азбучным порядком расположенный Н. И. СПб., 1792; Ю. М. Максимович. Амбодик. Новый ботанический словарь на латинском, немецком и русском языках. СПб., 1804; И. И. Мартынов. Словарь родовых имен растений с переводом на русский язык, означением их происхождения, класса, к кому каждый род принадлежит, и числа известных пород каждого растения по показаниям Персона и Штейделя. СПб., 1826; и другие словари.

⁵ Н. И. Анненков. Простонародные названия русских растений. М., 1858; Он же. Ботанический словарь или собра-

варь. Этот словарь использован мною достаточно полно благодаря его высоким лингвистическим качествам. Названия растений приводятся с указанием места, где зафиксировано слово, выделены калльки, искажения, заимствования, что ставит этот словарь значительно выше многих позднейших работ⁶. Вполне естественно, что, несмотря на очень богатые материалы, словарь Анненкова не был полным⁷.

После этого словаря в течение почти ста лет выходили в свет многочисленные работы по русской диалектной лексике, в той или иной степени содержащие и названия растений. Это диалектные словари, списки диалектных слов в журналах и газетах, материалы Московской диалектологической комиссии, рукописные фонды архивов АН СССР и Русского географического общества, записи, хранящиеся в диалектологических кабинетах, и диссертации, посвященные исследованию лексики или монографическому описанию говора. В общей сложности мною использовано свыше двухсот работ, не считая собственных наблюдений в ряде говоров. Но, несмотря на обилие работ, содержащих диалектную лексику, целый ряд областей

имеющих названия как русских, так и многих иностранных растений на языках латинском, русском, немецком, французском и других, употребляемых различными племенами, обитающими в России. Изд. 2. М., 1878.

⁶ Ср.: E. M a j e w s k i. Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich, I—II. Warszawa, 1889—1894; S. M a k o w i e s k i. Słownik botaniczny łacińsko-małopolski. Kraków, 1936; Б. А х т а р о в. Материалы за български ботаничен речник. София, 1939; Д. С и м о н о в и ч. Ботанички речник научных и народных имен бильбака са именами на руском, англиском, немачком и французском језику. Београд, 1959. К. С. Г о р н и ц к и й. Список русских и немногих инородческих названий растений. Дополнение к «Ботаническому словарю» Анненкова. Харьков, 1886; М. Г о р с т. Материалы для исследования народных лекарственных растений Томской губ. Томск 1894; Т. И. В е р б и ц к и й. Некоторые лекарственные растения, употребляемые простым народом в Курской губ. Ж. Ст., год 8-й, 1898.— Последние работы заслуживают упрека в злоупотреблении научной терминологией.

Трехтомный труд Залесовой и Петровской (Полный иллюстрированный словарь-травник и цветник, составленный по новейшим ботаническим сочинениям врач. Е. Н. Залесовой и О. В. Петровской, т. I—III. СПб., 1898—1899), несмотря на пышное название, есть не что иное, как переписанный в алфавитном порядке словарь Анненкова.

⁷ См.: В. М. М а р к о в. Об изучении местных названий животных и растений. «Материалы и исследования по диалектологии Волго-Камья». Казань, 1961.

почти не изучен в этом отношении. Исключительно мало работ по лексике Владимирской, Пермской, Костромской, Ленинградской областей, по говорам Сибири. Значения приводимых в словарях названий растений не отличаются точностью.

Специальных работ по этимологии русских народных названий растений до сих пор не было, хотя значительная часть слов была проанализирована в словарях Горяева, Преображенского, Фасмера, значительная часть общеславянской ботанической лексики отражена в этимологических словарях других славянских языков. Несмотря на это создание этимологического словаря русских названий растений пока еще не может быть осуществлено⁸.

Необходима большая предварительная работа, ставящая перед собой более частные задачи: собрание и составление полных списков названий растений по отдельным областям⁹, изучение конкретных семантических полей отдельных групп названий растений, создание нового полного ботанического словаря, проведение словообразовательного и этимологического анализов отдельных групп названий растений.

Данная работа может рассматриваться лишь как предварительный опыт этимологизации группы народных названий растений, решающий задачи на ограниченном материале.

5

Выделение для исследования названий только съедобных растений с неизбежностью влечет за собой постановку вопроса в плане других наук — этнографии и истории культуры: какие растения следует считать съедобными и какие из них употребляются в пищу на территории славян. Так как эта проблема имеет лишь косвенное отношение к моей теме и существенна для меня лишь в

⁸ См. работы этого типа: V. M a c h e k. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954; A. C a r n o y. Dictionnaire étymologique des noms grecs de plantes. Lonvain, 1959; R. S t r ö m b e r g. Griechische Pflanzennamen. «Acta universitatis Gotoburgensis», Bd. XLXI. Göteborg, 1940; H. M a r z e l l. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen. Leipzig, 1937.

⁹ Интересные попытки в этой области уже существуют, см.: И. П. Г р и ш и н а. Из диалектной лексики флоры Рязанской области. «Уч. Зап. Рязанского ГПИ», т. 25, 1959.

качестве критерия для ограничения материала, то я ограничусь освещением ее во введении, чтобы в дальнейшем почти не возвращаться к ней в самом тексте работы и исследовать названия растений, опираясь на закономерности и связи чисто лингвистического характера.

Собирательство, наряду с охотой и рыболовством, — одно из древнейших занятий человека. Оно сопровождало человека на протяжении всей его истории, постепенно развиваясь из процесса добывания необходимых средств существования в одну из увлекательнейших страстей любителей природы.

К сожалению, вопрос о собирательстве у славян и в современном и в историческом планах в этнографической литературе разработан крайне слабо¹⁰. Имеющиеся сведения случайны и неполны¹¹. Известный польский этнограф

и лингвист К. Мошинский справедливо замечает: «*Nomenklatura związana z roślinami jadalnymi, rosnącymi dziko na ziemiach słowiańskich, nie została nigdzie gruntownie zebrana ani, oczywiście, opracowana*»¹². (Номенклатура, связанная со съедобными дикорастущими растениями, в славянских странах никогда не была должным образом собрана и обработана). Наименее разработан этот вопрос и в книгах, посвященных истории культуры славян¹³. И лишь в последней работе К. Мошинского проблема собирательства рассматривается в качестве самостоятельной и в наиболее интересном аспекте — в плане решения вопроса о культурно-экономическом уровне славян периода общности¹⁴.

Сведения, сообщаемые в ботанических работах, обычно не имеют географической приуроченности¹⁵, тогда как само понятие «съедобность» существует только в связи с национальным опытом.

kow ska, Polskie ludowe nazwy grzybów. Wrocław — Warszawa. Kraków, 1964; A. Chętnik. Pożywienie kurpiów. Kraków, 1936.

¹² К. Мосзыński. O sposobach badania kultury materialnej Praslówian. Wrocław — Kraków — Warszawa, 1962, стр. 100.

¹³ К. Мосзыński. Kultura ludowa Słowian. I—II. Kraków, 1929; К. Мосзыński. Pierwotny zasięg języka praslówian. Kraków, 1957; L. Niderle. Rukovět' slovanských starožitností. Praha, 1953; «Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych», t. I. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962. В капитальном труде Маурицио (A. Maurizio. Die Geschichte unserer Pflanzennahrung von den Urzeiten bis zur Gegenwart. Berlin, 1957) Россия остается почти вне поля зрения.

¹⁴ К. Мосзыński. O sposobach badania kultury materialnej Praslówian. rozdział I. Przykłady z dziedziny tzw. zbieractwa (s. 100. 141) Wrocław — Kraków — Warszawa, 1962.

¹⁵ См. «Флора СССР», т. I—XIX, 1934—1953; П. Маевский. Весенняя флора. М., 1934; Он же. Осенняя флора. М., 1929; Д. Н. Кайгородов. Наши весенние цветы. СПб., 1911; Он же. Наши осенние цветы. СПб., 1911; С. С. Станков. Дикорастущие полезные растения СССР. М. — Л., 1946; М. И. Нейштадт. Определитель растений. М., 1954; Д. С. Аверкиев. Дикорастущие плодово-ягодные растения в Горьковском крае. Горький, 1933; А. А. Быстрова и Ю. К. Круберг. Употребление в пищу лесных, луговых и полевых растений. Л., 1942; С. А. Гудевич и А. Н. Шиврина. Съедобные дикорастущие травы. Л., 1942; Б. А. Келлер. Дикие съедобные растения. М., 1941; Ю. Л. Круберг. Дикорастущие съедобные растения Зауралья. Челябинск, 1943; А. А. Никитин и И. А. Панков. Дикорастущие съедобные растения Ленинградской области. Л., 1944.

¹⁰ Специальные работы, посвященные этому вопросу, на русском материале отсутствуют, сведения о собирательстве на Украине и в Белоруссии гораздо полнее, потому что в течение XIX в. обе территории вызвали значительный этнографический интерес. См.: «Этнографический сборник», т. I — V. СПб., 1853—1862; Пупарев. Простонародные названия растений. «Тверские губернские ведомости», 1869, № 34, 37, 41, 44, 47; «Записки РГО по отделению этнографии», т. I—47. СПб., 1867—1925; А. В. Балов. Очерки Пошехонья, т. 1—6. М., 1898—1899; Д. Н. Кайгородов. Собиратель грибов. СПб., 1891; Е. Ф. Карский. Белорусы, кн. 1, т. II—III. Вильна — Варшава — Москва, 1904—1922; П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. III. М., 1899; W. Szuchewicz. Nuculszczuzna, t. I.—II. Lwów, 1902; «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. I—II. Пг., 1916; Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обихода, Витебск, 1895; А. Афанасьев-Чужбинский. Быт малорусского крестьянина. «Вестник РГО», ч. XIII, 1855; К. С. Горницкий. Список русских и немногих инородческих названий растений. 2-е дополнение к «Ботаническому словарю» Анненкова. «Зап. Юго-зап. отд. ГО», т. 2. Харьков, 1847; В. Щ. Пища и питье крестьян-малороссов. «Этнографическое обозрение» (отдельный оттиск); Н. Маркевич. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1890; Н. И. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII столетиях. СПб., 1905.

¹¹ Литература по этому вопросу у других славянских народов тоже небогата. См.: В. Карашић. Живот и обичаји народа српскога. Београд, 1957; С. Тројановић. Старинска српска јела и пића. Београд, 1897; V. Novák. Slovenska ľudska kultura. Ljubljana, 1960; M. Ulehlová-Tilšchová. Česká strava lidová. Praha, 1945; H. Orlosi M. Nehring. Atlas grzybów jadalnych i trujących. Warszawa, 1953; B. Bartnicka-Dąb-

Категория съедобности или несъедобности достаточно неопределенна. Вспомним забавный разговор русских и французских солдат, приводимый И. Эренбургом, о том, что гречневую кашу во Франции только скотина ест, а улиток и лягушек в России и скотина не ест. Число употребляемых в пищу растений составляет ничтожный процент по отношению к тем, которые рассматриваются наукой как съедобные. Использование дикорастущих растений в значительной мере зависит от уровня жизни народа, культурных контактов, традиции, природных условий, религиозных запретов и многих других факторов.

Значительно меняется представление о съедобности того или иного растения на протяжении истории. Очень показательна в этом отношении история распространения картофеля в Европе. Трудно представить себе рацион современного европейца без картофеля, а в конце XVIII в. известный садовод Болотов одним из первых в России выступил в защиту «тартуфоли». История культурных растений показывает, как одни из них то выдвигаются на роль ведущих, то отодвигаются на задний план. Роль репы в питании русского человека XX в. ничтожна, а памятники свидетельствуют о том, что в XII—XIII вв. она была одним из основных продуктов питания. Если с течением времени меняется роль культурных растений, то тем более это можно сказать о дикорастущих. Еще в середине XIX в. ростки хвоща и очерета продавались на рынках. «Борщ (*Heracleum sibiricum*) употреблялся в пищу вместо капусты... его специально сеяли и даже запасали впрок...»¹⁶.

Не менее шаткой, чем граница между съедобными и несъедобными растениями, является граница между культурными и дикорастущими. Щавель собирают каждую весну и продают на рынках, но есть и культурные сорта щавеля. Цикорий — сорняк, растет вдоль дорог, на пустырях, но в Ярославской области есть целые плантации культурного цикория. Дикая горчица засоряет поля, но в то же время выведено много культурных сортов. Одуванчик, медуница, баранчики растут у нас только в диком состоянии, но в целом ряде западных стран их выращивают в огороде, как салат¹⁷.

¹⁶ А. А. Ивашко. Лексика печорских говоров. Канд. дисс., рукопись. Л., 1955, стр. 98.

¹⁷ С. С. Станков. Указ. соч., стр. 217.

Принимая во внимание все сказанное, можно разделить дикорастущие съедобные растения России на четыре группы.

1. Растения, которые собираются и используются в пищу постоянно. К ним в первую очередь относятся грибы. Употребление славянами грибов в отличие от своих ближайших соседей, которые грибов или не едят (финны, турки, германцы) или употребляют другие виды (балты, романские народы), представляет собою этнографическую загадку. Исторические свидетельства об употреблении русскими грибов встречаются часто, начиная с XVI в.¹⁸ До этого времени непосредственных данных нет. Потребление грибов значительно увеличивалось в связи с религиозными постами. Потанин сообщает, что только из Каргополя ежегодно поставлялось в Петербург около 5000 пудов рыжиков¹⁹. По свидетельству многих этнографов, в рационе крестьянской семьи грибы составляли очень значительный процент.

К сожалению, отсутствуют данные об употреблении отдельных видов грибов в России. Из случайных свидетельств складывается впечатление, что в отдельных местностях не едят лисичек, белых грибов, а на значительных территориях не едят шампиньонов. Об этом упоминает Н. Никифоровский: «Все остальные грибы, не исключая и пре-

¹⁸ В словаре Ричарда Джеймса (1619) упоминается пять названий грибов: *рыжик*, *губа*, *груздь*, *волвонница*, *гриб*. В приходо-расходных книгах сплошь и рядом встречаются записи: ... «гру³дей да рыжи^{ко} на 2 гривны». (Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря 1573—1574 гг., л. 112 об.) ... «Взято за грузди съ Молодилова полтина денегъ» (Книга приходная Болдинского монастыря. 1593—1607 гг., л. 191). «Ку^плено две кри^чки гру³дей да кадо⁴ка рыжиков». (Книга приходо-расходная Суздальского монастыря № 659. 1690 г., л. 214 об.—215). Котошихин сообщает в своих записках: «... ав Великий и въ Успеніевъ посты готовятца ѣствы: капуста сырая и грѣтая, грузди, рыжики, соленые, сырые и грѣтые и ягодые ѣствы, без масла...» (Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 2. СПб., 1859). Книга кушаний митрополита Андриана наполнена упоминаниями о рыжиках холодных и гретых, груздях гретых, грибах вареных, свежих, грибах на масле, грибах в тесте, сморчках со сметаной, опенках с яйцами и т. д. (Расходная книга патриаршего приказа кушаньям подававшимся патриарху Андриану и разного чина лицамъ съ сентября 1698 по августъ 1699 г. СПб., 1890, стр. 2—3, 190, 199 и др.). См. еще: V. P. and R. G. Wasson. Mushrooms, Russia and History. New York, 1956.

¹⁹ «Природа и охота», 1878, декабрь, стр. 189.

краснейших шампиньонов, причисляются к разряду блугушек и поганок»²⁰.

Постоянно употреблялись и употребляются в хозяйстве многие виды ягод. Для сбора таких ягод, как клюква, черника и брусника, используются специальные маленькие грабли в виде совка с зубьями. Не стоит говорить о различных видах кушаний, приготовляемых из ягод, — они общеизвестны. Не повсеместно, но достаточно широко распространено изготовление муки из ягод черемухи и каш из томленных ягод калины. В некоторых северных областях едят водяницу (*Empetrum nigrum*); в ряде южных областей употребляют как начинку в пироги и в сыром виде ягоды паслена (*Solanum nigrum*).

Из травянистых растений повсеместно и постоянно используются щавель и молодая крапива как зелень для щей. И в наши дни большой популярностью в деревне пользуются наборы разных душистых трав как суррогат чая: листья земляники, черной смородины, иван-чая и др. Целый ряд дикорастущих растений выступает как заменитель хмеля: пижма, куколь и др. В Сибири запасают впрок соленьем черемшу.

2. Растения, которые широко употреблялись раньше, но сейчас их использование сократилось или забыто вообще.

Из них наибольший интерес представляют манник (*Glyceria fluitans*), водяные орехи (*Trapa natans*), хвощ (*Equisetum*), чистяк (*Ficaria verna*) и некоторые другие.

Водяные орехи (*Trapa natans*) найдены в больших количествах в свайных постройках каменного века. Размеры запасов говорят о том, что растение играло роль, аналогичную роли картофеля в наше время. Раскопки показывают, что на Руси в X—XII вв. употребление водяных орехов было очень широко распространено. Их ели, как каштаны, или сушили, толкли и добавляли в муку. Есть свидетельства, что еще в XVIII в. водяные орехи разводили на Украине в прудах и на побережье Каспийского моря²¹. В настоящее время растение почти вышло из употребления, только в Поволжье его едят дети.

²⁰ Н. Я. Никифоровский. Очерки престолярного быта-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обихода, стр. 476.

²¹ А. Маурицио. Указ. соч., стр. 71—72.

В отличие от пшеницы и других зерновых культур манник (*Glyceria fluitans*) — местный европейский хлеб. Растение никогда не возделывалось, его зерна собирали сейчас уже неупотребительным способом: размахами сита по сырой траве. Исторические исследования показывают, что употребление зерен манника сначала было распространено только у славянских народов²², позже распространилось на запад. Вплоть до XVIII в. манник упоминается как сельскохозяйственный продукт и служит предметом экспорта²³.

Сохранились свидетельства об употреблении чистяка (*Ficaria verna* Huds.). «В гористых и холмистых местах, там, где чистяк встречается в большом количестве, нередко случается, что его шипковатые корни вымываются дождями из земли, и, принесенные потоками в долины, вместе с выводковыми почками, дают повод к рассказам о «пшеничных дождях». Бедные люди собирают эту небесную пшеницу и употребляют ее в пищу»²⁴. Об этом же пишет В. Махек: «Hlízky orseje byly dříve sbírány jakožto «mana»... O požívání hlízek orseje svědčí i polské lidové jméno orseje pszonka»²⁵. (Зерна чистяка в старину собирались как «манна»... Об употреблении зерен чистяка свидетельствует и польское народное название чистяка — пшонка).

Съедобные клубневидные утолщения хвоща (*Equisetum*) в древности имели, по-видимому, большое употребление, так как ими бывают иногда наполнены сосуды, найденные при раскопках древних погребений. Данные современной этнографии говорят о том, что эти клубни под названием земляных орехов собираются главным образом детьми.

Очень широко вплоть до начала XX в. во многих местах Украины, России и Белоруссии употреблялись листья и стебли ряда растений как зелень для щей. Это в первую очередь снить (*Aegorodium podagraria*), борщевник (*Heracleum sibiricum*), дягиль (*Angelica archangelica*), лебеда

²² Уже в VII в. (в раскопках у Старой Ладogi) встречаются зерна манника вместе с зернами пшеницы (М. М. Якубчикер. О составе зерновых культур из Старой Ладogi. «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. 57, 1955.

²³ А. Маурицио. Указ. соч., стр. 45 и след.

²⁴ Д. Н. Кайгородов. Наши весенние цветы. СПб., 1911, стр. 66.

²⁵ V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 50.

(*Chenopodium album*), осот (*Sonchus oleraceus*), латук (*Lactuca scariola*), черныбыльник (*Artemisia vulgaris*) и некоторые другие ²⁶.

Большое число дикорастущих растений употреблялось в качестве пряностей в различные кушанья, квас, вино и т. д.

3. Растения, собираемые весной главным образом детьми и не играющие серьезной роли в питании.

Весной с появлением первой зелени дети едят листья, стебли, корни некоторых дикорастущих растений. Это скорее игра, чем собирательство, но в то же время она несомненно, отражает опыт прошлого. Едят стебли и листья баранчиков (*Primula veris*), стебли козлобородника (*Tragopogon pratensis*) (особенно широко в южнорусских областях и на Украине, где их называют *козельци*), стебли дягиля (*Angelica archangelica*) и купыря (*Anthriscus silvestris*). Распространено употребление в пищу стеблей и листьев молочая (*Lactuca scariola*), различных видов крестоцветных (*Barbarea vulgaris*), сурепки (*Bunias orientalis*) свербиги и некоторых других. Большой популярностью пользуются зелень и луковички различных видов дикорастущего лука и чеснока: *Allium victorialis*, *All. ursinum*, *All. angulosum*, *All. sphaerocephalum*, *All. schoenoprasum*, *Gagea lutea*; молодой хвощ (*Equisetum*), называемый *пестиком*, ростки тростника (*Phragmites communis*) и рогоза (*Typha latifolia* а. *angustifolia*), на Украине носящих название *шпичаков*; зачатки семян кувшинок (*Nymphaea alba*), плоды мальвы (*проскурки*), молодые шишки и отростки сосен и елей, называемые *заспой*, *крупкой*, *кашкой*; листья щавеля (*Rumex*) и стебли черныбыльника (*Arte-*

²⁶ «Щи готовят... из молодой крапивы, снытки, лебеды, черныбыльника, сурепки, щавеля, молодой гречишисвежей капусты», («Этнографический сборник», вып. V, стр. 14). «... щи из щавеля шпички, крапивы, бобовника, дягиля и других дикорастущих трав, приправленных небольшим количеством муки» («Этнографический сборник», вып. II, стр. 139). «Есть еще весеннее кушанье под названием лапней. Оно составляется из крапивы, снiti, борща, лебеды, щавеля и осота» («Этнографический сборник», вып. III, стр. 138). «В борщ кропится следующая зелень: крапива, щавель, свекла, забудьки, сурепка, молочай, лобода, капуста свежая или кислая» (В. Ш. Пища и питье крестьян малороссов, стр. 281). В романе Л. Толстого «Анна Каренина» Долли встречает баб, идущих «за сныткой и молочником». К. Мошинский пишет о том, что во времена Ягеллы сныть продавалась на рынках в Кракове (K. M o s z y ŋ s k i. O sposo- bach badania kultury materialnej Prasłowian, стр. 129).

misia vulgaris). Весною пьют сок березы и клена (*березовицу* и *кленовику*), а осенью выкапывают и едят клубни хвоща и прикорневые шишки таволги (*Spigaea ulmaria*), и то и другое носит название *земляных орехов*, корни ситника (*Juncus*) и рогоза (*Typha*), называемые *чақан*.

4. Растения, собираемые и используемые в пищу в периоды войн и неурожая. Невнимание к некоторым дикорастущим растениям не всегда говорит о том, что они менее полезны, чем культурные, просто их использование менее рационально, возможности сбора ограничены и требуют свободных рабочих рук. Еще в XIX в. добавление в муку различных растений было типичным явлением в деревне ²⁷.

Многочисленные показания этнографической литературы говорят о том, что чаще всего в качестве заменителей зерна употреблялись высушенные и толченые корневища белокрыльника (*Calla palustris*), пырея (*Agropyrum repens*), водяного шильника (*Alisma plantago*), кувшинок (*Nymphaea alba*) и чистяка (*Ficaria verna*). Наибольшей популярностью пользовались корневища белокрыльника, которые широко употребляются и у финских народов («Suovehkan juurakosta valmistettu hataleipä» ²⁸). Дополнительным аргументом, показывающим использование белокрыльника, служат его названия *житница* и *хлебница*.

Добавляли в муку семена лебеды, мелкорастертые сушеные листья папоротника, вереска, цветы клевера, мох, гнилушки.

В некоторых областях, особенно в Поволжье и на Урале, пекли в золе, по примеру своих соседей, а иногда ели и сырыми, корневища и клубни хвоща и таволги, камыша (*Scirpus lacustris*), цыска (*Butomus umbellatus*), раковых шеек (*Polygonum bistorta*), калужницы (*Caltha palustris*) и хмеля.

Здесь мы вступаем в область бросающегося в глаза противоречия между тем, что может быть использовано в

²⁷ «В более тяжелое голодное время самые бедные к невяной ржи прибавляют равное количество разной мякоти или муки из высушенных в печи листьев папоротника, копытника, вереска, разных лесных и торфяных мхов, березовой коры; корней: пырейника, водяного шильника, водяной змейки или бобовника, белых и желтых кувшинок, или водяных лилий» (А. К и р к о р. Этнографический взгляд на Виленскую губернию. «Этнографический сборник», вып. III, СПб., 1858, стр. 138).

²⁸ N y k y - s u o m e n sanakirja, т. VI. Helsinki, 1961, стр. 416.

пищу и что действительно используется. Грибы, ягоды, растения, дающие зелень, на территории России прекрасно известны, и употребление их полно и многообразно, но растения, заменяющие зерновые культуры, почти не известны, и даже в период голода употреблялась ничтожная часть из них. Я не буду перечислять здесь все те растения, которые могут быть использованы как суррогат муки, скажу лишь, что они составляют не менее 40—50 видов. Из известных растений, дающих зерна для каш, в этнографической литературе не отмечено ни одного. Это противоречие очень многозначительно. Можно полностью согласиться с мнением К. Мошинского, что только народ с развитым земледелием мог так пренебрежительно относиться к ресурсам дикорастущей флоры. Мошинский пишет: «w tym świetle Praslówianie rysują się przed nami jako lud żyjący od bardzo długich wieków z uprawy roślin i hodowli zwierząt. Bowiem chyba tylko stosunkowo dużym rozwojem hodowlano-rolniczej gospodarki, jej prawdą i bardzo długotrwałymi okresami względnego dobrobytu w prawnie można by wytłumaczyć tak skąpą znajomość najpożywniejszej części dzikiej flory jadalnej, jaką zdradzają dotychczasowe nasze dane»²⁹. (В этом свете праславяне предстают перед нами как народ, занимающийся с давних времен растениеводством и скотоводством. Ибо только значительным развитием скотоводческо-земледельческого хозяйства, его древностью и длительными периодами экономического благополучия в древности можно объяснить такое несовершенное знание наиболее употребительной части дикорастущих съедобных растений, которое до сих пор поражает наше воображение).

Вступает ли этот вывод в противоречие с показателями лингвистики, видно из данной работы.

²⁹ К. Мосзуйски. O sposobach badania kultury materialnej Praslówian. Wrocław — Kraków — Warszawa, 1962, стр. 140.

I

НАЗВАНИЯ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ

1 группа

Первая группа названий объединяет шесть растений, принадлежащих к разным ботаническим семействам: *Calla palustris* L., белокрыльник, *Caltha palustris* L., калужницу, *Menyanthes trifoliata* L., вахту, *Nymphaea alba* Presl., кувшинку, *Nuphar luteum* Sm., кубышку и *Trollius europaeus* L., купальницу. Эти растения растут в воде или около воды, четыре вида сходны внешне, имеют крупные желтые или белые цветы, оставшиеся два объединены с первыми благодаря сходному использованию съедобных корневищ. Общность мест произрастания, внешнее сходство и одинаковое использование объединяют эти растения в народном сознании. Значительное число их наименований относится сразу к нескольким видам. Образуя одно семантическое микрополе, названия этих растений перемещаются в границах микрополя. Отвлекаясь от конкретных микрополей, можно представить обобщающую схему данного микрополя в русских говорах. В этом случае лексема *лататье* будет соотноситься с *Caltha palustris*, *Nymphaea alba* и *Nuphar luteum*, *вахта*, *вахтовник* — с *Nymphaea alba*, *Nuphar luteum* и *Menyanthes trifoliata*, *бобовник* — *Menyanthes trifoliata* и *Calla palustris* и т. д. Общая схема соотношений носит абстрактный характер, но она показывает границы микрополя с другими микрополями и его перекрещивание в масштабе всех русских говоров (табл. 1).

Латинские термины в схеме выступают как единицы значения. Знак «+» показывает лишь связь формы и значения, но не характер этой связи, так как *болоболка* может значить 'Nuphar', или 'Nymphaea', или же 'Nuphar, Nymphaea'.

Таблица 1

	'Nymphaea'	'Nuphar'	'Caltha'	'Trollius'	'Calla'	'Menyanthes'
лататъе	+	+	+	—	—	—
вахта	+	+	—	—	+	+
купава	+	+	+	+	—	—
лопушник	+	+	+	—	—	—
кувшинка	+	+	—	—	—	—
болоболка	+	+	—	+	—	—
ушко	—	—	—	—	+	+
куриная слепота	—	—	+	+	—	—
бобовник	—	—	—	—	+	+
хлебница	—	—	—	—	+	—
трилистник	—	—	—	—	—	+

Лексема *лопушник* объединяет данное микрополе с полем сложноцветных сорных растений, лексема *хлебница* объединяет *Calla* с одним из наиболее распространенных озерных растений, а характерное название *трилистник* объединяет *вахту* с клевером. Число перекрещивающихся полей невелико, и их отношения строго обоснованы.

Перейдем теперь к происхождению отдельных названий.

л а т а т ъ е

В южнорусских и среднерусских говорах словом *лататъе* обозначают *Nuphar luteum*, кубышку и реже *Nymphaea alba*, кувшинку. В западнорусских говорах, в украинском, белорусском, польском, чешском и словацком языках так называют *Caltha palustris*, калужницу.

Русск. *лататъе* (Анн. Б. сл., 78); блр. *лѡтатъ*; укр. *татач, татат', татат'а, тотаč, тотай, тотаš* (Мак., 78)¹, слвц. *латаj, тотай* (Анн. Б. сл., 78-79); чеш. *лотаč, лотáč, тотай, латаj* (Mach., 41); польск. *totocie, totoc*.

¹ Материалы украинского языка во избежание неточностей даются латиницей, так как использован словарь Маковецкого (Słownik botaniczny łańsko-małoruski. Kraków, 1936).

Этимология слова не выяснена. Махек производит его от праславянского **loky* 'болото', ссылаясь на лужицкую форму *lokašina*². Брюкнер предполагает, что польск. *lotoc* заимствовано из русского³. Фасмер отвергает чисто формальное сопоставление слова *лататъе* с болгарско-сербскими названиями настурции и цикламена *латина, латиф, лаћини*, предлагаемое Бернекером, но сам оставляет слово без этимологии⁴.

Этимологизация темного слова редко выходит за рамки осторожной гипотезы. Мы предлагаем здесь два возможных решения происхождения слова, прекрасно осознавая проблематичность того и другого.

Как видно из приведенного выше материала, слово чаще всего представлено в форме собирательности.

Вариантность конца слова по славянским языкам позволяет предположить разное суффиксальное оформление одного и того же корня. Ср.: *-at-*; *-ač*, *-aš*, *-aj*. Корень выступает в двух формах: *lot-* и *lat-*.

Формы с корневым *-a-* представлены главным образом в русском и украинском языках. Русские примеры относятся к акающим говорам и поэтому не могут быть приняты во внимание; для украинского языка это не единственный случай фиксации *-a-* на месте этимологического *-o-* перед ударным *-a-* (ср. *багатий* при русск. *богатый*). Распространение слова в языке всех восточных и западных славян дает нам право считать его праславянским и восстановить условно следующие формы* *lotatъ* и **lotatjъ*.

Для реконструкции возможного этимологического признака можно прибегнуть к семантическим аналогиям в других языках. Рассмотрение названий *Caltha* в различных славянских и неславянских языках приводит нас к выводу, что типичными в большинстве языков являются два признака: желтый (цвет цветов) и болотный (характер произрастания): чеш. *žlutak*, словен. *zlatica, zlatenica* (Mach., 41); нем. *gelbe Maiblume, Goldwiesenblume* (Marz., 739), фин. *keltanherukka* при *kelta, keltan* 'желтый'; с

² N. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 41.

³ A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, стр. 312.

⁴ M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. II, Heidelberg, 1957, стр. 18 (далее эта работа дается в сокращении: Vasmer. REW).

другой стороны, укр. *болотянок* (Гринч. I, 85), чеш. *blatouch*, болг. *блатник*, слов. *mlačnik*, в.-луж. *blotušk* (Mach., 41), нем. *Bachblume*, *Moosblume* (Marz, 748) и др. Предполагают, что и в основу латинского названия положен признак, характеризующий цвет цветов: «*Caltha*. Ce nom a été emprunté par le latin à un mot grec non attesté: *καλθη qui explique comme remontant à i.-e. *gh₁dha, tiré de la racine ghel- 'jaune' »⁵.

Исходя из законов типичности семантических моделей, можно в качестве гипотезы предположить, что в основу старого славянского названия *Caltha* и сходных с ним растений положен один из разобранных признаков. Мы вынуждены склониться в пользу второго в силу ряда причин: «*Lotaj, tak se zvou mnohé vodní nebo bahenní rostliny*»⁶. Лингвистическая сторона материала также заставляет нас предположить, что именно признак 'болотный' лежит в основе этого слова. Отбросив суффикс, мы получаем на славянской почве корень **lot-* <и.-е. **lat-*. Этот корень в ряде индоевропейских языков имеет значение 'болото, грязь': нем. *Letten* 'глина, суглинок', др.-исл. *leþja*, греч. *λάταξ* 'остаток вина в чаше', ирл. *laith* 'болото', *lathach* 'ил, грязь'. В балтийских языках эта основа представлена лишь в топонимах: лит. *Lātūrė*, *Latuvà*, лтш. *Late*⁷. Можно предположить, что в славянских языках эта старая основа сохранилась как реликт в названии болотных растений. (Ср. любопытное чеш. *latovisko* 'лужа, грязь'⁸, если последнее не германизм).

С не меньшей степенью условности может быть предложена вторая гипотеза. Рассматриваемая группа растений в русских говорах нередко носит название *лопуха*, *лопушника*. Ср. *лопушок* '*Caltha palustris*' (смор. Добр., 381), *лопушечек* (смор. Добр., 368), *лопушки* 'желтые и белые водяные лилии' (дон. Мирт, 174), *лопушки* 'кувшинки' (тобол. Патк., 498), *лопушняк* 'кувшинки' (олон. Кул., 51). В балтийских языках сходная картина: лтш. *lēpu*

lāra 'листья кубышек', лит. *lėpė* 'Seerose', лит. *lėpis* '*Calla palustris*'⁹.

Этот корень в индоевропейских языках имеет несколько форм: **lep-*, **lop-*, **lap-* и выступает с основным значением 'лист'. В качестве производных наиболее распространены следующие значения: 'плоский предмет, подобный листу', 'лоскут, заплат, кусок ткани', 'одежда'. Ср. в русских говорах в значении 'лист': *лопух* (причем, в северных говорах это слово нередко выступает в значении 'лист вообще': «Маленьки лапушечки, тнутяся как жилки», (арх., красн. В. М.); *лепест*, *лепень*, *лопё* 'лопухи' (волог. Бувальц., 287). *лѡпот* 'листья капусты и др. огородных овощей' (олон. Кул., 51), *лепестень*, *лепениш* (пск., твер., остав. Доп. Оп., 101), *лѡпотник* 'конский щавель' (смор. Добр., 368), *лѡпасть* 'листок, лепесток' (пск., твер., остав. Доп. Оп., 99). В значении 'лоскут, заплат': *лепёнь*, *лепёстье*, *лапѣк* (Доп. Оп., 101); в значении 'одежда вообще', 'плохая одежда' в северных говорах *лѡпоть*, *лопотѣна*. Родственные балтийские формы: лит. *lāpas* 'лист', лит. *lōpas* 'заплата, тряпка'.

В то же время во всех славянских языках присутствует другое слово в значении 'лоскут, заплат, кусок ткани' — *лата*, *латка*, *латица*. Ср. русск. *лата*, *латка*, *латань*; укр. *лата*; блр. *лата*; с.-хорв. *латица* 'ластовица (в одежде)'; чеш. *latka* 'материал', слов. *lata*. Эта же основа выступает и в значениях 'одежда': русск. *латанье*, *лотбье*, *латанѣна*, *лотанѣна* 'худая одежда, изношенное белье и платье, рубище' (Сл. II отд., V, 2, 279); укр. *лати* мн. 'рубище'; серб. *лаче* 'порты' (Лавр., 282).

Кроме того, в русском и украинском языках есть прилагательное *лататый*. В русских говорах это эпитет горошка: *лататый горошек* — *Lotus corniculatus*, собственно 'рогатый горошек, торчащий в разные стороны'. В украинском языке слово *лататий* трактуется в словаре как 'широкий', но пример, кажется, говорит о том, что значение этого слова то же, что и в русском: «латате кленове листья торкались кам'яної стіни»¹⁰. Ср. еще *разлатый* 'расширяющийся, постепенно увеличивающийся в ширину' (ряз., межер, Осов.); в том же значении у Л. Тол-

⁵ A. Carnoy. Dictionnaire étymologique des noms grecs de plantes. Louvain., 1959, стр. 61.

⁶ V. Machek. Указ. соч., стр. 260.

⁷ J. Pokorný. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Lfg. 7, Bern, 1953, стр. 654.

⁸ Příruční slovník jazyka českého, D. II. Praha, 1937—1938, стр. 519.

⁹ К. Р. Буга. Baltica. О литовско-латышском дифтонге *ui*. Балтийские (айстийские) этимологии. — РФВ, т. LXVI. Варшава, 1911, стр. 243—244.

¹⁰ Украинско-русский словарь, т. II. Киев, 1958, стр. 432.

стого в романе «Анна Каренина». От значения 'лоскута, куска, мохра' легко могло развиваться значение 'торчащий в разные стороны', ср. *лѡхма* — *лѡхмѣтый* и т. п.

При разборе двух рассмотренных выше групп слов обнаруживается, что слова с основой **lep-*, **lor-*, **lap-* выступают в значениях 'лист', 'плоский предмет', 'лоскут, одежда', а слова с основой **lot-*, **lat-* в значениях 'лоскут, одежда'. Семантический параллелизм дает основания для построения гипотезы о том, что и последняя основа имела первоначально значение 'лист', так как трудно представить, что первичным значением такого несомненно старого слова было значение 'кусочек ткани'. Как правило названия ткани, одежды семантически производны, они продолжают названия, связанные с ткацким станом, такие, как *треста*, *стануха*, или связаны со значениями 'резать', такие, как *портно*, *порты*, *рубаша*, *рубище* и др., или же произведены от значения 'листа', такие, как *лѡпоть*. Если основа **lat-*, **lot-* первоначально имела значение 'лист', то в этом случае название болотных растений с широкими листьями **lotajь*, **lotatь*, **lotatьь* абсолютно идентично их названиям *лопух*, *лопушки* и значит собственно 'листья, большие листья'.

Выдвигая гипотезу о том, что корень **lat-*, **lot-* в славянских языках имел первоначально значение 'лист', можно попытаться установить его дальнейшие этимологические связи. Эта попытка приводит нас также к двум возможным этимологическим решениям: или корень **lat-*, **lot-* представляет собою отражение того же корня, что и **lap-*, **lor-*, **lep-*, но с иным расширителем, или же это образование от и.-е. корня **uel-* 'волосы, шерсть, трава, лес' в форме **ulō-* с расширителем *-t-*, где *u* в начальном положении перед *r*, *l* должно было отпасть по законам славянской фонетики¹¹. Слово могло обозначать, как и другие слова этого корня, 'то, что вырастает, лист'¹².

калу́жни́ца

В части говоров Московской обл. *Caltha palustris* называют *калу́жни́ца* (Анн. Прост., 26), это же слово закрепило за растением как его научное наименование.

¹¹ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 109.

¹² Материалы для последней гипотезы см.: (Е. Вегнекер. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908, стр. 308).

Так же называют это растение на Украине *kalužnyca*, *kałužnyca* (Мак, 71) и в Сербии (Анн. Б. сл., 79). Слово прозрачно и со словообразовательной и с семантической стороны, его этимология проста. Это производное от слова *калѹга*, *калѹга* 'лужа, грязь, болото' или же *калѹжа* 'грязь, лужа, стоячая вода' (Д³, II, 194); ср. укр. *калѹжа* 'лужа, грязь', *калѹжний* 'болотистый, грязный' (Гринч., II, 212), серб. *калу́жа* 'мусорная, помойная яма'. Словообразовательная модель: *калу́жа* → *калу́жный* → *калу́жни́ца*; семантическая схема: 'болото, лужа' → 'болотный' → 'название болотного растения'.

ку́шинка

Ку́шинками обычно называют как *Nymphaea alba*, так и *Nuphar luteum*, иногда разделяя их на *желтые* и *белые ку́шинки*. Обращение к плану «вещей» в данном случае необходимо для объяснения: плоды растения похожи на миниатюрные сосуды, и это обстоятельство дало толчок для появления в языке целого фейерверка метафорических названий, все они постоянно воспроизводят одну и ту же семантическую модель: 'сосуд' — 'раст. *Nymphaea*, *Nuphar*'. *Кубы́шка*, *кубы́шки* (кал. Анн. Б. сл., 228; Д³ II, 536); *кубанцы* (сарат. Моис., 56); *самоварчики* (перм. Каюр., 321); *кувшины* (смол. Эк. общ., 28); *кувшинчик* (твер., каш. Смирн., 80; ярсл. пошех. Копор., 132); *кувшинчики* (арх., виногр. В. М.; влад., ковр. МДК 11, 40); *кувшинцы* (1534 г. — Тр. Любч. Зм., 18); *кувшинка*, *кувшинки* (моск. Анн. Б. сл., 228; Д³ II, 540). Последние формы в отличие от предыдущих получают уже словообразовательную самостоятельность, хотя семантическая производность отчетливо видна. Ср. названия тех же растений: блр. *горлачики*, *жбанки*; укр. *збанок*, *збаночки*, *гелечики* (Гринч., II, 121; Мак, 243).

ча́йка

Красота цветов *Nymphaea alba* и *Nuphar luteum* и оригинальность *Calla palustris* породили в языке народа целый ряд поэтических метафор. Это главным образом сравнение цветов с птицами: *чайка*, *чаюшка* (арх., приоз. Кимяг.); *лебедушки* '*Nymphaea alba*' (олон. Кул., 48); *курочки*, *белые курочки* (ярсл., пошех. Копор., 134; кал.,

смор. Анн. Б. сл., 228; Д³ I, 12, Д³ II, 536); может быть, сюда же вятское *гули* (вят. Гор., 253): «гу́л'и — бѣлыје цвѣтк'и, как ша́нѣшка бѣлаја» (ср. название голубей — *гули*); ср. еще укр. *гуски* мн. 'Nymphaea alba' (Гринч., I, 342). (Несмотря на кажущуюся прозаичность, этот образ удивительно точен, так как издали белые лилии напоминают плывущую по воде вереницу гусей.) *Calla palustris*, наряду с некоторыми другими растениями, называют *петушки* (см. группу 29), чему способствует характер прилистника, напоминающего гребень. Мне думается, что этой системой образов можно объяснить и польское название *Nymphaea alba grzebień, grzybień*, хотя Мшинский предпочитает его связывать со словом *grzyb*¹³.

болоболка

Целый набор названий *Nymphaea alba*, *Nuphar luteum*, *Trollius europaeus* и некоторых других растений содержит в себе сравнение с бубенцами, шариками, с какими-то качающимися, болтающимися предметами. Наиболее распространенное из этого рода названий — *болоболка*, встречающееся в большей части северных говоров и в некоторых южных (вят. Васн., 11; арх. Подв., 4; твер., осташ. Копор., 93; яросл., пошех. Копор., 83; перм. Анн. Б. сл., 228; Д³ I, 103), *болоболки* (олон. Анн. Б. сл., 228; ряз. Азарх); *балаболошник* (новг., череп. Герас., 21; новг. Гранд., 89; Д I, 41). В то же время *балаболка*, *болоболка* в северных говорах значит еще, по определению Даля, «то, что болтается, висюлька, подвеска, повислый цветок и т. д.»

Аналогичного образования *шабольник*, *шалабольник* (Анн. Б. сл., 228) 'Nymphaea alba', так же соотносимое с глаголом *шалаболить* 'болтать, болтаться', как *балаболка* с *балаболить* 'болтать'. Ср. еще *болтавка* 'водяная лилия' (прибалт. Немч., 31), непосредственно образованное от глагола *болтать*. К этой группе названий, по-видимому, примыкает новгородское *шбльник* (новг., череп. Герас., 95; новг., череп. Ж. Ст. 1893, 387). Скорее всего это образование с суфф. -ик (-ник) от глагола *шельнуть*, *шольнуть* 'шевелить, колебать, колыхать' (Д³

¹³ K. Moszyński [ред.] F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. «Język polski», 1956, rocz. 36, № 2, стр. 196.

IV, 1419), имеющим общий корень со словами *шелест*, *шолох*. Упорное воспроизведение одной и той же семантической модели можно наглядно проследить в следующем сопоставлении.

болтать — *болтавка*
балаболить — *балаболка*
шалаболить — *шалабольник*
шоболить — *шобольник*
шблнуть — *шбльник*.

По-видимому, в этот же ряд входит вологодское название кувшинки *баламайка*, стоящее в связи с глаголом *маять* 'махать, болтать'.

Примыкают к этой группе названий сравнения рассматриваемых растений с бубенцами, шариками. Ср. приводимое Анненковым для Калужской области название *Nymphaea* — *бубенчики* (Анн. Б. сл., 228). *Бобульки*, *боболки* 'Nuphar luteum' (арх., приоз. Кимят), на мой взгляд, семантически аналогично предыдущему. Основа *боб-* часто выступает в названиях различных круглых предметов. Ср. севернорусское *бобки*, *бобошки* 'шарики, игрушки'.

лопух

Как уже говорилось выше, значение слова *лопух* очень общо: 'растение с большими листьями'. *Лопухом* называют многие виды семейства сложноцветных (см. группу 13), а также *Caltha palustris*, *Nuphar luteum* и *Nymphaea alba*; *лопух*, *лопушок* 'Caltha palustris' (смор. Добр., 381). С тем же значением слово *лопух* представлено во всех славянских языках: укр. *лопух*; блр. *лопух*, болг. *лѡпух*, *лѡпуш*; с.-хорв. *лѡпух*; словен. *lorjŭh*; чеш. *lŕpich*, *lorouch*; польск. *łoruch*; н.-луж. *łoruch*.

Слово, несомненно, старое, оформленное архаическим суффиксом -ух. Формы с иным оформлением затеряны в говорах, такие, как приведенные выше *лопѣ*, *лопот*, или сохранились лишь в связанной форме типа *лопо-ухий* 'с большими ушами'. Ближайшим родственным словом в славянских языках считается *лапа*, имеющее значение не только ступни с пальцами у животных и птиц, но и широких веток ели. За пределами славянских наиболее близкие формы в балтийских языках: лит. *lāpas* 'лист'. Ин-

доевропейский корень **lep-*, **lor-*, **lar-* с основными значениями 'быть плоским, ладонь, ступня, лопата, весло' в ряде случаев выступает и в названиях растений: ср. нов.-в.-нем. диал. *laff* 'одуванчик', лтш. *lėra* 'мать-и-мачеха, кувшинка'¹⁴.

одоленъ

Odoljen joj za pojasom,
Ne mogu joj odoljeti.

Сербская песня

Корневище кувшинок в русских говорах носит название *одоленъ*, *одолен* (олон. Кул., 69; волог. Потан., 53; брянск. Тихан., 37; дон. Мирт., 389; Д³ I, 82). В других славянских языках так называют корень валерианы: чеш. *odolen*; слов. *odolen*; с.-хорв. *odoljen*, *odoljan*, *odolin*; болг. народ. *delenka*; укр. *одолян*. Махек восстанавливает праславянское **odolěň* 'Valeriana', производное от глагола **odolěti*, названное так за свои целебные и магические свойства¹⁵. В русском языке название перенесено с валерианы на кувшинки в результате функционального тождества: корневище кувшинок не только употреблялось как лекарственное, но и, по народному поверью, прогоняло злых духов. М. Фасмер, в отличие от Махека, склонен видеть в слав. **odolěň* кальку латинского слова *Valeriana*, образованного от *valēre*¹⁶. Трудно выбрать правильное решение, в данном случае могло бы помочь лишь практическое знание, как давно славяне узнали свойства валерианы.

купав а

Купавой, *купавкой*, *купальницей* называют целую группу растений: и калужницу, *Caltha palustris*, и кувшинки, *Nymphaea alba* и *Nuphar luteum*, и купальницу, *Trollius europaeus*, и лютик, *Ranunculus acris*. *Купава*, *купавка*, *купальница* (Д II, 249), *купальница* — *Trollius* (арх., виногр. В. М.; киров., медян. Проз., 40); *купаленка* (сарат. Снегир.); *купальница* — *Ranunculus* (во-

лог. Волог. г. в., 1852, 431; волог. Потан.); в Сибири *купавкой* называют вообще цветочную почку, особенно белую (иркут. Оп., 97; южн. сиб. Гул., 123. Ануч., 52). Потебня связывал слова *купава*, *купавый* с болг. *хубав*, серб. *хубав* 'красивый'¹⁷, но эта этимология предполагает целый ряд допущений: переход *к* > *х*, объяснение отношений *п/б*. Думается, что не будет слишком грубым предположение о связи слов *купавый* (в былинах «купавый добрый молодец», «во беседе купав молодец») и *купава*, *купавки* 'названия растений' с глаголом *купать*. В первом случае *купавый* значит 'чистый' (ср. сиб. *купавый* 'чистый, белый' Д II, 249) и потому 'красивый' (ср. фольклорное «а лицо-то чистое, белое»).

Примером связи значений 'купать' → 'красивый' может служить название растения *Polygonatum multiflorum* *купена*; укр. *кир*, *кирена*, *кирупа* (Мак., 283); блр. *купена*. И. Носович замечает: «купена — трава соломонова печать. Крестьянские девицы употребляют ее для умывания лица, чтобы быть белыми» (Носов., 260). Эту же мысль подтверждает и В. Махек: «ženy i pannu, které se rády fliflují, dělají z něho vodu a liči se ní» (Mach., 270). Ср. еще: «Купена-лупена. Девушки считают на ней листки и говорят „купена-лупена“. Если верхний листок выйдет соответствующим слову „лупена“, то не румянятся. А если последнему листку отвечает слово „купена“, то румянятся»¹⁸; укр. *купалий* 'красивый'. «На нашої на вулиці все купалий молодці» (Гринч. II, 326). Во втором случае связь более конкретна — все названные выше растения растут в воде, как будто купаются, из воды подымается стебель с цветами. Непосредственно отражают этот признак такие формы, как *купальница*, *купаленка*, а *купава* представляет собою просто более архаичную словообразовательную модель при той же основе, ср.: *красава*, *чернава*, *грязава* и др.

трилистник

Ассоциации в названиях клевера, *Trifolium*, и вахты, *Menyanthes trifoliata*, очень устойчивы благодаря

¹⁴ J. Pokorný. Указ. соч., стр. 679.

¹⁵ V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 224.

¹⁶ M. Vasmer. REW, II, стр. 255.

¹⁷ А. А. Потебня. Этимологические заметки. — РФВ, т. XIV. Варшава, 1880, стр. 195.

¹⁸ «Песни Дмитровского уезда Орловской губернии, записанные В. Н. Добровольским». — Ж. Ст., год 14-й, 1905, вып. III, стр. 320.

большому сходству листьев этих растений. Оба растения называются «трилистниками» в научной терминологии, «водным, горьким, бобовым клевером» называют вахту по-немецки, в польском языке она носит названия *trojan*, *trójliś, trzylistek*, в чешском — *trilistník* (Mach., 183). По русским говорам это *трилистник* (волог. Ильин, 9; арх. МДК 11, 172; смол. Эк. общ., 28; смол. Добр., 917); *троелистка* (перм. Каюр., 321). Разнообразие форм по славянским языкам, наличие этих слов в говорах как будто предполагает самостоятельное образование названий, но не исключена возможность и широкого распространения калек через язык-посредник, такой, как польский, например.

б о б о в н и к

В русских говорах *боббеником* называют клевер, *Trifolium*, вахту, *Menyanthes* и белокрыльник, *Calla palustris* (Д I, 101; арх. виногр. В. М.), так же называют клевер и вахту в украинском, белорусском и польском языках (Мак., 231; Варш. сл. I, 179); повсеместная форма *бобовник*, но есть еще в украинском *бібнік* то же (Гринч. I, 59). Наряду с этими формами в польском существует еще *bobrek, bobrownik*, образованные, по-видимому, от одного из вариантов названий боба в польском — *bober, bōber* 'боб' (Варш. сл. I, 196). Последняя форма (*bobrek, bobrownik*) получила распространение в пограничных районах Чехии, Белоруссии и Украины.

Корень *боб-/баб-* выступает в славянских языках для обозначения чего-то вздувшегося, мелких, круглых предметов. Ср. например, в сербском *бба* 'круглая ягода', 'прыщ', 'рачья икринка', 'гребень индюка'.

Очень показательны в этом отношении севернорусские говоры, где этот корень выступает с большим числом уменьшительных суффиксов, играющих роль словообразующих. Ср. *бббушки* 'шарики на счетах' (вят., уржум. Магн., 10); *боббк* 'нерастворимый кусок теста' (яросл. пошех. Копор., 86); *бббка* 'глава на церкви' (новг. Ерем., 52); *бббки, бббушки* 'игрушки' (арх., холм. Гранд., 96); *баббушка* 'игрушка' (арх., ровд. Кимяг.; Волог. сказ.-песн., 262); *баббурки* 'косточки у счет' (вят. Горев., 237) и др.

Так же широко представлен этот корень и в названиях растений, характеризуя главным образом почки, бутоны, отдельные цветы. Ср.: *баббурки* 'бутоны, почки' (олон. Кул., 2); *баббшка, баббшка* 'древесная почка' (моск. Д I, 34); *баббочки* 'ромашки' (арх. виногр. В. М.); *баббочки, бббочки* 'васильки' (олон. Кул., 2, 4); *баббушки* 'васильки' (новг., улом., науч. Ерем., 52); *бббка* 'цветок' (волог., устюж. Диал. сб., 29); *бббки* 'на лугу редкие цветы' (новг., белоз. МДК. 11, 38); *бабуша, бабушка* 'ромашка' (арх., приоз. Кимяг.); *бабка* 'пишка репейника' (яросл. рост. Волоц., 19); *боббчек* 'цветок' (арх., приоз. Кимяг.); *бобулёк, бобылёк* 'цветок кувшинки' (там же); *бобкй, бобовник* 'клевер' (арх. Подв., 7). *Бобками* названы круглые головки клевера, а само растение *бобовником*; с клевера это название было перенесено на вахту и белокрыльник.

в а х т а

Báhta — литературное название *Menyanthes*. Источником послужило севернорусское вологодско-архангельско-олонецкое название как этого растения, так и *Calla palustris*; в говорах Поволжья *вахтовником* называют кувшинку (Анн. Б. сл., 215).

Сам облик слова наталкивает на мысль о заимствовании. Маценауэр предположил, что в русском языке слово заимствовано из чешского, Фасмер в своем словаре повторил эту этимологию¹⁹. Но на чешской почве слово *vachta* этимологии не имеет. Оно впервые встречается у Пресла и, по утверждению Махека, заимствовано последним из русского²⁰. Махек же делает предположение, что в русский язык слово попало из угро-финских языков. Эту же мысль подтверждает и география этого слова в русских говорах. В олонецких говорах, непосредственно соприкасающихся с целым рядом западнофинских языков, *Menyanthes trifoliata* называют *вахта, вахка, вехк* (олон. Кул., 8). Многие примеры показывают, что при заимствовании из финских языков сочетание *-жк-* на русской почве передается как *-хт-* (см. мою статью о слове *пихта*²¹). Можно заранее

¹⁹ A. Matzenauer. Cíží slova ve slovanských řečech. Brno, 1882, стр. 361; M. Vasmer. REW, I, стр. 174.

²⁰ V. Machek. Указ соч., стр. 182.

²¹ В. А. Меркулова. К этимологии слова *пихта*. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. I. М., 1961.

предположить, что русскому слову *вахта* в финском должно соответствовать **vahka*. И действительно, в финском языке есть слово *vehka* (ср. олонекское *vehk*), которое значит *Polygonum*, *Calla palustris* и *Menyanthes trifoliata*²², в карельском языке слово *vehka*, *vehku* тоже значит *Calla palustris*, вепсское *vehk* то же, эст. *võhk*, *võha*. Это же слово, по-видимому, достаточно популярное, нашло отражение в названиях карельских и вепсских деревень. Ср. кар. *Vehkumägi*, *Vehkusel'gü*; вепс. *Vehkoja*²³. Один из вариантов русского олонекского названия этого растения точно передают вепсскую форму *vehk*; два других являются результатом освоения западнофинского слова на русской почве: *вахка*, *вахта*. Отрывать эти формы друг от друга не представляется возможным, хотя остается неясным вокализм *a*.

Можно с уверенностью утверждать, что в русский язык это слово проникло давно и было устойчиво сохранено благодаря широкому употреблению в пищу корневищ *Calla* и *Menyanthes* как местным финским, так и русским населением (см. раздел «Введение»). Памятники XVI в. уже фиксируют это слово: «Нѣкоего же лѣта бысть гладъ в предѣлѣхъ града Вологды, и мнози хлѣбныя ради скудости ядяху траву и коренія, и *вахту*...»²⁴; «Пища его бѣ быліе и травы і *вахта* и кора сосновая»²⁵.

хлебница

Это местные названия белокрыльника (*Calla palustris*) и сусака (*Butomus umbellatus*) (Д IV, 553); *хлебница*, *хлебник* — '*Calla palustris*' (петерб. Анн. Б. сл., 215). В Белоруссии это же растение носит название *житница* (Анн. Б. сл., там же). В этих наименованиях

²² Nyky-suomen sanakirja. Porvoo — Helsinki, т. VI, стр. 416.

²³ Карельские и вепсские материалы сообщены мне сотрудниками Петрозаводского института языка, истории и литературы АН СССР М. И. Зайцевой.

²⁴ Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием (XVI в.), т. I, изд. Археогр. комисс. М., 1868, стр. 287.

²⁵ «Житие Кирилла Белого Новоезерского XVI в. с чудесами» (рукопись Ундольского № 1308, XVII в.), Картотека ДРС, № 42.

непосредственно отражено использование растений как съедобных; их называли «хлебными» потому, что из сушеных корневищ делали муку.

ушь

В Новгородской I летописи есть фразы: «и кудяху люди листь липовъ... инии *оушь*, *мъхъ*, *кониноу*» (6636 г.), «ини же *мъхъ* ядяху, *оушь*, сосну, кору липову» (6738). Летописные сведения о съедобных растениях ничтожны, тем более любопытно загадочное *оушь* Новгородской летописи. Это слово уже подвергалось этимологизации. Г. Ильинский сопоставил его с литовским названием чертополоха *usnís*²⁶. Один из видов осота или чертополоха (*Cirsium oleraceum*) действительно съедобен. Лтш. *usna*, лит. *usnė* '*Carduus*, *Cirsium*', вариант *išņi* прекрасно этимологизируются как производные от корня 'жечь, колоть' и имеют соответствие в славянском **uъšь*²⁷.

Ф. Филин, приводя варианты этого текста из русских летописей, где слово *ушь* заменено на *ужь*, *ужовый дягиль* (Новороссийский и Тверской списки летописи), считает слово *ушь* вариантом *ужь* с оглушением конечного согласного, а последнее субстантивированным прилагательным *ужов*, «раньше бывшее определением к общеславянскому дягиль»²⁸.

Мне представляется возможной третья гипотеза, отнюдь не снимающая правдоподобности первых двух. Судя по текстам летописей, слово *ушь* было новгородским диалектизмом, в других списках оно было заменено на свои, понятные термины. Современные русские говоры на территории расселения древних новгородцев имеют слова *ушбник* '*Menyanthes trifoliata*' (новг., череп. Герас., 90); *ушкб* — то же (олон. Анн. Б. сл., 215); *ушнйк* (олон. Кул., 126). Как область распространения термина, так и его значение, очень четки. Нельзя ли предположить, что в говорах сохраняется старое новгородское название *Menyanthes trifoliata*, лишь осложненное вторичной суффикса-

²⁶ Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — ИОРЯС, т. 23, кн. 1, 1918, стр. 170-171.

²⁷ V a s m e r. RĖW, III, стр. 198; K. Mülenbacha Latviešu valodas vārdnīca. Burt. XXXVI. Rīga, 1929, стр. 309.

²⁸ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи, Л., 1949, стр. 752.

ций? Интересна фраза из Вологодской летописи: «вахту кли и траву», где речь идет о том же растении *Menyanthes trifoliata*. Любопытно, что в мещерских говорах *Menyanthes trifoliata* называется *треух* (ряз. Осов.).

Со словообразовательной точки зрения мне кажется возможным произвести слово *ушь* от *ухо*. Ср. *зернь* от *зерно*. Слово *ухо* в значении 'лист растения' и как элемент названия растения представлено очень широко. Ср. только чешские: *ušica*, *babí ucho*, *babské ucho*, *psí ucho*, *sviní ucho*, *volí ucho*²⁹; русск. *медвежье ухо* 'ландыш', *заячьи уши* 'ландыш' (олон. Кул., 54), *треушник* 'клевер' (твер., весьег. Оп., 232), *уши* 'лекарственное растение' (дон. Мирт., 404), *ушкй* (ряз. мещер.) 'Polygonum?'³⁰ и польск. *łanie uszko* как предполагаемый источник слова *ландыш*.

Что касается идентификации этого термина, то речь может идти только о двух растениях *Menyanthes trifoliata* и *Calla palustris*, нередко носящих общие наименования. У того и другого растения съедобны корневища, может быть поэтому они и не названы в тексте травой или былием.

Нами рассмотрена лишь часть названий, входящих в данную группу; из них отобраны лишь широко известные или представляющие этимологический интерес. Остальные приводятся ниже списком: '*Nymphaea alba*' и '*Nuphar luteum*' *запонки* (волог. Потан.; Анн. Б. сл., 228); *запонок* (твер. Н. У., 45; Д. I, 615; волог. тотем. Потан.); *бялушка* (ворон. Торонц., 379); *желтухи* (сарат. Моис., 56); *водянка* (дон. Мирт., 45); *пльгунчик* (волог. Анн. Б. сл. 228); *водяной прострел* (Анн. там же); *водяной цвет* (олон. Анн. там же) (ср. лтш. *upes riķe*); *шпанки* (олон. Кул., 139); *барашки* (сиб. Ануч. 68.), *водяной мак* (Д. I, 168); '*Calla palustris*' *лягушечник* (волог. Анн., 78); *вороньи глазки* (кал. Анн. Б. сл. 78); *козелец* (брянск. Тихан. 37; смол. Анн. Б. сл. 78) — общее с *Tragopogon pratensis*; *копытник* (тобол., берез. Скалов., 20); *курячья слепота* (твер. Пупар. 200; Д. II, 224); *куриная слепота* (томск. Горст., 105). '*Calla palustris*' *белый попутник* (кал. Анн. Б. сл., 78); *болотная трава*, *водяной корень* (олон. там же); *красуха* (петерб. там же; Д. II, 186); *медвежьи лапки* (смол.

Анн. Б. сл. 78); '*Trollius europaeus*' *авдотька*, *авдюшка* (Д. I, 3); *колтушкй*, *кугольник* (Д. II, 241).

Этот список, разумеется, не исчерпывает всех названий этих растений во всех русских говорах.

2 группа

Многочисленные виды *Potamogeton* и несколько видов *Polygonum* благодаря большому внешнему сходству и общности мест обитания (в воде, по берегам, в болотах) носят в славянских языках общее родовое имя *рдест*. Некоторые виды *Polygonum* имеют еще многочисленные видовые наименования, определяемые своеобразием отдельных растений.

рдест

Выяснение типичной семантической модели для определенного рода наименований может дать ключ к возможному этимологическому решению. Мне кажется, что этот прием может быть применен для анализа слова *рдест*: русск. *рдест* (по-видимому, заимствование из польского); укр. *deresen*, *deres*, *drjasen*; польск. *rdest*, *grdes*, *derdes*, *dredeśnik*; чеш. *rdesno*, *rdest*, *hrdesen*, *rdesen*, *dresnek*; серб. *hrdeselj*, *rdesen*, *rdesalj*, *dresan*, *dresen*, *dreslin*; словен. *rděs-alj*, *rděsan*; в.-луж. *drost*, *drěst*; н.-луж. *drest*³¹. Вариантность форм слова велика и очевидна перестановка начальных согласных. М. Фасмер восстанавливает как возможную праславянскую форму **rǫdъstъ*, предполагая, что русские и украинские примеры заимствованы из польского³². В отношении последнего это мало правдоподобно, потому что украинские формы не совпадают с польскими. Далее М. Фасмер сближает **rǫdъstъ* с **rǫděti*, **rǫdja*.

Можно предложить и другое объяснение. М. Фасмер, как и его предшественники (Миклошич, Мука, Брюкнер), исходит из формы **rděstъ* как основной, считая форму **drěstъ* вторичной. В. Махек, напротив, понимает **rděstъ* как производную от **drěstъ*, но последняя для него лишь

²⁹ V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 218, 199, 83, 218, 219.

³⁰ Ю. Нагибин. Погоня. М., 1964, стр. 88.

³¹ S. Makowiecki. Słownik botaniczny łacińsko-maloruski. Kraków, 1936; стр. 284—286; 290; Д. Симонович. Ботанички речник. Београд, 1959, стр. 369; V. Machek. Указ. соч., стр. 86.

³² Vasmer. REW, II, стр. 499.

этап эволюции из **nerstь*³³. Если не предполагать столь сложных преобразований слова, можно исходить из варианта с начальным *d*, так как эти формы представлены шире по славянским языкам (ср. приведенные выше примеры). Мы вправе восстановить следующие праславянские формы: **dersьnъ*, **drěсьnъ*, **derstь*, **drěstь* с позднейшей метатезой **drěstь > *rděstь*. Формы с *-n-*, возможно, как предполагает и В. Махек, по происхождению субстантивированное прилагательное из словосочетания **drěstьno byľje*. Ср. аналогичные образования названий лекарственных растений от наименований болезни: *урбѣж* — *урбчаная трава*; *урѣз* — *урѣзанная трава*; *усѣв* — *усѣвная трава*; *жаба* — *жабная трава* и т. д.

Повсеместное использование корня *Polygonum bistorta* L. в качестве лекарства от расстройства желудка привело к образованию устойчиво повторяющейся модели названия растения по этому признаку: *завязный корень*, *завязник*, *животный корень*, *мутное коренье* (при *мутовка* 'понос'), *червунник*, *черевная трава* и др.³⁴ Ср. еще сербские названия того же растения: *прѣдель*, *желудѣак* и *дриставец*³⁵; кроме того, украинские *drestun*, *drystun* то же³⁶. Формальные трудности, вызванные предположением об образовании от глагола **dristati* форм с иным вокализмом, могут быть сняты параллельными балтийскими образованиями. Ср. лит. *dergti*, *derkti* 'гадить', наряду с *drėgti*, *drėkti*³⁷.

раковые шейки

Происхождение термина определяется индивидуальными особенностями растения *Polygonum bistorta* L. В основу сравнения положен вид красно-бурого корневища с многочисленными рубцами. В говорах это название существует только в районах, пограничных с Украи-

ной (смол. Добр. 779; орл. Сахар., 36; Д. IV, 57). На Украине это название популярно: *rače šyky*, *račky*, *rakovi šyky* (Мак., 284-285).

ужик

Ужик, *ужовник* (олон. Кул., 124; Анн. Прост., 71). — одно из тех названий, которые могут быть как калькой нем. *Schlangekraut*, так и собственным образованием.

Второстепенные названия *Polygonum bistorta* L. чрезвычайно многочисленны, вот список, приводимый только в Ботаническом словаре Анненкова: *брылена*, *бляшечки* (яросл.), *винный корень* (вят.), *горец*, *горлец*, *горлянка*, (курск.), *горечавка*, *горчак*, *дикая греча*, *дубровка* (моск.), *животный корень*, *жолуничный корень* (вят.), *завязный корень*, (моск., арх.), *змеевик* (моск., твер., вят.), *змеинник*, *змеинничник* (вят.), *икум* (камч.), *кравик красный* (вят.), *макарша* (камч.), *макаришино коренье*, *макаришник*, *мутное коренье* (шенк., костр.); *медведница* (арх.), *паун*, *поришник* (курск.), *плесняк* (твер. остав.), *почечуйник*, *правильная* (вят.), *рак-трава*, *рачики* (смол.), *степной рачек*, *раковые шейки*, *рачы шейки*, *расходник* (костр.), *сабельник*, *сердечное коренье*, *сердечная трава* (нижег.), *собачьи столбики* (олон.), *султанчики* (яросл.), *султаны* (костр.), *полевой султанчик* (уфим.), *сиква* (камч.), *узик* (уфим.), *черевные коренья* (Анн. Б. сл., 263-264).

Второстепенные названия *Potamogeton*, напротив, немногочисленны: *жолга*, *жилига*, *водяная капуста* (перм.), *водяница*, *кушир*, *кушур*, *медвежье ухо*, *водяная крапива* (Анн. Б. сл., 269).

3 группа

Niče li sita bez vlage?
raste li rogoz bez vode?
Jov. 8, 11

Над водой в озерах и болотах поднимаются круглые или плоские, местами как будто переломленные стебли различных растений: камыша (*Scirpus*), ситника (*Juncus*).

³³ V. Machek. Указ. соч., стр. 86.

³⁴ Н. Анненков. Ботанический словарь. М., 1878, стр. 263—264; А. В. Миртов. Донской словарь. Ростов-н/Д., 1929; стр. 381; Б. А. Моисеев. Словарный состав говора с. Саратовки Соль-Илецкого р-на Чкаловской обл. Канд. дисс. М., 1955, стр. 64; волог., яросл. (Доп. Оп., 299).

³⁵ Д. Симонович. Указ. соч., стр. 369, 374.

³⁶ St. Makowiecki. Указ. соч., стр. 284—285.

³⁷ J. Pokorný. Указ. соч., стр. 256.

сус), аира (*Acorus calamus*); кое-где виднеются бархатно-коричневые палки рогоза (*Typha*) или зонтики розовых цветов сусака (*Butomus umbellatus*), колеблются под ветром метелки тростника (*Phragmites communis*). Все эти растения отличны друг от друга, они принадлежат к разным ботаническим семействам, но в то же время в них много общего: растут они в одинаковых условиях, в больших зарослях нецветущие растения трудно различить, все они употребляются для плетения, их стебли идут на приготовление рогож, циновок, сумок, корзин, плотов, канатов и т. п., корневища их съедобны. Поэтому в народном сознании все эти растения связаны и имеют целый ряд общих наименований. Как и в первой группе, мы оставляем без внимания реальные микрополя отдельных говоров, а попытаемся представить себе закономерности внутренних связей данного микрополя в рамках всех говоров русского языка. Мы получим схему, не соответствующую непосредственным микро полям, но в то же время имеющую опору в действительности (табл. 2).

Таблица 2

	'Juncus'	'Scirpus'	'Typha'	'Phragmites'	'Acorus'	'Butomus'
<i>сита</i>	+	+	+	+	+	—
<i>треста</i>	+	+	+	+	+	+
<i>камыш</i>	+	+	+	+	+	—
<i>рогоз</i>	—	—	+	+	—	—
<i>очерет</i>	+	+	+	+	—	—
<i>балаш</i>	+	+	—	—	—	—
<i>аир</i>	—	—	—	—	+	—
<i>сусак</i>	—	—	—	—	—	+

Названия, образующие данное микрополе, не очень многочисленны, они резко подразделяются на старую общеславянскую лексику и поздние заимствования.

с и т а

... хрупкая *сита* тут же обломилась, обнаружив нежную, белую, похожую на соты, клетчатку.

Ю. Начибин. «Погоня»

Общеславянское **sitъ*, **sita*, **sitъnikъ* — обобщающее родовое имя для пяти растений данного микрополя, иногда оно относится только к *Juncus* и *Scirpus*.

По русским говорам эта лексема выступает в следующих формах: *сита* (арх., приоз. Кимяг; прибалт. Немч., 294); *ситá* (пск. Якуш., 146; пск. Шейн к Д., 41; смол. Добр., 831; ряз. меш. Наг., 88); *ситняк*, *ситовник* (яросл. Якуш., 33; смол. Добр. 831; Д³ IV, 166). Даль приводит такие формы: *ситник*, *ситовник*, *сит* 'Juncus'; *ситник*, *ситовье*, *ситняк* 'Scirpus', *ситник* 'Typha'; *ситовина* 'Eleocharis'; *ситовье*, *ситовец* 'Butomus umbellatus'; *сит*, *ситъ*, *ситá* 'Schoenus'. (Д² IV, 189). Из памятников известны формы собирательности: *ситие*, *ситовие* (Срезн. III, 360). Для слова характерно колебание в роде и в типе склонения. Та же вариантность форм и в других славянских языках: с.-хорв. *сит*, *сита* (Симон., 251, 425); словен. *sít*, *síta*. Для праславянского Фасмер восстанавливает две формы **sitъ* м. р., **sita* ж. р.

Многочисленные индоевропейские связи показывают, что в основе этого названия лежит корень **sei-*, **si-* в значении 'плести, связывать'³⁸. Ср. лит. *siētas*, *saĩtas* 'веревка', *siēti* 'связывать', общегерм. **siþ-i(n)*, **siþ-a-n* 'сито', др.-исл. *sef* 'осока'. В славянских языках к тому же корню относятся *сеть* и *сило* (из **soi-ti-* и **sei-dlo*). Все эти слова с первоначальным значением 'плетенка'.

Любопытно, что, кроме значения 'плести', ряд производных и, по-видимому, родственных слов отражает значение 'рубить, раздирать'. Ср. *ситовать* 'делать просеки на границе леса, отведенного для порубки' (свердл. Голуб., 315), *сѣтаться* 'трескаться' (арх. Оп., 225); *ситовик* 'гриб-моховик, с растрескавшейся шляпкой'.

³⁸ J. Pokorny. Указ. соч., стр. 891; K. Mülenbacha Latviešu valodas vārdnīca. Rīga, 1923, стр. 637, 860.

Игорь князь поскочи
горностаемъ къ тростію...

Слово о полку Игореве

В литературном языке и в значительном числе говоров слово *тростник* выступает как общее родовое название многих озерных растений, перечисленных выше, значительно реже оно является видовым названием *Phragmites communis*.

По русским говорам слово имеет следующие формы: *трестá* (яросл., рост. Якушк., 37; олон. Кул., 121; арх., онеж., шенк. Подв., 174; яросл., рост. Волоц., 93; олон. Рыбн., 378; новг., пооз. Овчин., 349; пск., твер., ошаш. Доп. Оп., 720); *тростá* (новг., пск. Якушк., 147; смол. Добр., 918; прибалт. Немч., 327); *трестъ* (арх. Подв., 174) *затресье* 'часть воды, покрытая трестю или тростником' (олон. Кул., 28); *трость* (смол. Добр., 542). Преобладание *а*-основы в этом слове характерно главным образом для русского языка, в других славянских языках это слово относится к основам на-*і*. Возможно, что на появление формы *трестá* оказало влияние существование таких слов, как *ситá*, *рогозá*.

Укр. *трость*, *тростина*, польск. *tręś*, чеш. *třtina* при ст.-чеш. *trest*, *trest*; с.-хорв. *trst*; ст.-сл. *сѣръсь*, *трѣсь*, *трестъ*. На праславянском уровне можно восстановить две формы: **tręstь* и **tręstь*. А. Соболевский предполагает, что корневое *ь* уже в праславянский период появилось на месте *ъ* в результате ассимиляции с последующим *ь*³⁹.

Родственные формы представлены в том же значении в балтийских и греческом: лит. *trušis* 'тростник', греч. *φρουον* **truso-m* то же.

Представляют интерес различные производные значения, возникшие у этого слова в славянских языках. Наиболее распространенное значение 'палка, посох'. В литературном языке *трость*, в большинстве говоров совпадающее по форме с названиями тростника — *трестá* (новг. Солов., 54; олон. Кул., 121; пск. Доп. Оп., 720). Те же отношения 'тростник' → 'палка' см. статью *палочник*.

³⁹ А. Соболевский. Мелкие заметки по славянской и русской фонетике. — РФВ, т. LXIV, 1910, стр. 116.

Трестю называется 'часть берда в ткацком стане' → 'часть ткани, полотнище' → 'одежда'. *Трестá* 'полотнище' (Доп. Оп., 720); *однотрестина* 'толстый холст для мешков' (Оп., 138); о юбке: «ўска треста-то, смотри» (арх., приоз. Кимят). Первое из этих значений, вероятно, довольно древнее, ср. лит. *strusis* 'тростниковый зубец берда'.

В форме *трестá* слово выступает еще в русских говорах в значении 'льняная солома, нематый лен' (сталингр., ново-анн. Орл., 324; киров. Овчин., 189). Любопытна аналогичная семантическая модель 'тростник' → 'солома' в отношениях греч. *καλαμος* 'тростник' и соответствующего ему в славянских языках **solma* 'солома'.

Производный от слов *трость*, *трестъ* глагол *тростить*, *трестить* имеет два противоположных значения. С одной стороны, 'дробить, расщеплять на части', с другой, 'вить, свивать, сплетать'. Ср. *тростить* 'крутить, скручивать', *тростить веревку* 'вить, свивать' (Д³ IV, 847), *трещить* 'соединять две и более нити для сучения' (блр. Носов., 640) и блр. *трїсцить* 'ломать что слоистое': «Трищить, потрищить палку»; *растрїсцить* 'раздробить на мелкие части' (смол. Добр., 786), *потрищить* 'пощипать, поломать на мелкие части': «Баба потристила сабе руки іб малину» (смол. Добр., 688). Фасмер склонен рассматривать второе значение как самостоятельный глагол со своей этимологией, но думается, что это неправомерно⁴⁰. На самом деле здесь наблюдается совмещение антонимичных значений в одном слове, отражающих реальную двойственность одного процесса: разделение на части и плетение.

о черет

Для русского языка это слово периферийно и, несомненно, отражает влияние соседних языков. *Очерет* (кур., судж. Доп. Оп., 170), тогда как в украинском это одно из основных названий тростника *черет*, *очерет* (Мак., 266); блр. *чарот* 'тростник', *чаротны* 'тростниковый'⁴¹, польск. обл. *oczereć* 'заросли камыша, тростника'. Территория распространения слова охватывает довольно

⁴⁰ V a s m e r. REW, III, стр. 141.

⁴¹ М. Байкоў і С. Некрашэвіч. Беларуска-расійскі слоўнік. Мейск, 1925, стр. 343.

постоянную триаду для многих названий растений: украинский, белорусский, польский.

Фасмер восстанавливает для праславянского два варианта *čertь, *občertь и связывает их с такими словами, как чертить, черта, чертеж 'резать, нарезка, зарубка' ⁴². Шарпантье склонен сближать слав. *čertь, *občertь с др.-инд. kṛnātti 'прядет, сучит нитку', cṛtāti 'связывает, скрепляет', греч. κάταλος 'корзина', κύρτος 'тростниковая плетенка', др.-ирл. curchas 'тростник' ⁴³; иными словами, один возводит славянское слово к и.-е. *ker- 'резать', другой — к и.-е. *ker- 'плести'. О. Н. Трубачев, подробно разбирая терминологию плетения, считает, что в данном случае происходит нейтрализация противопоставления двух основ. «Это дает нам право видеть в таких парах единство исходной лексемы, рассматривая парные основы I и II на уровне вариантов», — пишет он ⁴⁴. Эту мысль он подтверждает обширным индоевропейским материалом: *del-I 'раскалывать, резать, искусно высекаль, отесывать'; *del-II 'плести, вить'; *derbh-I 'раздирать, дергать, чесать'; *derbh-II 'вить, скручивать, плести'; *ker-I 'резать'; *ker-II 'крутить, скручивать, сплетать'; *plek-I 'бить, врать, драсть'; *plek-II 'плести, свивать'; *tek's-I 'тесать, рубить, ломать'; *tek's-II 'плести, ткать'; *qedh-I 'толкать, бить, раскалывать'; *qedh-II 'завязывать, связывать'; *yī-I 'разделять надвое, пополам'; *yī-II 'крутить, гнуть, вить' ⁴⁵.

Думается, что тенденция такого параллелизма значений продолжала действовать и в отдельных славянских языках, см. приведенный выше материал на глаголы *сидеть* и *тросить*.

рогоз

Старое общеславянское название камыша и тростника. По русским говорам слово имеет форму мужского и женского рода: *рогоз* (моск. Анн. Прост., 97); *рогоз* (орл. Сахар., 36; орл., дмитр. Ж. Ст. 14, 321; юж. Д² III,

⁴² Vasmer. REW, III, стр. 295.

⁴³ J. Charpentier. Slavische Etymologien. — AfslPh, XXXVII, 1920, стр. 48—50.

⁴⁴ О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1965, стр. 247.

⁴⁵ О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 249, 250.

98). Те же колебания в роде в других восточнославянских языках: блр. *рогоз*, укр. *rogiz*, *рогоз* (Гринч., IV, 27); польск. *rogosie*, чеш. *rakos* (из *rohocz*), с.-хорв. *рогоз*, словен. *rógoz*. На праславянском уровне слово восстанавливается как **rogosz*.

М. Фасмер, вслед за А. Брюкнером, производит слово **rogosz* от **rog-* с суффиксом *-*oz*-⁴⁶.

Сопоставление славянского слова с германскими названиями тростника гот. *raus*, др.-в.-нем. *rôr* было предложено Торпом, но опровергалось Хольтхаузенем и Файстом. Ключе отказывается от этого сравнения. Тем не менее Махек возвращается к этой идее, считая слово «доиндоевропейским» ⁴⁷. Мысль о связи славянского **rogosz* с балтийскими формами *rezgu*, *règsti* 'плести' высказывается в словаре Голуба и Копечного ⁴⁸. Таким образом, выход за пределы славянских языков мало что разъясняет в этимологии слова.

Попробуемся разобратся в его словообразовательных и семантических связях на славянской почве. Слово *рогоз*, *рогоз* наряду с названием растения имеет еще во всех славянских языках значение 'мочало, грубая ткань, рогожа', то же значение имеет и производное слово *рогожа*. Ср. *рогоза* 'мочало' (твер., осташ. Доп., Оп., 132); *рогожина* 'платье из грубой редкой материи' (пск., твер., осташ. Доп., Оп., 231); *рогоз* 'рогожа' (смол. Добр., 793); *рогоз*, *рогозка*, *рогозина*, *рогожа*, *рогожина* 'ткань, плетенка, полсть из рогозы... или из мочал' (Д² IV, 98).

С другой стороны, главным образом в западных говорах слово *рогоз* выступает в иных значениях: *рогоз* 'рогатый прут, суковатое дерево' «Яблынь растеть *рогозою*» (смол. Добр., 793); *рогоз* 'что-либо колющее, цепляющееся' «Зъчап'йус'а зы *рыгазу* зъ какуйу-та» (смол., слоб. Иван., 122). Отсюда возникают производные значения: 'задира, сварливый, ссора, драка'; *рогоз* 'сварливый человек' (смол., слоб., Куст., 122); *рогоз* 'нескладица, ссора, человек неуживчивый' (смол. Добр., 793); *рогоза* стар. 'свара, ссора, брань'; (сев., симб., пенз.) 'сварливый, неуживчивый человек'; *рогозит* твер. 'пустословить, врать; возиться и суетиться попусту, вздорно трево-

⁴⁶ Vasmer. REW, Bb. II, стр. 527.

⁴⁷ V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin, стр. 293.

⁴⁸ J. Holub. F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 313.

жить' (Д² IV, 7). Развитие значений понятно: от 'развилка, рогатина' к 'тому, что зацепляет, задирает' → 'беспокойство, ссора, задира'. Таким образом, и слово *рогоза* дает семантически близкие производные к производным от *сита*, *трость*. Представление о рогозе как о развилке, рогатине кажется подтверждает его этимологические связи со словом *рог*. Ср. *рогулька*, *рогатка*, укр. *rig* 'угол', тоже 'развилка'.

Слова с суффиксом *-oz-, к которым относится слово *рогоз*, составляют небольшую группу плохо поддающихся этимологическому анализу. Несомненным кажется лишь то, что этот суффикс выступал в нескольких апофонических вариантах: *-oz-/ *-ez-/ *-ъz-/ *-ъz-, может быть *-az-⁴⁹.

пасошья

Слово *пасошья* узкоместное, но оно привлекательно своей архаической структурой. Так называют *Asorus calamus*, аир осенью в русских говорах Прибалтики (прибалт. Немч., 374). Это производное с приставкой *pa-* и суффиксом *-ja* от слова *соха* 'рогатина, развилка'. Ср. с аналогичной семантикой слово *рогоз*.

⁴⁹ Привожу список слов гипотетически с этим суффиксом в русских говорах: *загозка* 'кукушка' наряду со ст.-сл. *зегзицъ*, *жегозъ* *ма*, *зогзица*, *зогзъ* *ля* (Срезн., I, 969) позволяет восстановить праслав. **žegъza*. Арханг. *загоза* 'желчь' (арх. Оп. 61), вероятно, из **žegъza*, ср. *изжога*. Белорусское название сойки *карба*, *карёза* (смол. Добр. 455), может быть, содержит суффикс *-oz-/ *-ez- или же *-ъz-/ *-ъz-; тоже смол. *комёзый* 'комолый' позволяет выделить суффикс -ez; этот же суффикс в таких словах, как *халез* (от *хал*), *лапёза* 'алиповатая, нескладная' (смол. Добр., 367), *лобёзка* 'повойник из ситцу или кумачу' (кал. Д² II, 261), *карёзлив* 'задирист' (смол. Добр., 455); может быть допустимо выделить суффикс -ъz- в *кбрзать* 'драть'. Суффикс -ъz- Фасмер выделяет в некоторых этимологических гнездах: русск. *шабазина* 'палка' при польск. *chabaż*, *chabiż* 'сорняк'; н.-луж. *chabže* 'кустарник'; *хързѣть*, *хързѣть* 'сердиться, чваниться' из **χαρъz-/ *χορъz-*, может быть тот же тип образования в *гомозѣть*, *гомзѣ*, *гомзѣля*, *гѣмуз*. Обращает на себя внимание то, что глаголы, входящие в группу слов с этим суффиксом, семантически близки. Все они передают оттенки значения 'суесться, двигаться, беспокоиться, болтать, шалить, приставать, задирается, ссориться, противиться': ср. *лебезѣть*, *ремежѣть*, *хѣлезѣть*; *гомозѣть*, *егозѣть*, *рагозѣть*; чеш. *chogoziti*; *гѣмзѣть*, *кбрѣть*, *хбрѣть*, *хърѣть*, *лѣбзѣть*; создается впечатление, что они имеют и структурное сходство,

лещуга

Лещук, *лещуг*, *лещуга* — это тоже местное название двух растений: аира (*Asorus calamus*) и рогоза (*Turpha*); так называют их в рязанской Мещере, по Волге, в Пензенской обл. и на Дону: «Обоюдоострые мечи лещуги реза-ли ему кожу ладоней» (ряз., мещер. Наг., 88); *лещук* (з) (пенз., лун. Пашк., 84; дон. Мирт., 171; сарат. Моис., 63). Скорее всего это образование с экспрессивными суффиксами -уг, -уга от глагола *лещать*, *лещить*, который значит 'хлопать крыльями, биться, плескать, раскалывать, болтать' (Д³ II, 646). Ср. сходные семантические отношения *трость* — *тростить*. Однокоренное слово *лещедь* значит 'шестик, жердь, камышинка, расколота на конце', а *лещедна* 'шит из соломы и жердей', *лещедни* 'двери из соломы', *лещетень* 'передвижная соломенная стена у риги'⁵⁰. Ср. то же представление о развилке в словах *рогоз*, *пасошья*.

палочник

Это по преимуществу название *Turpha* во всех славянских языках: *палочник* (сарат. Моис., 56; сибир., кург. Анн. Прост., 97; пенз., лун. Пашк., 86); *чернопалочник* (вят. Гор., 348, 349); *напалошник* (урал. Карп., 33); укр. *ра́лка*, *ра́лку*, *ра́лощник* (Мак, 384); чеш. *raličku*, *palaši*, *palašina*; словц. *ра́лка*, польск. *rałka*; с.-хорв. *ra-lacka* (Mach., 303). Названо так растение за свои соцветия.

кияк

В говорах Смоленской обл. соцветия рогоза, *Turpha* и само растение называются *киёвка*, *киёвник* (смол. пореч. Добр., 320). Это название свойственно белорусскому языку и означает, в первую очередь, початок, затем уже соцветие рогоза. На территории собственно русских говоров такого названия не отмечено.

На Украине среди многочисленных названий рогоза есть слово, образованное от той же основы: *ку́жаху*, *ку́жа-ку*, *ку́жашина* 'рогоз' (Мак., 383). Думается, что отмеченное в говоре уральских казаков слово *кияк* 'растение вроде камыша' (урал. Карп., 28) занесено с Украины.

⁵⁰ Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, стр. 104.

И белорусское и украинское названия рогоза образованы от слова *кий* 'палка с утолщением на конце' по сходству соцветия с такой палкой.

б а л а ш

В Старорусском р-не Новгородской обл. камыш, *Scirpus*, называют *балаш*, *балашина*, 'камышина', *балашинок* 'заросли камыша' (новг., ст.-русс. В. М.). Этого слова нет у Даля, оно отсутствует и у Анненкова. Для этимологии оно представляет большие трудности, неясен самый основной вопрос: принадлежит ли это слово к исконной лексике или оно заимствовано.

Поддается наблюдению лишь то, что в данной местности слово это новое, что раньше это растение называлось иначе: озеро, заросшее камышом, называется *Ситнбе*, название, несомненно, образованное от слова *ситя*, но теперь это растение называется *балаш*. Бурная история Новгорода приводила к активной смене населения. «Известно, что в районе Новгорода потомки древних новгородцев давно уже отсутствуют. В г. Новгороде, кроме фамилий Дербушовых, никого не осталось из коренных жителей, кто бы мог вести свой род последовательно хотя бы от времени падения Новгорода. Наплыв суздальцев, рязанцев, муромы, шведов, литвы и даже ливонцев в Новгородскую область был очень велик...»⁵¹.

Кто же из них принес с собой это слово? Можно высказать несколько предположений, хотя ни одно из них не доказательно.

В чешском языке от распространенного названия рогоза, *Typha*, *palka* образована форма собирательности *paláši* по типу *šaši*, а от нее путем обратного словопроизводства *palach* то же, *palášina*⁵². Можно было бы предположить, что старорусское *балаш* того же происхождения, но как объяснить несвойственную славянским языкам мену *n/б*? Это же возражение может быть выдвинуто и против словопроизводства слова *балаш* от *палаш* 'меч', как первоначальное название аира, который носит еще названия *кашатик*, *сабельник*.

⁵¹ Д. К. Зеленин. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода. «Институт языкознания. Докл. и сообщ.», вып. VI. М., 1954, стр. 56.

⁵² V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin, стр. 303.

Оставаясь при мысли, что слово *балаш* — заимствование, можно выдвинуть третью гипотезу: оно появилось под влиянием балтийских языков. Лит. *balà, bālos*, 'болото' и 'род травы, анемон', лтш. *bala*, мн. *balas* 'топкая почва'. Подтверждением возможности таких семантических связей служит узконовгородский диалектизм *болото* 'осока' (новг., ильм. Чагиц., 305; новг., пооз. Овчин., 298) при сохранении общепарадного значения слова *болото*. Может быть, балтийское слово было использовано для названия озерного растения?

Четвертая гипотеза сводится к предположению об исконном характере слова. Об этом, кажется, свидетельствует наличие топонимов *Балашов*, *Балашиха*. В таком случае, слово *балаш* было принесено из ярославско-вологодских говоров, где есть глагол *балашать* (экспрессивная форма от *болтать*) 'болтать, пахтать, бить, плескать' (Д³ I, 107). Ср. еще *балажня* 'что очень широко, напр. армяк' (влад. АН ф. 216, № 24), т. е. 'то, что болгается'. В таком случае *балаш* с точки зрения семантической структуры аналогично названию *леуца* от *леуцить* 'бить, плескать'.

в е р е т е л ь н и к

Это местное название камыша в б. Меленковском у. Владимирской губ. Вероятнее всего это производное от слова *веретено*. В результате морфологической аналогии *-нн- > -льн-* по типу *песельник* из *песенник*, *свящельник* из *священник*, *багульник* из *багунник*⁵³. Реальные основания такому названию лежат в сходстве соцветия камыша с веретеном. Подобны типологически в.-луж. *potač* 'камыш' при чеш., в.-луж. *potač* 'веретено с намотанной нитью'.

Для названий этой группы характерно медленное, но активное вытеснение старых славянских названий заимствованиями из тюркских языков, такими, как *камыш*, *куга*, *чакан*, *айр*. Особенно показательны это на судьбе слова *рогоз*, которое почти вытеснено словом *камыш* не только из литературного языка, но и из большинства говоров. Экспансия идет с Украины и Поволжья.

⁵³ См.: В. А. Меркулова. Из истории названий некоторых растений. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. III. М., 1961, стр. 17.

В Поволжье и на Украине *камышом* называют *Scirpus*, который и в научной литературе носит название *камыш*, и реже тростник, *Phragmites*; в среднерусских и южно-русских говорах *камышом* называют рогоз, *Typha*. (Анн. Прост., 85; смол. Добр., 310; пенз. лун. Пашк., 84; самар. Песн., 178; стал. ново-анн. Орл., 389; дон Мирт., 129). Слово *камыш* — общетюркское.

Наличие единой фонетической формы этого слова в восточнославянских языках позволяет отнести это слово к древним тюркизмам, к заимствованиям из общетюркского источника. *Камыш* (алт., телеут., чулым., казан., крым., куман., осм.) 'das Schilf, Rohr'. (Радлов, II, 487—488). В тюркских языках словом *камыш* называется целая группа озерных растений.

ч а к а н

Чакан, *чакон* — южнорусское и поволжское название рогоза, *Typha*; чаще всего так называют початки, но иногда и все растение (сталингр. Серг., 17; сарат. Адлив., 529; грозн. Бенск., 233; Доп. Оп., 254; рост., ром. Рожк., 65), в украинском *чакан* то же (Мак., 384). В основе заимствования лежит чувашское название рогоза — *чакан*⁵⁴.

к у г а

Кугбю называют несколько растений *Typha*, *Scirpus*, *Juncus*, иногда так называют только листья *Typha*. Слово это распространено широко, оно охватывает большую часть южнорусских областей, Украину, Поволжье, Урал: (дон., кур. Оп., 95; чкал. Мойс., 63; стал. ново-анн. Орл., 387; курск. Робуш., астрах. Серг., 329; куйб., богат. Ухмыл., 343; урал. Карп., 33; ворон. Анн Пр., 85; Д³ II, 541; Мак., 384; южн. тамб., дон., кур., орл., ряз. Шейн к Д., 23). Так же, как и *камыш*, это слово заимствовано из тюркских языков: киргиз. *кога*; казах., шор. *коҕа* 'тростник, камыш' (Vasmer I, 680).

⁵⁴ Vasmer. REW, III, стр. 299; Н. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. XV. Чебоксары, 1941, стр. 130.

а и р

... И душистый гнет он *аир*,
Стебли длинные купавок
Цвет сверкающим веслом...
А. Толстой. Алеша Попович

Но во времена Алеши Поповича *айра* не было в нашей стране. Это растение в XV в. завезли из Индии в Португалию, и оттуда оно распространилось по всей Европе. Русскими оно было названо за мечевидные листья *сабельником*, *касатиком* или же называлось так же, как и другие растения озер и болот. В южных говорах прижилось украинское название этого растения, полученное в свою очередь из османско-турецкого. Турец. *ágir* — заимствование из греч. *ἄχωρος*. В Травнике Любчанина (1934) *Salimus aromaticus* называется *игирь*, слово, возможно, отражающее один из вариантов освоения заимствования. На Украине число таких вариантов очень велико: *ahyr*, *ajir*, *ajer*, *hajir*, *hajvir*, *habar*, *ir*, *irnyk*, *jar*, *javer*, *javir*, *javor*, *jir*, *jor* (Мак., 6); блр. *яер*, *яер*; русск. *ир*, *аир* (кур. Вержб., 419), *ир* (тобол. Скал., 10), *жаер* (орл. Кард. II, 339), *майер* (орл. Тургенев «Льгов»). У Тургенева *майером* называется тростник. Для белорусского и украинского языков характерно развитие протезы *j* и *γ* при освоении этого заимствования, развитие же начальных *ж*, *м* в орловских говорах выглядит несколько странно, нет ли тут ошибки при записи? (Бодуэн де Куртенэ считает приведенный у Даля пример *жаер* опечаткой). Форма *ир* — результат сокращения при условиях ударения на втором слоге *аир*.

с у с а к

Я сорвал береговой цветок
с грубым названием *сусак*

Паустовский.
Во глубине России

В то же время возможно, что это «грубое» слово значит 'цветок'. *Сусаком* называют только *Butomus umbellatus*: русск. *сусак* (дон. Мирт., 402), *сусаток* (Анн., Б. сл., 498; Д³ IV, 644); укр. *сусак* (Мак., 67); блр. *сусок* (Анн. Прост., 74). Вероятнее всего, что в основе этого слова лежит тюркский элемент, в этом же смысле высказывается и Анненков. Но ни у Радлова, ни в других словарях

тюркских языков такого названия нет. В русских говорах *Butomus umbellatus* наряду с другими растениями называются *ситник*, *ситовник*, *ситовец*, *ситный цвет* (Д³ IV, 644). Но в отличие от других озерных растений сусак цветет красивыми розовыми цветами, за что в научной литературе он получил название *juncus floridus*, давшее такие кальки, как нем. *Blühende Binsen*, фр. *jonc-fleuri*, польск. *sit kwitnący*, русск. *цветущий ситник*. В башкирской научной литературе этот термин калькируется как *säsäklä qatış*. Корень *säsä* в башкирском значит 'цвести', 'цветок'; чуваш. *çeçke* 'цветок'; тат. *säsäk* то же. Возможно, что в качестве названия для цветущего ситника было заимствовано слово со значением 'цветок' через посредство восточнофинских языков, ср. мар. *sasak* 'цветок'.

ка р ж л а

В говорах б. Олонецкой губ. тростник называется *ка́ржла*, *га́жла* (олон. Кул., 34). Калима выводит эти формы из олон. *kažlu*, *kažl'a* 'тростник', карел. *kažla*, *kažla*, *kaišla* то же ⁵⁵.

х а н ь г а

Подвысоцким записано в Архангельской обл. название тростника *ханьга* (арх. Подв., 182). Я. Калима приводит в связи с этим камчатские *у́ханьга*, *яханга*, *яханга́* и сравнивает с мансийским *ха́ржа* 'осока' ⁵⁶.

п р а с т е ч к и

Записанное Г. Куликовским в б. Олонецкой губ. название *Турфа прастечки* (олон. Кул., 92), судя по форме, полонизм. Ср. польск. *prastka* 'хвощ'. Такое заимствование не должно вызывать удивления, т. к. полонизмы в лексике олонецких говоров составляют значительный процент, ср. такие откровенно польские формы, как *блядый*, *пьятать* и др. В основе рассматриваемого названия лежит тот же образ, что и в названии рогоза *веретельник*: сходство соцветий с веретеном.

⁵⁵ J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1949, стр. 107.

⁵⁶ V a s m e r. REW, III, стр. 230.

Завершая обзор названий, входящих в третью группу, хочется остановиться на некоторых словообразовательных и семантических моментах, свойственных всей группе в целом. Для названий этой группы характерно наряду с основным опорным словом образование форм с суфф. *-ина* для обозначения одного растения и форм собирательности с суффиксами: *-ье*, *-овье*, *-ник*, *-няк* для обозначения зарослей. Ср. *ситина*, *ситовина*, *рогозина*, *трестина*, *тростина*, *очеретина*, *балашина*, *лабазина*, *камышина*; укр. *ку́жшина* и *ситье*, *ситовье*, *ситник*, *ситняк*, *трестье*, *тростье*, *тростник*, *балашняк*.

Для данной группы характерно несколько устойчивых семантических моделей, из которых наиболее часто воспроизводится модель 'раздирать — плести' → 'название растения, употребляемого для плетения', иногда 'нечто расщепленное, развилка' → 'название растения'.

'расщеплять — плести' 'нечто расщепленное'		'растение, употребляемое для плетения'	'нечто сплетенное'
и.-е. *sei-, *si-	лит. <i>saistyti</i>	прасл. *sitъ, *sita	лит. <i>saĩtas</i> прасл. *sidlo, *sěť
и.-е. *ned-, *nod-	др.-инд. <i>nadā-ḥ</i> лит. <i>nėndrė</i>		
и.-е. *ker-	праслав. *čertъ	греч. <i>καρταλος</i> , <i>κάρτος</i>	
др.-инд. <i>kṛnatti</i> , <i>cṛtati</i>			
русс., блр. <i>тпро-смѣть</i>	слав. *trěsta	русс. <i>треста</i>	
праслав. *rogъ, *rogozъ	праслав. *rogozъ	праслав. *rogoza, *rogoža	
русс. <i>соха</i>	русс. <i>пасошья</i>		
русс. <i>лещить</i>	русс. <i>лещук</i> , <i>лещуга</i>	русс. <i>лещедна</i> , <i>лещеть</i>	
и.-е. *bhendh-	нем. <i>Binse</i>		

Выход за рамки ботанической терминологии подключает названия растений этой группы к терминологии плетения и ткачества, побочные значения для слова *треста*, например: 'бердо'; 'часть ткани, ткань'; 'изделие из ткани'.

Повторяющиеся отношения: 'палка, трость' и 'названия растений'; 'растение' → 'солома'.

Ср.: палка — палочник; кий — киевка; трость — трост.

4 группа

Растения семейства зонтичных столь своеобразны по своему внешнему виду, что они обычно не смешиваются с представителями других семейств. Значительную группу в этом семействе составляют старые культурные растения, такие, как морковь, укроп, петрушка, анис, тмин. Наличие в семействе культурных растений обычно находит активное отражение в номенклатуре дикорастущих растений того же семейства. Названия культурных растений служат своеобразным источником для таких наименований по принципу контраста: морковь — дикая морковь, морковник; петрушка — дикая петрушка, собачья петрушка и т. д. Та же самая картина в семействе крестоцветных, бобовых и лилейных (см. соответствующие группы названий). То, что борщ, *Heracleum*, был культурным растением, отражено в таком противопоставлении, как пучки — собачьи пучки. Значительная группа дикорастущих зонтичных растений издавна употреблялась в пищу, часть из них даже разводилась в искусственных условиях. Названия дикорастущих съедобных растений этого семейства немногочисленные, устойчивы по говорам, составляют компактную группу. Дягиль, снить, борщ — вот те названия, которые, являясь основными элементами

данного микрополя, путем незначительных перемещений образуют всю его сложную картину во всех говорах. Общая схема микрополя изображена на табл. 3.

Единственная точка перекрещивания с другим полем — названия, объединяющие два растения, борщ (*Heracleum*) и щавель (*Rumex*).

дягиль

В русских говорах называют дягилем, не различая, растения *Angelica silvestris* L. и *Angelica archangelica* Hoffm, иногда еще *Aegopodium podagraria* L. и *Heracleum sibiricum*.

Словообразовательные формы этого слова по говорам очень многообразны: дягил, (Р. п.) дягья, дягли (ряз. Гриш., 211); (кург. Скалов., 14); дягильница, дягльовник (дон. Мирт., 382); дйгель (вят. Васн., 57); дегель (пенз. Зелеп., 352). Основные варианты дягил — дягиль — дигель — дегель.

В говорах Ярославской и Вятской обл. и в говорах Сибири *Angelica* получает название дидель (результат ассимиляции из дигель): дидиль (мн.) (яросл. Русин. 19; Доп. Яросл., 105; тобол. Скалов., 14); дедюльки (вят. Зелен., 44, 47; арх. Д. I, 425). Процесс регрессивной ассимиляции в этом слове отражен в тех же вятских говорах гйгель <дигель (вят. Гор., 250; вят. Проз., 13).

По русским говорам слово дягиль бытует главным образом в северных, северо-восточных областях и Сибири.

Памятники письменности отражают ту же вариантность форм, что и говоры: дягиль, дягиль, дигиль, дягель; наиболее употребительная форма дягиль⁵⁷. В качестве имени Дягиль (если оно происходит от названия растения) встречается с конца XV в. от. Олонецкого края до Смоленска⁵⁸.

Таблица 3

	'Angelica'	'Aegopodium'	'Anthriscus'	'Heracleum'	'Chaerophyllum'
дягиль	+	+	—	+	—
дудка	+	+	+	+	—
бугиль	—	—	+	—	—
снить	+	+	+	+	—
борщ	—	+	—	+	—
пикан	—	—	—	+	—
купырь	+	—	+	—	+
пучка	+	—	—	+	—

⁵⁷ Тверская летопись (рукопись СПб. Публ. библ., 4° VI.29), л. 358; Роспись травам ко всякому лечению, где которая растет (рукопись конца XVII в. Моск. ист. муз., из собр. Щук. 285/292), стр. 185; Собрание писем Алексея Михайловича. М., 1856, стр. 52; Акты исторические (1643—1645), т. I. СПб., 1841, стр. 480; Лечебник № 1 (1763), л. 120 (Картотека ДРС № 42); Картотека РГО, ф. 250, № 22 (рукопись XVIII в.); Писцовая книга Оболенской пятины (под 1500 г.), 2-й Московской описи. Киев, 1910, стр. 85.

⁵⁸ Н. М. Г у н и к о в. Словарь древнерусских личных собственных имен (под 1495 г., 1539 г., 1593 г.), «Записки Отд. русск. и слав. археолог. русск. археолог. об-ва», т. VI, СПб., 1903, стр. 197, 598.

Слово *дягиль* распространено во всех восточнославянских и западнославянских языках: укр. *d'ahel, d'ahlyca, d'ahyl, dehel, dehil'* (Мак., 31); блр. *дзягиль*; чеш. *děhel, děhyl*; в.-луж. *dzehel*; польск. *dzięgiel*.

Многие этимологи (Брюкнер, Махек, Славский, Пизани) склонны считать это слово заимствованием из ниж.-нем. *de engil* от лат. *angelica*. Кажется, несколько противоречит этому довольно ранняя фиксация слова в русских памятниках (конец XIV в.), его география по говорам (северо-восток, тогда как заимствования из польского охватывают обычно Украину и южнорусские говоры) и форма слова *дягиль* — позднее заимствование из польского должно было бы дать **денгель* (ср. *вензель*).

Кажется более привлекательной мысль Фасмера об исконно славянском происхождении этого слова: *дягиль* из **degyľ* или **degľ* от корня **deg-* 'здороветь, быть сильным', т. к. дягиль издавна употреблялся как тонизирующее средство⁵⁹. Ср. *дѣгнуть* 'полнеть, здороветь, поправляться' (арх. белом. Федор., 45).

б о р щ

Являясь одним из названий зонтичных съедобных растений, слово *борщ* относится по преимуществу к *Heracleum sibiricum*. Несомненно праславянское по своему происхождению, это слово ограничено лишь двумя северными группами славянских языков и словенским. В пределах восточнославянских языков в историческое время возникла семантическая триада: *борщ* — 'название растения со съедобной зеленью' → 'зелень, ботва вообще у разных съедобных растений' — 'суп из зелени, ботвы, главным образом из свеклы'. Лишь последнее значение закрепилось в русском литературном языке, но говоры отражают всю картину развития. Ср. *борщ* 'Heracleum sibiricum' (киров., медян. Гор., 240; казан. Булич., 13; арх., печор. Ивашк., 98; арх., виногр., В. М.; ворон. Листр. 33; Д I, 118); *борчовки* 'ствол борщевника' (казан. Оп., 13); в Травнике Любчанина бранка урсина — *борщ огородный*.

В значении 'ботва' это слово выступает в севернорусских говорах: «*борш* у бр'у́квы, у с'в'о́квы, у турн'ёпса

такој жа *борш*» (арх., белом. Федор., 10), тогда как южные говоры и значительная часть говоров украинского языка представляют уже позднее состояние.

По славянским языкам слово не имеет формальных вариантов: русск. *борщ*, укр. *борщ*, польск. *barszcz*, чеш. *bršť*, словен. *bršč*, праславянская форма реконструируется как **bъrščь*.

Этапы формального развития представлены у Преображенского и М. Фасмера следующим образом: **bhrstio* > **bъrstjo* > **bъrščь* — «растение названо так из-за острых листьев»⁶⁰. Не вызывает никакого сомнения если и не обязательность, то возможность такого развития формы, но она вступает в резкое противоречие с обоснованием развития значения. В основу названия борщевника, да и других зонтичных не мог быть положен признак 'острый, колючий', так как листья у борщевника мягкие и по сравнению с другими растениями этого семейства не отличаются большой перистостью.

Это растение, как и ряд других зонтичных растений, издавна употреблялось как съедобное, поэтому правдоподобнее мысль Махека о том, что оно было названо по своим вкусовым свойствам 'кислым'. Махек восстанавливает основу **bъrsk-* и сопоставляет с чеш. (о) *břesk*, польск. *obrzazg*, словц. *zbrzga sa mlieko* 'молоко скисло'⁶¹. Основа **bh(e)reu-*: **bh(e)rǫ-* (Pokorný, 144—145) как обозначение кислого, горького, прокисшего представлена и в других индоевропейских языках, ср.: норв. *brisk* 'горечь', арм. *bark* 'кислый, острый', балтийские названия тоже зонтичного, но ядовитого горького растения — *Conium maculatum* — лтш. *burkšis, burksnis*. В русском языке названия *Conium* совмещаются со значениями 'пересол, горечь, яд'⁶².

На славянской почве этот корень отражен в формах **bъrsk-*, **broisk-*. Первый вариант с различной вокализацией плавного дал праславянское **bъrščь* 'кислое растение' и **bъrзgati* 'киснуть', второй **bъrзgati* 'киснуть'. Наряду с этими формами, отраженными в памятниках: *обръзгнута, обръзгнута* 'прокиснуть' (Срезн., II, 553),

⁵⁹ М. V a s m e r. REW, I, стр. 110—111.

⁶¹ V. M a c h e k. Указ. соч., стр. 165.

⁶² См.: В. А. М е р к у л о в а. Из истории названий некоторых растений. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. III. М., 1961.

возникли формы с носовым инфиксом, возможно поддержанные усилением экспрессивности значения: **bręzgnęti* и **br'ęzgnęti*. Обе последние формы тоже обозначают действие окисления, брожения, порчи и т. д.: укр. *брезклий* 'сырой'; *забрэзкнути* 'обрызгнуть', 'сделаться водянистым, покрыться слизью' (о квашении и пр.) (Гринч. I, 96; II, 8); *бреск* 'вологість, пліснь'⁶³; словен. *brjuzga* 'таящий снег на улице'; русск. *брюзгнуть* 'опухать, делаться водянистым', *брезга* 'разная дрянь' (пск., порх. Доп. Оп., 12); болг. *бръждя* 'прогоркнуть'.

Любопытно, что те же значения отражены и в формах с другим расширителем *k*. Ср. русск. *брюкнуть* 'мокнуть, киснуть' (ряз. Оп., 16), *брюкнуть* 'набухать, расширяться от сырости или влаги' (прибалт. Немч., 37).

Вариантность форм на праславянском уровне такова: **bъrščь* (<**brskjo*-), **bręzg-*, **bręžg-*, **bręzg-*, **bręzg-*, **bręk-*, **bręk-*.

Разграничение, отделение этих форм друг от друга представляется неправомерным ввиду общности или чрезвычайной близости, перекрещиваемости значений и одновременно близости и взаимосвязанности форм. Название **bъrščь*, на наш взгляд, правомерно и строго входит в этот довольно обширный ряд⁶⁴.

с н и т ь

По говорам снитью называют различные съедобные зонтичные растения (*Angelica*, *Heracleum*, *Anthriscus*), но чаще всего *Aegorodium podagraria* L.

Распространение слова ограничено восточнославянскими языками, где оно существует в следующих формах: *снить* (арх. Подв., 160); *снить*, *снитьва* (казан., Бул., 326); *снитька* (брян. Тихан., 82; яросл. рост. Волоц., 86; яросл. Мельн., 188; кур. Халан., 374); *снить* (твер. Пупар., № 34); *снитька* (смол. Добр., 853); *снитька* (кур. Машк., 14; ворон. Малах., 211; тул. Толстой); укр. *snitka*, *snyt*, *snyt*, *snytka* (Мах., 8); блр. *снитька*, *снитька*.

⁶³ М. И. О н и ш к е в и ч. Словник бойківського діалекту, стр. 47 (рукопись).

⁶⁴ Мне кажется, что непосредственно от *брезгнуть* 'киснуть' возникло *брезгать* 'гниуться'. Переход значений вполне закономерен. Ср. при *мбзнуть* 'гниуть' — арх.: «Не помозгуешь?» («Не побрезгуешь?») (арх., виногр. В. М.).

Основной формой для русского языка следует признать *снить* и производную *снитька*, представленную в подавляющем большинстве говоров. Форма *снитька*, характерная для части южнорусских говоров, может быть объяснена влиянием соседних украинских диалектов. В украинском наиболее распространенной является форма *snitka*. В белорусском литературном языке и значительной части говоров это слово отсутствует, оно отмечено в словаре Носовича без указания места; вполне возможно, что оно встречается в смешанных украинско-белорусских говорах, чем определяется рефлекс основного гласного.

Анализ русского диалектного материала позволяет предположить две первоначальные формы **sněť* и **snitъ*. Если ограничиться первой, то остаются неясны южнорусские формы, указывающие на исконное *i*. В такой же степени двусмысленны и украинские данные: *snitka* предполагает **sněťka*, а *snyt* может быть как из **sněť* (например, в закарпатских и буковинских говорах, где этимологическое *ě* местами передается как *u*), так и из **snitъ*. Таким образом, приходится признать для восточнославянских языков две возможные реконструкции **sněť*/**snitъ* с очень четким значением 'съедобное зонтичное растение'.

Обычно этимология восточнославянского слова сводится к сопоставлению его с западнославянским и южнославянским **sněť* 'растение головня'⁶⁵. Формальных возражений против такого сопоставления быть не может, но семантическая сторона такой этимологии оставляет желать лучшего. Несмотря на кажущуюся сумбурность и многозначность народной ботанической терминологии, она подчинена очень строгим законам. Переносы значений возможны только в пределах семантического поля и смежных или перекрещивающихся с ним полей. Мы уже видели, что семантическое поле названий зонтичных растений исключительно замкнуто, выходы за его пределы ограничены только названиями щавеля. Анализ всех элементов, входящих в данное микрополе, позволяет выделить несколько признаков, но один из них обладает наибольшей повторяемостью: 'стебель, ствол' → 'зонтичное растение'. Частота использования этого признака оправдана яркими внешними особенностями растений: это высокие крупнотравяные травы с большим пустотелым стеблем, резко

⁶⁵ V a s n e r. REW, II, стр. 681.

выделяющиеся на фоне других трав. В ряде западнорусских говоров эти растения носят названия *ствол*, *стволья* (см. соответствующую статью). На материале восточнославянских языков мы не имеем для слова *снить* родственных форм, но в западнорусских языках широко распространено однокоренное слово со значением 'ствол, ветка'. Ср. чеш. *snět* 'ветвь', *snět* 'срубленное и нераспиленное дерево', *snítek*, *snítka* 'колода'; слов. диал. *snět* 'ствол дерева'; слов. *sneto* 'ветвь'; польск. *śniat* 'ствол дерева' (XVII в.); укр. закарп. *snit*, *snita* 'колода' (украинские формы могли появиться под словацким влиянием).

Таким образом, празападнорусское **sněť* 'ствол, ветвь' представляет один компонент семантической связи, тогда как восточнославянское **sněť*/**snit* 'зонтичное растение' — ее второй компонент. Для восточнославянских языков необходимо предположить утрату словом *снить* первичного значения 'ствол'.

Оба слова, различающиеся лишь типом склонения, **sněť* и **sněť* восходят к **snoit-*, соотносимым со **sneit-* 'резать'; ср. гот. *sneiþan*; ср.-в.-нем. *snīdan* (современное *schneiden* 'резать'); др.-исл. *sneid* 'отрезанный кусок', *sneis* 'отрезанная ветвь'⁶⁶. Вариант **snit* может восходить к более поздней неапофонической форме, производной от той же основы.

Что касается названия растения головни (*Urgo segetum* L.), то оно имеет совершенно независимую этимологию и свою географию распространения. Праславянское **sněť* 'головня' представлено в южнославянских, западнорусских и украинском языках; чеш. *snět*, *snět*; слов. *sned*; польск. *śnieć*; в.-луж. *sněc*, *snječ*; н.-луж. *sněs*; укр. *snitiuця*, *snitий*, *snitъ*; словен. *smetljaj*; с.-хорв. *snijet*. По мнению Махека, все эти формы связаны с чешским глаголом *nítiti*⁶⁷. Семантические отношения очень логичны: 'разжечь огонь' → 'обоженное полено, головня' → 'растение головня'. Ср. этимологически того же корня прусск. *knaistis* 'головня'. Обширное гнездо слов, производных от глагола **gnětiti* и его вариантов (ср. любопытное прапольск. **kněť* 'мать-и-мачеха'), имеет само-

стоятельную историю и совершенно не связано с русским *снить* '*Aegopodium podagraria*'. Праслав. **sněť* **sněť* 'растение головня' и праслав. **sněť*, **sněť* 'ствол', 'зонтичное растение' — омонимы, различные по происхождению и географическому ареалу⁶⁸.

к у н ы р ь

Географические границы слова *купырь* — русские говоры к югу и востоку от Москвы и говоры Поволжья (дон. Мирг., 161; сарат. Моис., 64; ворон. Листр., 35; рост. Рожк., 34; Д II, 221; Анн. Прост., 17). Слово выступает как название целого ряда растений семейства зонтичных, в первую очередь *Anthriscus silvestris* L.

Членение слова на морфемы может быть проведено следующим образом: *куп-* — корень, *-ырь* — суффикс (ср. *пупырь*, *волдырь*, *мизгирь* и др.). Идентификация корня без обращения к реальным свойствам растения представляется затруднительной. В ряде говоров *Anthriscus silvestris* носит названия, характеризующие его как пахучее растение: Ср. *волючка* (Анн. Б. сл. 40), *волявд* (удм., карс. Бараш., 271), *«купырь»* как марквд, а с'в'ерху ван'уч'ии (сарат. Моис., 64).

Если предположить, что и в данном случае растение названо по этой особенности, то становится возможным сопоставление корня *куп-* с лит. *kvėpėti* 'пахнуть', *kvapas* 'запах'.

Слова с корнем **kūp-*, **kūp-*, **kūp-* в значении 'запах, чад' довольно многочисленны в индоевропейских языках, но наиболее последовательно представлены в балтийских. Думается, что славянские языки, кроме общепризнанных *копоть*, *коптить*, тоже могут дать значительный материал. Ср. названия пахучих и медоносных растений *копёр* 'укроп' (из **kopr-*), *купрей* (из **kuprj-*)⁶⁹ и анализируемое в этой статье *купырь* (из **kūp-* или **kupr-*).

⁶⁸ Примером аналогичных омонимичных форм могут служить слова *жаровый* 'раскаленный' и *жаровый* 'высокий, стройный' (см.: В. А. Меркулова. Слав. **žab-*; праслав. **žagovъ* 'высокий, прямой'. «Этимология. Исследования по русскому и другим языкам». М., 1963, стр. 78—80).

⁶⁹ Глагол *купеть*, судя по некоторым примерам, мог значить 'пахнуть'. Ср. м'г ро благовонно кыпить нам (Срезн. II, 1418. Мин. — 1096 г.). Мысль о возможности такого значения высказал еще Погодин (РФВ, т. XXXII, 1895, стр. 330).

⁶⁶ V. Maček. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 461 (автор говорит только о западнорусском слове).

⁶⁷ V. Maček. Указ. соч., стр. 461—462.

Вариант суффикса — *ylb*, *-yrb* может быть вторичного и позднейшего происхождения из первоначальных *-lb*, *-rb* и отражает вокализацию сочетания согласного с плавным с позиционной долготой в ударном слоге. Если это так, то в словах *копер*, *кипрей*, *купырь* — единое суффиксальное оформление при единстве производящего гласного. Возможно предположение и об этимологическом гласном *o* в корне слова *купырь*, мена *o* > *y* возможна в предударном слоге, ср. *будыль* < *бодыль*.

бедренец

Лекарственное зонтичное растение *Pimpinella saxifraga* носит в славянских языках название *бедренец*: укр. *bedryńeć*, *bedryč*; блр. *bedrinec*; польск. *biedrzeniec*, *biedrzniak*; чеш. *bedrník*; словен. *bedřnac*, *bědrnik*; с.-хорв. *bědrinac*, *bedrenik*. В русском языке наряду со словом *бедренец* существует в архангельских говорах название тоже зонтичного съедобного лекарственного растения *Angelica archangelica* — *бадрянка* (арх. Подв., 8), *бадрѣнка* (арх., холм. Гранд., 89) и в костромских говорах *бадровъ* то же (костр. Азарх.).

Так как оба растения обладают тонизирующими свойствами и с древних времен употреблялись как лекарственные, естественно связать праслав. **bedrŋьсь* с корнем **bedr-* 'сила, здоровье, бодрость'⁷⁰. Ср. ст.-сл. *бедрънь* (может быть, сюда же русск. диал. *сбѣдрить*, *сбердить*, 'одолеть, победить, справиться с кем' новг., олон., пск. Оп., 198), общеслав. **bьdrъ*.

С последней формой могут быть сближены русск. диал. *бадрянка*, *бадровъ*, *бадрѣнка*. Слово *бадровъ* продолжает одну из форм основ на *-ŋ* типа **bьdry-*, *-ъve*, ср. аналогичные образования *морковь*, *свекровь*.

Бадрянка — производное от диал. арх. *бодреный*, *бодряный* 'бодрый, крепкий, дюжий, дебелый, здоровый на вид' (Д³ I, 106) с суффиксом *-ж(а)* и переносом ударения на первый слог (тенденция, характерная для архангельских говоров). Восстановление неэтимологической глас-

⁷⁰ См. обширную статью об отражениях и.-е. **bhedr-* в славянских языках: Horgas G. Lunt II. Old Church Slavonic *bedrŋno*. «Language», 29, 1953, № 2.

ной под ударением при первоначальном безударном положении — явление не единичное. Развитие *шло*, вероятно, таким образом: *бодрян-ой* > *бодряи* + *ка* > *бадрянка*.

дудка

В большинстве русских говоров *дудкой* называют стебли трав, главным образом полые стебли: «Когда *дутка* оstar'е́йт — скотина ево́ не ест» (арх., беломор. Федор., 45).

В связи с тем, что многие зонтичные растения имеют высокие полые стебли, их называют *дудками*. *Дудка*, *дудки*, *дудошник* (название кустов), *сладкие дудки* (олон. Кул., 108; арх., приоз. Кимят.; тверск., болог., удом. Строг., 56; курск. Кардаш. II, 324). В ряде северных говоров и Сибири это *дудель*, мн. *дудли* (волог., никол., тотем. Потан., 232; арх. красноб. В. М.), *дудельник* (тобол. Сколос., 14); *дудорник* (удмурт. Бараш, 276; 365). В украинском языке целый ряд зонтичных растений называется *дудѣа*, *-ви*, *дудла* (Гринч. I, 453). Характерно, что звукоподражательные основы получают как правило сонантный расшпиритель: *-в-*, *-л-*, *-р-*.

Куликовский в своем словаре приводит слово *трубошник* 'название какого-то растения' (олон. Кул., 121). Вероятнее всего, это дягиль.

стволя

В западных говорах (Смоленская, Псковская, Тверская обл.) дягиль называют *ствол*, *стволя* (калин., стариц. Фрол., 65; калин., болог., удом. Строг., 56). Семантические аналогии этому названию есть и в других языках, ср. нем. *Stengel*, *Tuten*.

будыль

Будыль, *будылка* как одно из названий купыря (*Anthriscus silvestris*) приводит Даль (Д I, 137). В южных говорах так называют стебли крупнотравяных трав вообще. Здесь, как и в предыдущих случаях, растения называются просто стеблями.

Значительную часть названий зонтичных растений составляют заимствования. Они охватывают периферийные области Европейской части России и Сибири, где активно вытесняют исконные славянские названия. Одно из них *пучка* получило значительное распространение: Архангельская, Пермская, Кировская, б. Олонецкая, Костромская, Оренбургская обл. и Сибирь (арх., красноб. В. М.; свердл. Глазыр., 70; арх., холм. пинеж., мезен. Подв., 143; перм., чусов. Каюр., 321; арх., белом. Мих., 82; арх., оренб., камч., сибир. Оп., 184; арх. Гранд., 257; том. Семен., 498; оренб. Сунгур., 48). Появление этого слова связано с наличием мощного финского субстрата в этих областях; в значительном числе финских языков близким по звучанию словом называют съедобные зонтичные растения.

На стыке своего и заимствованного названия возникают такие тавтологические образования, как записанное мною в Виноградовском р-не Архангельской обл. — *борщовые пучки*.

Источник этого слова лежит в западнофинских и в меньшей степени в восточнофинских языках. Как правило, в говорах б. Олонецкой губ. встречаются формы наиболее близкие к финскому первоисточнику, таковы *путки* и *будка* (Кул., 97; 6). Карел. *putki*, *butki* 'Heracleum, Angelica и др.'; олон. *but'k*; вепс. *butk*; фин. *putki*; эст. *put'k*; удм. *putke*⁷¹; мар. *пуч.* 'ствол, стебель'. Олонецкое *будка* отражает вепсскую и олонекскую формы с начальным *b*, тогда как *путки* соответствуют финской и карельской формам; имеющее более широкое распространение слово *пучка* опирается как на западнофинские, так и на восточнофинские языки и передает прафинскую форму.

⁷² Замечательно, что у слова *пучка* наблюдается то же развитие значений, что и у слова *борщ*. *Пучка* 'Heracleum, Angelica' → 'стебли, листья зонтичных растений' → 'суп из зелени'. Ср. *пучка* 'щи' (костр., галич. Оп., 184, 257).

⁷¹ J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 191—192.

Пикан, *пикана* — диалектное название борщевника и щавеля, распространенное на территории Удмуртии, части Пермской области и в Западной Сибири: *пикан* (вят., перм.), *пикана* (сиб. Анн. Б. сл. 165), *пикан* 'борщевник' (удм. Бараш., 288), *пикань* (вят., сарап. Зелен., 41), *пикана* 'щавель' (сиб. Доп. Оп., 181).

Морфологическая структура слова (суффикс -ан имеет широкое распространение и в удмурдском, и коми языках) и географические границы его существования наталкивают на мысль о его финском происхождении. Кажется о заимствовании свидетельствуют и такие образования, как *борщевый пикан*, *дидильный пикан* (перм. Анн. Б. сл., 390). Ср. *борщовые пучки*.

В чувашском языке есть слово *пикенет* 'название растения'⁷², в хантыйском языке есть слова, близкие по звучанию, со значением 'кислый, тухлый': *рәүет* 'гнилой', *рәҫҫе* 'кислый', *рйәҫҫи* 'гнилой', *рәүет сәйиҫи* 'волчье лыко'⁷³. Называние борщевника и щавеля одновременно словом, в основании которого лежит признак 'кислый', вполне естественно, но непосредственных прототипов этого слова в финских языках найти не удалось, и поэтому его этимологию следует считать невыясненной. Не исключена возможность и славянской этимологии. В основе слова *пикан* можно увидеть глагол *пикать* 'пищать', так как «из старых (стеблей борщевника) делают сопельки» (Д³ III, 277).

бодран

В среднем Поволжье (Казанская, Горьковская обл.) живет в качестве названия нескольких зонтичных съедобных растений заимствование из тюркских языков *бодран* (Казан. Оп., 11; Д I, 106). Это термин, имеющий распространение в большинстве тюркских языков и в соприкасающихся с ними финских: тат. *baltırgan*; чуваш. *potran*, *poldıran* (*пультаран*); мар. *палдыран*; тур. *balı-*

⁷² Н. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. X. Чебоксары, 1936, стр. 203.

⁷³ К. Ф. Karjalainens Ostjakisches Wörterbuch, bearb. u. herausgegeben von V. H. Toivonen, II. Helsinki, 1948, стр. 668—669.

ран⁷⁴. Наиболее близко по звучанию к русскому чувашское слово, которое, возможно, и легло в основание заимствования.

б у г и л ь

В говорах Курской обл. лексическое влияние украинского языка очень велико, одним из таких многочисленных украинизмов является название *Anthriscus silvestris* — *бугиль*. Это название ошибочно перенесено на *Anthriscus silvestris* в результате его сходства с ядовитым зонтичным растением *Conium maculatum*.

В большинстве славянских языков *Conium* носит название *болиголов*. На украинской почве это слово, возможно, в результате табу подверглось многоступенчатым изменениям: *болиголов*, *буглав*, *булав*, *булига*, *булигова*, *бугила*, *богила*, *бугиль* (Мак., 107). Один из этих вариантов проник в русские говоры курщины⁷⁵.

т у к м а ч и

В Кировской обл. записано название съедобного зонтичного растения *тукмачи*. «*Тукмач'и* — трава, на б'ер'егу рост'ёт, на лугах, похожа на моркóf, jed'at ст'ебл'и». (киров., медян. Гор., 340).

Так как стебли едят у всех рассматриваемых в этом разделе растений, то точная идентификация названия на основании данного контекста невозможна. *Тукмач'и* — слово тюркское, означает 'лапшу, клецки' (Радлов, III, 1274). Та же семантическая модель 'кашка' → 'Trifolium'.

На протяжении всего раздела наглядно видно, как устойчиво повторяется одна и та же семантическая модель 'стебель' — 'съедобное зонтичное растение'.

'стебель'	'зонт. растение'
<i>дудка</i>	<i>дудка, дудки</i>
<i>ствол</i>	<i>ствол, стволья</i>
<i>будыль</i>	<i>будыль</i>
<i>пучка, пучки</i>	<i>пучка</i>

⁷⁴ Vasmer. REW, I, стр. 46—47.

⁷⁵ J. B. Rudnickij. An Etymological Dictionary of Ukrainian language. Part 2. Winnipeg, 1963, стр. 159.

мар. *пуч*, фин. *putki*
 никанн
 нем. *Stengel*
 нем. *Tuten*

фин. *putki*
 никан, никана
 нем. *Stengel*
 нем. *Tuten*

Типичен и выход в названия кушаний из зелени по схеме: 'зонтичное съедобное растение' → 'стебли, ботва вообще' → 'суп из зелени, из ботвы'. Ср. во всех трех значениях такие слова, как *борщ* и *пучка*.

Менее распространена, но тоже характерна модель: 'быть здоровым, выздороветь' → 'зонтичное лекарственное растение'.

**degnoti*

**bedr-, *bьdr-*

**deglb*

**bedrьньсь, *bьdry.*

5 группа

От микрополя зонтичных растений связи идут к названиям щавеля, общие у него с борщевником. В этом случае исключительно отчетливо проступает несовпадение планов реального и языкового, хотя языковые отношения всегда имеют опору в реальной действительности. Многочисленные виды *Rumex* в народной ботанической номенклатуре не различаются, все они распределяются на две группы по признаку съедобности и несъедобности. Это противопоставление осуществляется в виде отношения: *щавель* — *конский щавель*. Признак съедобности и кислого вкуса объединяет названия щавеля и борщевника, таковы *никан*, *путки*, *пучка*, *пучья* и некоторые другие, объединяет их и близость семантической модели названий.

щ а в е л ь

Этимология слова *щавель* встречает формальные трудности главным образом потому, что приходится признавать для славянских языков наряду со словом **sokъ* 'сок из растений' вариант **sьkъ* — с тем же значением. Именно это обстоятельство удерживает М. Фасмера от признания неоднократно уже выдвигаемой этимологии (Потебня, Брандт, Ильинский). Р. Брандт строит следующую схему **sьkъ* 'сок', **sьсь* ед. ч., **sьси* мн. ч. 'кислый суп',

**sъčavъ*, **sъčavъ* 'кислота, кислая жидкость, кислое растение'; **sъčavъnъ* 'кислый'⁷⁶.

В большинстве говоров *щавель* как общее название Рутех противопоставлено названию одного из видов этого растения — конский *щавель*. Ср. *щавель* и *конский*, *коневий*, *коношинный щавель*; *кислица* (=щавель) — *кислица конявья*. В вологодско-архангельских русских говорах во втором компоненте этой пары выступает название конинный, *кобылий счец*, *счец*, *счеч* (волог., тотем. Потан; арх., виногр., краснб. В. М.). Это слово может быть реконструировано как **съсьсь*. Явление цоканья, по-видимому, задержало процесс ассимиляции *съ*. Название щавеля выступает в ином оформлении **съсьсь* как вариант к **съčavъ*. Эта форма доказывает реальное существование реконструкции, построенной Р. Брандтом. Но не только реликты в говорах, но и теоретические посылки подтверждают возможность наличия в праславянском варианте **съk-*. Такой вариант есть лишь ступень редукции индоевропейского корня без расширителя, тогда как вариант **сокъ* — имеет расширитель -о-: **сокъ* < **syok-* (ср. лит. *svakas*, лат. *sūcus*)⁷⁷.

Если формальная сторона этимологии имеет определенные обоснования, то и со стороны развития значения данная этимология достаточно доказательна. Предполагая для слова *щавель* значение 'растение с кислым соком', мы находим подтверждение этому в значениях родственных слов: чеш. *šťava*; словц. *štava* 'сок'; болг. *щавя* 'кислота, жидкость для дубления'; с.-хорв. *штава* то же; польск. *szczawa* 'углекислая вода'. Дополнительным аргументом в пользу именно такого развития значений служит и второе название щавеля — *кислица*, имеющее столь же широкое распространение в славянских языках. Ср. еще укр. *квасец* 'щавель' (Гринч. II, 230).

Кроме того, подтверждением может служить и семантический параллелизм. Обычно слова со значением 'сок' имеют производное 'выжимать сок'. Ср.: *сок* — *сочить*, серб. *кљук* 'виноградный сок' — *кљукати* 'выжимать сок'. Такая пара есть и для слова *щавель*. Ср. отношения

⁷⁶ Р. Брандт. Дополнительные замечания к разбору «Этимологического словаря» Миклопича. — РФВ, т. XXIV, стр. 164.

⁷⁷ J. Sch ü t z. Zum Abstufung und Erweiterung in diphtongischen Wurzeln in Slavischen und Baltischen. «Die Welt der slaven». Jahrgang VIII, Hf. 4, 1964, стр. 343.

чеш. *šťava* 'сок' и укр. *щавити*, *чавити* 'жать, давить' (Гринч. IV, 522, 442); русск. *защавить* 'придавить' (костр. Оп., 69).

кислица

Названия *щавель* и *кислица* географически четко распределены: южнорусские говоры — *щавель*, севернорусские — *кислица*.

Структурные отношения: основа имени прилагательного + суф. -иц(а) — те же, что в названиях ягод; отсюда то же отношение словообразовательных вариантов:

кислица — *кислика*;

с вокализацией сочетания согласного с плавным:

киселица — *киселика* — *киселка*;

с вторичным и избыточным суффиксом прилагательного, возможно, под влиянием словообразовательных моделей названий ягод:

кисленица — *кислѣнка* — *кислянка* — *кисленка* —

кисленца (ср. *земленица* — *землянка*);

с иным суффиксальным оформлением:

кислядь, *кислядка*, *кислуха*.

Доминирующей формой следует признать форму *кислица*, которая зафиксирована на большей части территории (арх., волог., новг., яросл., ленингр., смол.).

Слово *кислица* имеет общеславянское распространение для обозначения различных кислых плодов и трав и купаний из них. Ср.: чеш. *kyselinka*, *kyselica*; серб. *кйселница*; болг. *киселец*; укр. *kvaseč*. Мне неизвестно географическое распределение форм *щавель* и *кислица* на южнославянской почве, но оно, несомненно, имеет место.

Смысловая схема этого названия исключительно проста: 'кислый' → 'кислое растение', но, если мы примем во внимание всю совокупность форм и значений данного этимологического гнезда в славянских языках, то обнаружим исключительный семантический параллелизм этимологическому гнезду, в которое входит слово *щавель*, и окажется, что оба слова выделяют в предмете один и тот же признак.

Ср., например, параллелизм таких образований, как *щавить* 'давить, жать' и *квасить* 'давить' → 'сделать мокрым' → 'сделать кислым'.

Второстепенные названия щавеля немногочисленны: *столбики* (олон. Кул., 113); *путьки* (олон. Кул., 97); *пучка* (смол. Добр., 755); *солоника* (арх., лекshm. Кузн.); *кнатыца* (перм., верхот. Опис., 45); *булки* (влад., меленк. АН, фонд, 176); *дубель*, *дупель*, мн. *дубли*, *дупли* (арх., приоз. Кимяг.).

6 группа

Растения семейства крестоцветных обладают той же неповторимой оригинальностью формы, как и зонтичные растения; в то же время отдельные виды исключительно сходны между собою. Не считая старых культурных растений, таких, как капуста, репа, редька, брюква, горчица, все они по большей части распространенные сорняки с цветами насыщенно желтого цвета и своеобразной формы, со съедобными горькими листьями и семенами, употребляемыми для добывания масла. Я имею в виду следующие растения: сурепку (*Barbarea vulgaris*), свербигу (*Bunias orientalis*), дикуую редьку (*Raphanus raphanistrum*), полевую горчицу (*Sinapis arvensis*) и гулявник (*Sisymbrium officinale*).

Схематическое строение данного микрополя во всех говорах русского языка дано в табл. 4.

Таблица 4

	«Barbarea»	«Bunias»	«Raphanus»	«Sinapis»	«Sisymbrium»
сурепка	+	+	+	+	—
дикая редька	—	+	+	+	—
горчица	—	—	—	+	+
горькуша	+	—	—	—	—
гармута	—	+	+	—	—
свербига	—	+	—	+	—
свербигуз	—	—	—	—	+
гулявник	—	—	—	—	+

сурепка

Это обобщающее название целой группы сорных крестоцветных растений. В пределах восточнославянских языков слово *сурепка* выступает в следующих вариантах: *сурéпа*, *сурéпка*, *сурéпица*, *свирéпа*, *свирéпка*, *свирéпица*. В польском языке *świerzop* м. р. и *świerzopa* ж. р. имеют то же значение, что и названные выше восточнославянские формы. В чешском языке словом *sveřep*, -а называют сорняки, но не семейства крестоцветных, а семейства злаковых (*Bromus*, *Festuca* и др.). Памятники старославянского языка сохраняют слово *сѣбрѣница* тоже в значении сорняк: «Их же (плевлѣ) различ'ни видове: к Ѹ коле, *сѣбрѣница*, сѣн'ца» (Феоф. Толк. Ев.-Срезн. III, 270).

Реконструируемое для праславянского **sverěpъ*, -а (с деминутивами -ѣка, -іка) 'название сорного растения' в формальном отношении естественно встает в зависимость от прилагательного **sverěpъ*, -а, -о, являясь его субстантивированной формой.

Памятники показывают, что слово **sverěpъ* имело наряду с другими значениями и значение 'дикий, сорный'. Ср. у Срезневского пример из Жития Феодора: «Бѣ грызѸще былиѣ сверѣпное и пьюще воду морскѸю» (Срезн. III, 23), греч. ἀγρίελαλον калькировалось на славянский словом *сверѣпномалина* (Срезн. III, 271); то же значение сохранилось и в современном польском *rzodkiew świerzepa* 'дикая редька'.

Таким образом, современные слова *свирепка*, *свирепица* сохраняют старое значение прилагательного *свирепый* 'дикорастущий, сорный' и значат собственно 'сорняк, дикарь'. Ср. сербское название сурепки *дѣчак*. Вариант слова *сурепка*, *сурепица* (только в русском) объясняется наличием в русских говорах форм *сурепый* с тем же значением, что и *свирепый*.

Само слово *свирепый* не имеет единой и ясной этимологии. Ф. Фортунатов и Ф. Миклошич сопоставляли его с лит. *šiurpti*, *šiurpstu* 'содрогаться'⁷⁸, И. Шмидт с лит. *sarpālius* 'драчливый петух'⁷⁹. Ст. Младенов, более де-

⁷⁸ Ph. Fortunatov. Lituanica.— BB, Bd. III, 1879, стр. 74; F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, стр. 330.

⁷⁹ J. Schmidt. Zur Geschichte des indogermanischen Vokalismus. 2. Weimar, 1875, стр. 67.

тально проведя анализ форм, связывает это славянское слово с большим числом балто-германских слов в значении 'тяжелый'⁸⁰. М. Фасмер воздерживается от признания какой-либо из названных этимологий⁸¹. Оригинальную гипотезу выдвигает В. Махек, анализируя слово *сви́репый* как сложение из **sve-* (вариант к **svoj*) и корня **rěp-* 'хватать, цеплять'. Ср. лит. *aprėpti*, слав. **rěpъjь*. Он справедливо опирается на первоначальное значение 'ди-корастущий', некоторое сомнение вызывает приписываемое корню **rěp-* для праславянской эпохи значение 'укореняться, приживаться'⁸².

Формальное членение слова может быть и таким: **sver-ěp-*. Образование с суффиксом *-ěpa* приводит Младенов: чеш. *skořepa* 'скорлупа'. Суффикс редкий и, возможно, экспрессивный. Ср. *ду́лепа* 'тыква' (ряз., мещер. Осов.), укр. *мазепа* 'грязнуля' (Гринч. I, 456), *дурепа* 'дуреха' (Гринч. II, 396). В пермско-вятских говорах в абсолютно том же значении, что и слово *сви́репый*, выступает вариант с иной огласовкой корня *сурéпый* (Оп., 90). С той же ступенью корня, но с иным суффиксальным оформлением, мы находим слово в псковско-тверских говорах: *сви́рющий* (значение то же, Д IV, 66). Суффикс *-уш (-'уш)* как усилительный выступает в отношениях слов: *злой — злющий*, *большой — большущий*. Огласовка корня *сур-*, которая вряд ли случайна, позволяет искать родственные формы с этим корнем. Таковым служит слово *суровый*, представленное во всех славянских языках (польск. *sirowy*; чеш. *sirový*; н.-луж. *sirowu*, болг. *сурав*, *суров*; с.-хорв. *сѣров*). Слова *суровый* и *сви́репый*, близкие по значению в современных литературных языках, в памятниках выступают в совершенно идентичном значении: 'дикий, жестокий, злой, яростный', наречия *суровьно* и *сви́репо* служат переводом греч. *ἀγρίως*. Например, «сѣмьрти же лютии *соуровьно* лъстьць прѣдалъ ксть» (Мин. 1097 г., 162 — Срезн., III, 626).

Если возможно тождество слов *сви́репый* и *суровый* со стороны значения и родственные отношения со стороны формы (**sur-/sver-*), то определенные связи должны быть и с родственным слову *суровый* словом *сырой*. Можно услов-

но восстановить схему развития значений слов *суровый — сырой* в славянских языках и выявить их совпадение со значениями слова *сви́репый*. Основным и первичным для первых двух было 'мокрый, влажный'; с этим значением слова **syръ*, **syrovъ* выступают в восточнославянских, чешском, сербском и словенском языках. В том же значении слово **sirovъ* отмечено в западнославянских и болгарском. В русском слово *суровый* утратило значение 'мокрый, влажный', оно уцелело лишь в производных словах, названиях низин, болот: *суротѣк* 'сырая моховина' (арх. Д IV, 643), *сѣрошка* 'низина' (арх. Подв., 168).

Второе значение слов **syръ*, **sirovъ* 'свежий, зеленый, незасохший', как антоним к **сухъ* 'засохший'. Это значение отражено в памятниках старославянских и древнерусских и в южнославянских языках. Ср. «С ѹши^т дресеса и оувадае^т трав ѹ *соуровоу*» (о саранче) (Георг., Писид., Похв., Бог.); «В *сырѣ* дрѣвеси» (Срезн. III, 626, 877); ср. хорв. *sirovo granje, trava suha i sirova* (Ivek.-Broz. II, 402), то же в сербском. В значении 'свежеть, цвести' употреблялся глагол *сырѣти*: «Срѣцю же весела щюса лице *сырѣть*» (Панд. Ант. XI в. л. 268 — Срезн. III, 877).

Может быть, в старых устойчивых словосочетаниях *сыр-бор* и *мать сыра земля* прилагательное *сыр* несет именно это значение? *Сыр-бор* в значении 'зеленый бор, не засохший на корню', а земля *сырая*, т. е. 'свежая, зеленая, цветущая', 'не сухая, не бесплодная'. Торжественная ритуальность обращения к матери-земле противоречит современному значению слова *сырой* в русском языке. Ср. еще фольклорное *сырой дуб*. («Возле дуба, дуба *сырова...*»), как синоним выражения *зеленый дуб*. Все эти реликты, кажется, подтверждают мысль о том, что и в восточнославянских языках у слова *сырой* было значение 'свежий, зеленый'.

Возможно, что то же значение 'свежий, здоровый' представлено и корнем **sver-*: *сверезжий*, *сверюзжий* 'здоровый, видный' (Д IV, 56). Мне думается, что М. Фасмер неправ, предполагая, что *сверезжий* это контаминация слов *тверезый* и *свежий*. Этому противоречит широта распространения слова (арх., вят., влад., пск., твер., сарат.) и необычность такой контаминации. В словах *сверезжий*, *сверюзжий* выступают экспрессивные суффиксы *-ег-*, *-уг-* (*-'уг-*) так же, как и в слове *сви́репый*, *сви́рибый*.

⁸⁰ Ст. Младенов. Этимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр. 572.

⁸¹ V a s m e r. REW, II, стр. 594.

⁸² V. M a c h e k. Указ. соч., стр. 433, 488.

Третье значение слов **syrъ*, **surovъ* 'необработанный, невыделанный, невареный' представлено во всех славянских языках. Из значения 'необработанный' легко могло развиться значение 'дикорастущий, грубый'⁸³. Ср. русск. *суровец* '*Filago arvensis*' и целую группу названий растений (*сурепка*, *сви́репка*), рассмотренных выше.

Здесь происходит изменение соотношений. Если вначале выступали последовательно две основы **syr-* и **surov-*, а основа **sver-* находилась на периферии и только перекликалась с ними, то теперь основа **syr-* останавливается в своем развитии, а основы **sver-* и **surov-* сближаются и развивают несколько производных оценочных значений, внешне как бы антонимичных, а на самом деле связанных. С одной стороны, *суровый*, *сви́репый*, *сурепый* 'дикий, жестокий, яростный', а с другой — *суровый*, *сви́репый*, *сви́рющий* 'страстный, горячий, бойкий, шаловливый' (но ср. русск. диал. *злой* 'усердный, страстный', *лютый* 'проворный, резвый, охочий, склонный' (Оп., 70, 108). Первое значение характерно для всех славянских языков и в оценке качеств не только человека, но и животного. Ср. польск. *zwierzora* 'необъезженная лошадь' и русск. *суровый* 'бешеный, с норовом, с уросом' (о лошади).

Значение 'страстный, горячий, бойкий' зафиксировано лишь в памятниках и широко в русских говорах. *Сверѣное дѣши* 'страстность' (Никон. Панд. сл. 30 — Срезн. III, 271); русск. диал. *суровый* 'шаловливый, резвый, бойкий, суровиться 'шалить' и *свережий*, *сверюжий* 'бойкий', резвый' (Д IV, 641, 642).

Отсутствие в славянских языках реконструированного для слова *сви́репый* первичного значения 'мокрый, влажный' не должно лишать эту этимологию доказательности точно так же, как утрата в восточнославянских языках словом *суровый* значения 'влажный', не мешает нам считать его тесно связанным со словом *сырой*. Современные значения слов *суровый* и *сви́репый* оценочного характера, как бы давно ни возникли, вторичны и должны рассматриваться в качестве производных.

⁸³ Пример аналогичного развития значений см. в лат. *crudus* 'сырой, невареный, необработанный' и 'грубый, суровый, строгий'.

горчица

Горчица давно введена в культуру, но, как справедливо полагает Махек, слово *горчица* первоначально скорее всего относилось к полевой горчице, а затем уже было перенесено на культурные сорта. В форме *горчица* слово распространено в восточнославянских и западнославянских языках, тогда как для южнославянских, кроме словенского, характерна иная словообразовательная модель: *goruxa*, *goru šica*. Обе формы отражают распределение диалектных словообразовательных вариантов на праславянском уровне:

<i>*gor-(ěti)</i>	<i>*goruxa</i>
<i>*gorьkъ</i>	<i>*gorьšica</i>

но вполне возможно, что картина была сложнее, число вариантов было больше, ср. хотя бы укр. диал. *gorunka* (Мах., 346).

гарлуна

Это — южнорусский диалектизм, обозначающий несколько растений семейства крестоцветных, внешне сходных между собою (*Bunias orientalis*, *Raphanus raphanistrum* и некоторые др.). Наличие многочисленных фонетических и словообразовательных вариантов слова, наблюдаемое в этом случае, — один из наиболее верных признаков разрушения первоначальной формы: *гарлѹна*, *гарлупник* (орл. Оп., 36; тамб. Анн. Б. сл., 72; ряз. Будде, 52); *гарлѹна* (пенз. Иссерл., 151); *горлѹна* (ворон. Анн. Б. сл., 72); *курленѹ* (нижег. Анн. Б. сл., 72; Д I, 334); *грѹна* (тул. Оп., 421; Д I, 401); *групена* (ворон. Полик., 467), *крупѹ* (моск. В. М.). Задача заключается в снятии всех вторичных сближений и рифмованных форм. Не принимая в расчет слова, осложненные вторичной суффиксацией (*гарлупник*, *групена*), мы вынуждены в первую очередь отбросить вариант *крупѹ*, как результат замены непонятного слова понятным. Затем вызывают подозрение во вторичном оформлении такие формы, где видны влияния других живых слов языка: *курленѹ* (*кур*, *лепить*), *гарлѹна* (*ляпать*), *гарлѹна* (*лупить*). Отчетливо видно желание связать вторую часть слова с какими-то значащими элементами (ср. ее варианты *луп-/луп-/ лян-/лен-*). Откровенное влияние слов

горло и лунить привели даже к появлению народной этимологии, по которой *гарлуна* от того, что «лунит (дерет) горло». Отказавшись от поздних контаминационных форм, мы вынуждены обратить внимание на «ни на что не похожее» *grŭnā*. Можно высказать предположение, что именно оно наиболее близко к исходной форме, но дальше этого русский материал не позволяет продвигаться.

На Украине, в говорах Волынской обл., те же и некоторые другие близкородственные растения семейства крестоцветных, *Bunias orientalis*, *Brassica napus*, *Sinapis arvensis*, называются *горупа* (Гринч. I, 316), *горупка* (Мак., 61). Характерное отсутствие каких-либо вариантов этого названия говорит в пользу его первоначальности. Можно предположить, что именно такая форма с неясной структурой, редким словообразовательным оформлением (ср. *пеструнā*, *чернунā*⁸⁴) привела к возникновению большого числа вторичных форм в говорах русского языка: развитие вставного *л* (*гарлунā* < *горупā*) под влиянием глагола *лунить*, выпадение начального гласного *grunā* < *горупā* (кстати находящегося в слабой позиции).

На почве украинского языка слово *горупа* также изолировано.

Характерно, что большая часть названий крестоцветных растений так или иначе отражает признак со значением 'горький' (ср. *горчица*, *горькушка*, *горькушник*) (стоит обратить внимание и на то, что на Украине слово *горупа* служит названием и для дикой горчицы — *Sinapis arvensis*).

В то же время в древнесербских памятниках зафиксированы слова *gorup*, *gorupan* 'горький', *gorupiti* 'горчить'⁸⁵, словен. *gor(j)up* 'горький'⁸⁶.

Связь между украинским названием горького растения и сербским словом со значением 'горький' в формальном отношении абсолютна, а в семантическом отношении вполне понятна. По-видимому, это — древние украинско-сербские формы, сохраняющие редкий словообразовательный вариант прилагательного 'горький' в праславянском языке **gorup*, -а, -о. Будучи изолированным в слово-

образовательном отношении, он был вытеснен в сербском более продуктивными формами, а в украинском сохранился лишь как диалектное название горьких растений.

свербига, свербигуз

Связь названий *свербига*, *свербигуз* с глаголом *свербеть* лежит на поверхности. Глагол *свербеть* в значении 'чесаться, зудеть, беспокоить' широко распространен в русских говорах (главным образом, южных) и отражен в литературном языке. Наличие только формы со значением состояния говорит о том, что в литературном языке данное этимологическое гнездо представлено неполно. И действительно, в говорах существует глагол *свербить* 'чесать, щекотать, беспокоить' (пск., твер. Доп. Оп., 237) и отглагольное имя *свороб* 'терпуг, напильник' (иркут. Доп. Оп., 237). Производное имя *свербина* 'щель, расщелина в стене' (пск., твер. Доп. Оп., 237) предполагает для глагола *свербить* значение *'колоть'. *Сверебить* значит 'сердить', *своробить* 'буянить' (Д IV, 146), ср. семантически аналогичное *задирать*; *своробатый* 'шероховатый' (твер. Доп. Оп., 237). Вся совокупность семантических переходов и нюансов указывает на откровенную близость с семантикой глаголов *драть* и *чесать*; кстати, глаголы *чесать* и *свербить* противопоставлены друг другу в плане лингвогеографическом.

Названия растений отражают заключенное в глаголе *свербить* значение 'драть'; они передают вкусовые ощущения от горьких растений, ср. выражение «дерет рот» и серб. прост. *срѣбигуз* 'шиповник (ягоды)'.

Слово *свербига* образовано с помощью суффикса -ига от основы *сверб-*; *свербигуз* — это старое сложение глагольной основы *сверби-* с именем *гуз*. Ср. словообразовательную модель в словах *сорвиголова*, *перекасти-поле* и др. Вторая часть сложения представлена в таких оценочных именах, как *ленгуз* 'лентий', укр. *боягуз* 'трус' и др.

Распространены слова *свербига*, *свербигуз*, *свербейка* как названия *Bunias orientalis* и *Sinapis arvensis* главным образом в южных говорах (пенз. Иссерл., 159; оренб. Сунгур., 48; кур., обоян. Арх. АН ф. 216 № 91, Д III, 55) и искаженное *сергибос* (орл., дмитр. Добр. Ж. Ст. XIV, 321).

⁸⁴ Г. Пейзен. Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии. — Ж. Ст., год 13-й, 1903, вып. III, стр. 303, 304.

⁸⁵ Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. zv. 10, стр. 296.

⁸⁶ V. Mašek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 182.

гулявник

Гулявником называют *Sisymbrium officin.* и *Nasturtium*, укр. *hulavnyk*, *hulavyk* (Mak., 239). Происхождение слова неясно, отношения с глаголом *гулять* и именем *гуля* 'шар' затемнены главным образом из-за необоснованности со стороны реалий, хотя формально возможны. Ср. *гуля* 'клубень, опухоль, нарост', *гулява* 'картофель' (Дз I, 1008).

Еще несколько растений семейства крестоцветных, с одной стороны, образуют небольшую самостоятельную группу, объединяясь под названием *жеруха*; с другой стороны, тесно смыкаются с рассмотренными выше, так как носят названия *горчица полевая*, *водяная* и т. п. Это следующие растения: *Cardamine pratensis* L., *Lepidium ruderales* L. и различные виды *Roripa* (или *Nasturtium*); все они имеют острый горький вкус, недаром *Nasturtium* этимологизируется как *quod nos tortium*.

жеруха

Так называется несколько сходных и близкородственных растений в восточнославянских и западнославянских языках. В русском и украинском это название *Roripa*, *Lepidium* и *Cardamine*, в чешском и словацком — *Lepidium* и *Cardamine*, в польском — *Cardamine*; русск. *жеруха*, укр. *жеруха*, *резуха*, чеш. *řeřicha*, слов. *žerucha*, *žerušica*, польск. *žerzucha*, *rzerucha*, н.-луж. *žeruš*, *žoriš*.

В южнославянских языках, кроме сербского, слово *жеруха* отсутствует, а растения эти называются *горуха*: болг. *горуха*, хорв. *gorušica* (RJA 10, 296). В большинстве этимологических словарей славянских языков слово *жеруха* не анализируется. В. Махек связывает это слово с чешским глаголом *žrati* 'разъедать' ⁸⁷, в Варшавском словаре делается предположение о связи слова *жеруха* с корнями *žer-* или *žeg-* ⁸⁸. Мне кажется правдоподобной мысль о связи слова *жеруха* с вариантом праславянского корня **gor-/žer-* 'гореть'. Такая ступень корня с близ-

кими значениями отражена в слове **žeravъžь* 'раскаленный, горящий', слов. *žeravъžь* 'жгучий' ⁸⁹, словен. *žerāvica* 'изжога'.

Для группы названий, в которую входит слово *жеруха*, типична следующая модель: 'горький, нечто горькое, жгучее' → 'название растения'

'горький, нечто горькое'	'название растения'
праслав. <i>*gor-</i>	<i>*goruxa</i>
праслав. <i>*gorъкъžь</i>	<i>*gorъčica</i>
русс. <i>горький</i>	<i>горькушник</i>
укр. <i>перець</i>	укр. <i>перечниця</i>
укр. <i>хрін</i>	укр. <i>хриниця</i>
укр. <i>гірчити</i>	укр. <i>гірчак</i>
польск. <i>gorczyza</i>	польск. <i>gorczyzchnik</i>
польск. <i>pieprz</i>	польск. <i>pieprzycia</i>

Предположение, что растение этой группы (*жеруха*) называется горьким, жгучим (**gor-/žer-*), не противоречит общим соотношениям. Формально интересна вариантность корня при единстве модели **goruxa*, **žeruxa*, географически распределенная по славянским языкам следующим образом: восточнославянские и западнославянские языки *жеруха*, южнославянские — *горуха*.

Для группы названий растений семейства крестоцветных точно так же, как и для других групп, типично устойчивое и постоянное воспроизведение одних и тех же семантических моделей. В дополнение к приведенной выше схеме 'горький, нечто горькое' → 'растение семейства крестоцветных' можно привести еще укр. *горунка* 'Sinapis arvensis' (Гринч. I, 316), укр. *horuška* 'Barbarea vulgaris'; *hirčak*, *hirček*, *horčyčka* 'Raphanus raphanistrum' (Mak., 52).

Вторая модель менее распространена, но выражена достаточно отчетливо: 'дикий, сорный' → 'растение семейства крестоцветных': *сурепка*, *дикарка*; серб. *диљак* и др.

⁸⁹ A. V. Isačenko. Slovensko-ruský prekladový slovník, II. Bratislava, 1958, стр. 815.

⁸⁷ V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 60—61.

⁸⁸ J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiecki. Słownik języka polskiego, V. Warszawa, 1912, стр. 820.

7 группа

Седьмую и восьмую группу образуют названия семейства бобовых. Как правило, если в семействе присутствуют старые культурные растения, их наименования являются организующим центром, вокруг которого группируются названия других растений этого семейства. Таким отправным словом для семейства бобовых служит слово *горох*. Огромное число бобовых растений имеет составные названия, в которых в качестве основного входит слово *горох* (или *горошек*) (тем самым это растение как бы относится к тому же роду) и эпитет, показывающий, что это горох «ненастоящий», непригодный или мало пригодный для человека. Чаще всего в роли таких эпитетов выступают имена прилагательные, образованные от названий животных или птиц, причем эти определения отнюдь не говорят о том, что эти растения употребляются соответствующими животными или птицами, их функция чисто отрицательная, основанная на противопоставлении: *горох — кошачий горох*. Это отношение с точки зрения семантики равно следующему: «настоящий горох» — «ненастоящий горох».

В народной номенклатуре растения *Astragalus arena-rius* L., *Caragana arborescens* Lam., *Lathyrus silvestris* L., *Lathyrus pratensis* L., *Lathyrus vernus* Beruh., *Lotus corniculatus* L., *Vicia cracca* L., *Vicia sativa* L. носят названия: *кошачий горох*, *мыший горох*, *гороховик*, *гороховник*, *гусиный горох*, *мышинный горох*, *воробыный горох*, *журавлиный горох*, *дикий горох*, *желтый горошек*, *лататый горошек* и др. Иногда эти названия подвергаются сокращениям: *гусиный горох* и наряду с этим *гусинец*; *журавлиный горох* — *журавлина*. Этот момент приходится учитывать при выяснении происхождения названия. Установление непосредственной прямой связи между словами *журавль* и *журавлина* не только ничего не объясняет, но и уводит нас от истины.

Наряду с многочисленными названиями, характеризующими бобовые растения как разновидность гороха, есть и более узкие наименования, которые относятся к одному виду или нескольким видам. Таковы слова *донник*, *буркун*, *чина*, *лядвенец*. *Лядвенец* — это индивидуальное наименование *Lotus corniculatus*; *чина* — *Lathyrus vernus*; *донник* служит названием для *Melilotus alba* и

Melilotus officinalis, а также для растения другого семейства *Spiraea*, *буркуном* называют виды *Melilotus* и *Medicago*.

донник

Словообразовательный анализ слова прост: *дно* → *донный* → *донник*, но такое членение ничего не дает для объяснения реальной мотивировки названия. Обращаясь к особенностям растения, мы обнаруживаем, что оно издавна использовалось как лекарственное: «И употребляется оно в лекарстве от некоторых болезней»⁹⁰. В славянских языках существует слово *дна* для обозначения целого ряда болезней: польск. *дна* 'артрит, лом в костях'; чеш. *дна* 'подагра'; болг. *дъна* 'болезнь, зараза'; ст.-сл. *дъна* 'какая-то болезнь', др.-русс. *дъна*, по Срезневскому, обозначало болезни органов брюшной полости и подагру. Ср.: «Болѣзньнами стрѣстыми непретърньными ѿ оутробы стражущи, *дною* беспрестани болѣзнь имяще» (Жит. Козм. Дам.); «*Дна* есть подѣступила» (Ипат. л. 6660 г.); «*Дна...* акы молнином *г* подбѣт *г* подбѣишѣ скорѣ имѣтъ и въ все входит и гор *г*, и долѣ, и в жилы, и члѣны, и въ кости» (Срезн. I, 768). От этого существительного было образовано прилагательное русск. *донный*; польск. *denny*, *dnawy*. Мысль о том, что *донник* назван по своему лечебному использованию, высказал еще Анненков. Он пишет в своем Ботаническом словаре: «Название *донника* произошло, вероятно, от названия какой-то болезни, что подтверждается словами одного находящегося у меня старинного рукописного цветника, где говорится: «*Донник* употреб. от выхождения *донной*, пить, тереться и посыпать на *донную*» (Анн. Б. сл., 212). Ср. еще: «*днище*, *дно* выходит» — выпадение прямой кишки (олон. Кул., 9); болг. *дънак* 'слепая кишка'⁹¹.

Об употреблении донника от подагры есть многочисленные свидетельства. Таким образом *дно*, *днище*, *донная* —

⁹⁰ Подробный словарь увеселительного, ботанического и хозяйственного садоводства. На российский язык переведенный и азбучным порядком расположенный Н. И., ч I. СПб., 1792, стр. 99.

⁹¹ Болг. *дънак* 'слепая кишка' так соотносится со словом *дъно* 'дно', как лит. *dugnolis* 'слепая кишка' соотносится с *dignas* 'дно': К. Б у г а. Славяно-балтийские этимологии. — РФВ т. LXX, 1813, стр. 106.

органы, расположенные в нижней части брюшной полости, *дна* — болезни этих органов и подагра⁹², *донник* — название растения, используемого от подагры и болезней органов брюшины. Ср. еще *донная трава* 'Ptarmica' (ряз., мещер. Осов.). В результате словообразовательная модель принимает несколько иную форму: *дно*, *дна* → *донный* → *донник*⁹³. Время возникновения самого слова *донник* может относиться как к праславянской эпохе, так и ко времени самостоятельного развития русского языка.

чина

Происхождение слова *чина* — один из примеров непосредственной связи названия с реальными свойствами растения. В русских говорах слово *чина* отмечено только на Дону, зато широко известно на территории Украины (Гринч. IV, 462).

Особенность растения *Lathyrus tuberosus* заключается в том, что оно имеет усики и, только цепляясь ими за другие растения и предметы, способно расти. Если предположить, что именно это свойство послужило основой наименования, то слово *чина* можно связать с украинским глаголом *чипити*, *чипати* 'цеплять', ср. русск. *чипаться* 'зацепляться' (иск. Доп. Оп., 300). Этимологически в этом глаголе *e*, так что можно восстановить глагол как **čeriti*. В украинском языке *i* возможно в результате вторичного удлинения. Производное имя должно иметь форму **čerpa*, что на украинской почве могло дать только *чина*. Аргументом в пользу высказанной этимологии служит русское народное название чины и некоторых других бобовых растений — *вязель*, образованное от глагола *вязаться* 'цепляться'.

буркун

Слово *буркун* как название донника и люцерны в русский литературный язык попало несомненно из украинского языка. В русских говорах оно распространено

⁹² О словах **dъno*, **dъna* 'болезнь', см.: F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952, стр. 149.

⁹³ На связь названия растения *донник* с названием болезни указывал еще Потегия («Этимологические заметки». — РФВ, т. VII, № 1, 1882, стр. 63).

только в южном Поволжье и в южных говорах, пограничных с Украиной. На русской почве это название изолировано, не имеет вариантов и каких-либо этимологических связей.

В украинском языке число вариантов этого слова очень велико: *burkun*, *burkunčuk*, *burkunčyk*, *burkuneč*, *burunduk*, *borkoń*, *borkun*, *burkovyna*, *vorhun* (Мак., 226—227, 229). Анненков приводит варианты этого названия на Украине: *буркун* (вол., под., тавр.), *желтый буркун* (ставр.), *буркунец* (тавр., ворон.), *барко* (ворон.), *бурундюк* (екат.), *бурундул*, *бурунчик*, *бурунчук*, *борончук* (укр. без указ. места, Анн. Б. сл. 210), *борконь* (Гринч. I, 87).

В говорах южной курщины *бурунчук* — явный украинизм (кур. Кард. 263).

Характерные для вариантов этого слова суффиксы *-чук* и *-чик*, отмеченная в ряде примеров гармония гласных, мена *б/в* говорят о тюркском происхождении этого названия. О наличии названия *бурунчук* у ногайских татар пишет Анненков (Б. сл. 210).

Этимология этого слова на тюркской почве не выяснена. Возможны ассоциации, параллельные русскому названию *кропило*. Ср. корень *бўрк* (кирг.)/*бўрқ* 'брызгать'; *birkin* (караим.) *бўркын* 'быть обрызганным', *бёрёк* 'брызгать водой' (Радл. т. IV, 1890, 1754, 1719). С другой стороны, *бурчак* — тюркское название гороха (Радл. IV, 1832), *мірәмчәк* 'чечевица' (чагат.) (Радл. IV, 2158).

емурка

юмора, *юморка*, *юморки*, *ямурка* — донское и терское название люцерны (терск. Караул., 91; Д IV, 667). Фасмер считает слово неясным (Vasmer, REW, 470). Внешний облик слова и его география позволяют предположить иноязычный элемент, скорее всего тюркский. Ср. татарское (казанское) название дикого гороха *јумырча* (Радлов III, стлб. 576). Напомним, что люцерна — бобовое растение, и названия типа *дикий горох* очень распространены в данной группе.

Слово *јумырча* в тюркских языках не одиноко: ср. *јумур* 'круглый' (осм., крым., чаг.), *јомөркү* = *јумурта* 'яйцо', *јумақ* 'клубок' и т. д. (Радлов III, стлб. 577).

лядвенец

Это название характерно для ряда славянских языков: русск. *лядвенец*, укр. *лядвеніць*, польск. *lędwian* 'вид гороха', *lędwiec* 'земляной орех'. Фасмер считает эти слова образованными от: словен. *ledvice* мн. 'почки'; чеш. *ledvina* 'почка'; русск. *лядвья* (Vasmer II, 81). Семантическая связь опиралась, вероятно, на реальное сходство бобов с почками.

8 группа

В некоторых украинских говорах клевер тоже называют горохом, ср. *горішок білий* (*Trifolium montanum* L.), *горішок червоний* (*Trifolium pratense*) (Гринч. I, 312). В русских говорах клевер обычно не смешивается с другими бобовыми, а имеет многочисленные связи с растениями других семейств. Эти связи определяются и формой цветов, и строением листьев, и употреблением и т. д. Число названий клевера в русских говорах чрезвычайно велико, но есть несколько типичных семантических моделей, которые многократно воспроизводятся.

дятелина

Единственным старым общеславянским названием клевера является слово *дятлина*. *Дятлина* (смол., ельн. Эк. общ., 30); *детелина*, *дятля*, *дятлевина* (пск., твер. Доп. Оп., 45); *дятливіна* (яросл., роман. Якуш., 44); *дятловка*, *дятловник* (твер., остап. Ропор., 60); *дятловник* (волог., тотем. Потан., 53); укр. *дятлина*, *дятловина* (Гринч. I, 463; Мак., 377); чеш. *dětel*, *d'atelina*; словц. *d'atelina* (Mach., 124); польск. *dzięcielina*; болг. *детелина* (Берн., 152); серб. *дѣтелина*; словен. *detelja* (Mach., 124); праслав. **dětelina*.

Обилие вариантов на русской почве показывает, как и во многих других случаях, свободу словообразовательного моделирования в говорах.

В памятниках русской письменности отражены два варианта: *дятлина* и *дятлевина*. «Дят'лина есть трава а растет' по лугам' и по нискимъ мѣстамъ... а потому ея познати что на нее часто пчелы и шмели садятся и медве-

ную сладость себѣ собирають»⁹⁴. «у *дятлевины* красные»...⁹⁵ Словообразовательная связь слов *дятел* и *дятелина* лежит на поверхности, но семантические отношения вызывают большие трудности. Одни авторы ограничиваются только указанием на связь этих слов (М. Фасмер, например), другие пытаются связать слова *дятел* и *дятелина* через значение 'пестрый' (Бернекер, Ягич), третьи, видя малоодоказуемость таких попыток, хотят видеть в слове *дятелина* другой корень (так, Махек связывает *детелина* с *дуть*). Думается, что поиски семантической связи между словами *дятел* и *дятелина* обречены на неудачу, возможно, что этой связи никогда не существовало. Отношения между *дятел* — *дятелина* могут быть такими же, как у описанных в группе 7 журавель — журавлина. Тенденция к такого рода наименованиям очень древняя, она опирается на необходимость отличать употребляемые человеком растения от сходных с ними. Названия типа *волчий горох*, *собачий хлеб*, *заячья капуста* есть в большинстве индоевропейских языков. В этом случае значение прилагательных отрицательное, их обычная семантика выхолощена, они свободно заменяют друг друга. Полные отношения представлены в украинском:

гриб правдивый — гриб собачий
x + x —

Наиболее типичен случай, когда положительная характеристика отсутствует, но предполагается в случае противопоставления: *петрушка* — *собачья петрушка*; *щавель* — *конский щавель*.

В условиях, когда из подобного словосочетания образуется однословное название, отношения усложняются:

лук — гусиный лук — гусинец
горох — мышинный горох — мышьяк

Среднее звено может быть утрачено и тогда в нарушение схемы связей к оставшимся *гусинец*, *мышьяк* притягиваются *гусь*, *мышь*. Возникают попытки установить логическую связь между понятиями, которые до этого связаны не были.

⁹⁴ Роспись травам ко всякому лечению, где которая растеть (рукопись конца XVII в. Моск. Ист. музей, из собр. Щук. 285/292), л. 203.

⁹⁵ Лечебник № 2 конца XVII в., гл. 109. Картотека ДРС.

В случаях, когда это с трудом, но возможно, появляются объяснения вроде «эту капусту любят зайцы», «этот щавель едят кони» и т. д.; в случаях парадоксальной связи типа *кошачий горох* объяснение отсутствует.

Набор прилагательных, встречающихся в русском языке в такого рода названиях, достаточно велик, но частота их употребления различна. Наиболее типичны *собачий* и *волчий*, они постоянно употребляются по отношению к несъедобным растениям. Есть такие, которые встречаются редко: *кошачий*, *кукушкин*, *петушинный*. Возможно, что к такого рода редким определениям относилось и *дятлин*, *дятлиный*. Так как в некоторых славянских языках клевер называют *горохом*, мы вправе предположить для праславянского такую картину:

**gorxъ* → **dětelinъ gorxъ* → **dětelina*.

При утрате второго звена остается странное и непонятное как относящееся к дятлу название клевера *дятелина*. Ср. аналогичные названия клевера в русских говорах *петушовник* (вят., урж. Магн., 68); *кукушечник* (пенз. Иссерл., 155).

кашка

Воздух весь напоен свежей горечью полыни,
медом гречихи и «кашки».

Тургенев. Лес и степь

По всей России клевер называют *кашкой*. Анненков пишет об употреблении этого названия в Вологодской, Саратовской, Астраханской, Воронежской, Костромской, Тульской, Ярославской губ. и на Кубани; кроме того, в пермских говорах (Каюр., 321), вятских (Проз., 32), ярославских (Мельн., 81). Кроме клевера, *кашкой* называют еще несколько видов сложноцветных растений с мелкими цветками, а в северо-восточных говорах молодые цветы сосен (вят. Васн., 104; вят. Гор., 264, 270; вят. Зелен., 66; вят. Оп., 66; перм. Доп. Оп., 93; Д I, 644), они носят еще названия *засны* и *крупки*. *Кашкой* называют те растения или их части, которые при перетирании в руках образуют некое подобие крупы.

хлебцы

Кроме сравнения с кашей, цветы клевера вызвали многочисленные сравнения с хлебом: *хлебцы* (новг. Герас. Мат., 408); *мякушка* (новг., новг. Чагищ., 310); *мякушечки*, *мякушечник* (олон. Кул., 59) при *мякушка* 'коврига хлеба'; *житник* (арх., приоз. Кимяг.) при первом значении слова *житник* 'хлеб из житной муки, буханка хлеба'; *папки*, *папушки* 'цветы клевера' (олон. Кул., 78); *папки* (смол., ельн. Добр., 577); *папушник*, *папачки* (орл., малоарх. МДК 10, 103); *папынька* 'цветок клевера' (нижегор., сергач. МДК 11, 36) при *папа*, *папушник* 'хлеб'. Как и в случае с названиями кувшинки и мальвы, постоянно воспроизводится одна и та же семантическая модель.

сосульки

Это название записано в говорах б. Олонецкой губ. Оно возникло в результате того, что дети обычно сосут цветы клевера. *Сосульки* 'цветы клевера' (олон. Кул., 111; арх., приоз. Кимяг.); *суслянка* (олон. Кул., 116); *сусляк* (арх., приоз. Кимяг.) (ср. *суслить* 'сосать'); *сладки соски* (олон. Кул., 109); *заячьи соски* (олон. Кул., 29).

солоник

Солоник, *солоничек* 'белый клевер' (арх., виногр. В. М.). В соседних олонецких говорах *солоник*, *солоничник*, *солоница* 'щавель' (олон. Кул., 110), *солоника заячья* 'заячья капуста' (арх., приоз. Кимяг.).

На первый взгляд кажущееся странным явление, что сладкое и кислое растения названы солеными, объясняется тем, что слово *солон* имело в древности, по-видимому, довольно широкое и обобщенное значение, выражая различные вкусовые качества в их противопоставлении пресному.

медовик

Название *медовик*, мн. *медовики* (вят. Гор. 285) характеризует клевер как медоносное растение и включает его в целую группу растений с аналогичными названиями (см. статью *медуница*).

В русском языке это название тяготеет к северо-западу (петерб. Анн. Прост., 95). Оно является одним из основных названий клевера в западославянских и в украинском языках. Ср. укр. *коничина*, *конюшина* (Гринч. II, 279; Мак., 375—379); польск. *konieczyna*; чеш. *konečina*, *kunčina*, *končina* (Mach., 121). Ср. еще с.-хорв. *konjska djetelina*; словен. *konjska detelja* то же. Возможно, что в русские говоры это название проникло с запада.

кумки

Кумки, *кумушки* (олон. Кул., 46). В связи с тем, что клевер часто называется в сравнении с хлебом, можно сопоставить это слово с костромским *кумянка* 'род тоболки, ватрушки, шаньги' (Д II, 218).

Возможно, что такого же типа *гогоleckи* 'цветы клевера' (новг., череп. Доп. Оп. 34; Д I, 364) при олонечком *гоголька* 'толокно с маслом на воде' (Д. там же).

Эпизодические названия клевера: *сахарна травка*, *сахарок* (арх., приоз. Кимят.); *красноголовка*, *белоголовка* (арх., красnob. В. М.; моск. Анн. Прост., 95); *черноголовка* (олон. Кул., 132); *собачья лапа* (арх., печор. Ивашк., 205); *бобки*, *бобовник* (арх. Подв., 7) — см. группу 1.

9 группа

Семейства крестоцветных, зонтичных, бобовых объединяют растения исключительно сходные внешне, поэтому и в народной ботанической номенклатуре они обычно не смешиваются с другими растениями. В отличие от этих семейств семейство сложноцветных включает в свой состав огромное число растений исключительно разнообразных по форме и обладающих различными свойствами. В связи с этим в народной систематике нет представления о существовании этого семейства как такового, есть несколько групп и несколько растений, выделяемых как самостоятельные виды. Одну из самых значительных групп составляет группа сорных колючих растений.

Это различные виды *Arctium*, *Carduus*, *Cirsium*, *Sonchus*, *Agrimonia*. У части из этих растений крупные листья и у большинства цепкие плоды. Схематически отношения

	Arctium	Carduus	Cirsium	Sonchus	Agrimonia
репейник	+	+	+	—	+
осот	—	+	+	+	—
чертополох	+	+	+	—	—
лопух	+	+	+	—	—
будяк	—	+	+	—	—
волчец	—	+	+	—	—
дедовник	+	+	+	—	—
татарин	+	+	+	—	—
мордовин	+	+	+	+	—

между видами растений и их народными названиями могут быть представлены в табл. 5.

Естественно предположить, что характерные отличительные признаки этих растений отражены в их названиях. Значительное число этих названий имеет общеславянское распространение.

осот

Так, во всех славянских языках называют многие виды вышеперечисленных растений. Русск. *осот*, *осота*, *осоть*; укр. *осот*; блр. *осот*; др.-русс., ст.-слав. *осѣтъ*, *триѡлос*; болг. *осѣт*; с.-хорв. назв. места *Osam*; словен. *ósæt*; чеш. *oset*; польск. *oset*. Праслав. **osъtъ*. В балтийских языках при абсолютной идентичности формы значение слова иное: лит. *āsutai*, *ašutai* мн. 'толстый конский волос', *āšatas* то же; лтш. *asnis*. В греческом языке тот же корень, но с иным суффиксальным оформлением, используется для образования названий колючки, шипа и колючих сложноцветных растений. Ср. греч. *ἄκανθος* 'чертополох', *ἄκανθα* 'острие, шип', *ἄκανθος* 'колючка'. Наличие в слове *осот* древней морфологической структуры и словообразовательная вариантность этого слова по индоевропейским диалектам позволяют отнести время его возникновения к индоевропейской эпохе. Слово *осот* наряду с другими словами, обозначающими острие (*острый*, *ость*, *оселок* и др.), восходит к индоевропейскому корню **ak-* 'острый'⁹⁶.

⁹⁶ A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902—1905, стр. 299.

репей

Слово общеславянское, обозначает вышеописанные колючие растения, но в отличие от слова *осот* не только сами растения, но и их плоды, иногда выступает и в более широком значении 'шип, колючка вообще'. Русск. *репей*, *репейник*, *репях* (дон Мирт., 273); укр. *репик*, *реп'ях*; ст.-слав. *рѣпни* 'репейник, шип'; болг. *репей*; с.-хорв. *репух*; словен. *repje* соб. 'репейник'; чеш. *řepík*; словц. *repík*; польск. *rzer*, *rzerpień*, *rzepik* то же. Вариантность форм на праславянском уровне: **rěpъ*, **rěpъjь*, **rěpъje* соб. Если не считать словацкого *repit' sa* 'chytati se, prissati se, слово *репей* в славянских языках выглядит изолированным.

Но привлечение диалектных форм, таких, как польск. народн.: «kwiat łopuchu wrzepił się we włosy» (Mach., 255), позволяет думать о реальности праславянского **rěpiti se* 'хвататься, цепляться', хотя в современных языках он сохранился лишь частично. Поэтому этимологически наиболее обоснованным представляется сравнение слав. **rěpъjь* с целым рядом форм в других индоевропейских языках со значением 'хватать, цеплять'. Ср. лит. *aprepti*, *aprepti* 'охватить', *rėples* 'щипцы', др.-прусс. *raples* то же, лат. *rapio*, *-ere* 'похищать', греч. *ῥεπτομαι* 'отрываю', алб. *rjer* 'сдираю'⁹⁷. Растения названы так за «цепляющиеся, хватающие» плоды. Ср. аналогичные образования польск. *chwast* 'zielsko' — экспрессивный вариант к **xvatati*⁹⁸.

бодяк

Третьим общеславянским названием этих колючих растений служит слово *бодяк*. В русских говорах это слово представлено главным образом в районах, пограничных с Украиной: ср. *будяк* (орл. Сахар. 8; дон Мирт., 29), зато на Украине это название имеет многообразные варианты (*bodak*, *bod'ak*, *bodlak*, *bud'ak* — Мак., 79), достаточно широко аналогичные образования распространены в других славянских языках; ст.-польск. *bodlak*, *bodak*,

⁹⁷ V a s m e r. REW, II, стр. 513; A. B r ü c k n e r. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, стр. 475.

⁹⁸ F. S ł a w s k i. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I. Kraków, 1952—1965, стр. 91.

bodziak; чеш. *bodlák*; словц. *bodliak*; словен. *bodak*; с.-хорв. *badelj*, *badalj*. Все это образования или непосредственно от глагола **bosti*, или от его производных форм. Ср. ст.-сл. *бодль* 'шип, колючка'; чеш. *bodlavý* и др. Неисконность этого слова в русском языке объясняется, вероятно, тем, что глагол *бодать* на русской почве имеет суженное значение и активно вытесняется глаголом *колоть*.

колюча

Производные от глагола *колоть* в качестве названий для *Cirsium*, *Carduus* и др. растений этой группы очень многообразны в русских говорах. В северных областях к глагольной основе присоединяется активный суффикс *-уха*. *Колёха* (арх., виногр. В. М.; олон. Кул. 40), *колюшка*, *колюшник* (олон. Кул. 40; арх., онеж. Подв., 69); *колёха*, *колушник* 'сорняк' (новг., болог. Строг., 63; арх., печор. Ивашк., 163); *колюшки* (волог. Потан., 233).

Производное с суффиксом *-уша* от прилагательного *кожий* ограничено говорами Новгородской обл. *Колёуша* (новг., новг. В. М.; новг. новг. Овчин., 297; новг. Чагищ., 310). Ср. укр. *kolkovnyk* (Мак., 79).

В олонечских говорах с тем же значением встречаются производные от причастных форм. *Колотуха*, *колетуха*, *колетушка* — *Cirsium* (олон. Кул., 39). Ср. отпричастные образования в украинском *kolučka*, *kolučnik* то же (Мак., 79).

Производные от глаголов **bosti* и **kelti* повторяют на материале праславянского или отдельных славянских языков ту же модель, что отражена в старом индоевропейском названии *осот*.

лепуха

Растение или плоды их обладают способностью прилипать, приставать незаметно к платью, к волосам, так же незаметно, как пристаёт болезнь, следовательно, эти растения обладают волшебной силой. В результате этого простейшего умозаключения всем липким, цепким растениям были приписаны магические свойства.

Плоды репейника прилипают, за что они названы *лепёльник*, *лепёльки*, *лепёльник* (твер. Д II, 248), *лепушка* (Д³ II, 722); *лепушки*, *лепушник* (новг., череп. Герас., 52);

укр. *tyrnyk* (Мак, 15); чеш. *lepík* (Mach., 255); значит они могут играть роль волшебных символов. Ср. фразу, приводимую Махеком: «*Či vezmu cizozemkyni, a v hřívu lepík dám, bych zjednal vrahům vřdkyni...*» (Mach, 255).

ч е р т о п о л о х

Репейнику приписывались не только вредные для человека свойства, но и способность воздействия на злых духов. Так название *чертополох* (калин. стар. Флор., 72) отражает особую медико-магическую функцию репейника — отгонять нечистую силу. Этими растениями окуривали хлевы, стремясь охранить скот от болезней. «Чертополох употребляется для изгнания бесов, вообще «нечистой силы» из дому»⁹⁹. «Во время припадка (падучей болезни) лежащего больного очерчивают кругом и бьют «нещадно» травую чертополохом»¹⁰⁰.

Слово *чертополох* сложное: первая часть **čьrt* — 'черт', вторая **rolx* — глагольная основа, ср. *поблхать* 'пугать', *переполохаться* 'испугаться' и др. Значение переводится как 'пугающий чертей'. Ср. аналогичное *чертогон* 'чертополох' (волог. Потан., 191). Ст.-польск. *char-toptoch*.

ш и ш о б а р

Шишобар-травы — всем травам травы

(Запись в с. Шоломя Красноборского р-на Архангельской обл.).

В вологодско-вятских говорах и пограничных с вологодскими архангельских, а также в части говоров Сибири существует слово *шишобар* 'репейник' (волог. Д³ IV, 1444; волог., вят. Анн. Б. сл., 185; волог. Оп., 266; тобол. Скалос., 22; арх., красн. В. М.). Н. И. Анненков считает слово неясным, А. К. Матвеев на том основании, что в коми языке есть слово *шышыбар* 'репей', причисляет его к русским заимствованиям из восточнофинских язы-

⁹⁹ А. Шустиков. Тавреньга. — Ж., Ст., год 5-й, 1895, вып. II, стр. 198.

¹⁰⁰ М. К. Герасимов. Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде Новгородской губ. — Ж. Ст., год 8-й, 1898, вып. II, стр. 173.

ков, но этимологии на финно-угорском материале не дает¹⁰¹; в то же время Вихман считает это слово русизмом¹⁰².

Мне представляется верным последнее. *Шишобар* имеет структуру сложного слова с соединительной гласной -о-: *шиш-о-бар*. Можно попытаться соотнести обе части сложения с определенными значащими элементами в русском языке. Некоторую услугу при этом могут оказать другие названия репейника с аналогичной структурой: ср. *черт-о-полох*, *черт-о-гон*.

Предположив, что слово *шишобар* есть нечто подобное переводу слова *чертополох*, мы можем соотнести первую часть сложения с диалектным названием черта (*шиш*). Последнее имеет приблизительно тот же ареал распространения, что и слово *шишобар* — севернорусские говоры: *шиш*, *шишига*, *шишиган* 'нечистый, сатана, бес', *шиши-мора* (вост.) 'кикимора, привидение', *шишика*, *шишикб* 'бес, черт' (новг., твер., пск. Лавр., 381; Д³ IV, 1445). В основе своей это название, по-видимому, табуистического происхождения¹⁰³.

Во второй части сложения слова *шишобар* можно предположить элемент *бор-* от глагола *бороть*. Все слово должно было бы выглядеть как **шишобор* 'побарывающий, побеждающий чертей'. Наличие же в слове элемента *-бар*, а не *-бор*, мне кажется, может быть объяснено активно действующим в последние полтора столетия процессом замены в определенных морфологических позициях ударного *о* на ударное *а*. Ср. уже утвердившееся в литературном языке *оспаривать*, *зарабатывать* и т. д. В говорах, где все тенденции развития проявляются активнее и последовательнее, аналогичное чередование зафиксировано и после мягких согласных: *прот'окат* — *прот'ак'иват*.

Думается, что в слове *шишобар* мы наблюдаем некое подобие этому явлению, мену ударного корневого гласного, но в составе сложного слова. Ср. *чистоган* (вм. *гон* от

¹⁰¹ А. К. Матвеев. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1952, стр. 40.

¹⁰² G. Wichmann. Syrjänischer Wortschatz. Bearb. von T. E. Uotila. Helsinki, 1942, стр. 83.

¹⁰³ См.: Д. К. Зеленин. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч. 2. «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. 9. Л., 1930, стр. 102.

гнать), горлопán (вм. пон, ср. опона, попона, запон и др., синонимичное слову горлопán — горлопýл, горлопýтай и выражение «шпалить горло»¹⁰⁴).

волчец

Думается, что названия осота, репейника *волчец*, *волчок*, *волчнйак*, *волчевник* нет необходимости считать производными от глагола *волочить*, как это делает Горяев. Производные отглагольные имена имеют форму *вблók*, *волочéк*, *себлочь* и др., а перед нами явно уменьшительные от слова *волк*: *волчец*, *волчок*.

Это не единственное название растений этой группы, где активно выражен отрицательный эмоциональный момент; ср. такие наименования, как *татарин*, *мордвинник*, *собачки* и др. Среди животных отрицательная оценка концентрируется именно на фигуре волка. Поэтому все без исключения ядовитые растения носят названия *волчьих*. Естественно назвать *волцецом* сорное растение с острыми шипами и назойливыми цепкими плодами.

дед, дедовник

Значительную часть названий растений составляют слова, образованные путем метафорических переносов значений слова в результате омонимии. Это случаи, когда формальный анализ бессилен, а необходимо выяснение фольклорных, мифологических образов, легенд, элементов быта, стилистической, эмоциональной оценки предметов, животных, экспрессивной характеристики личных собственных имен. К такого рода сложным для анализа словам относится и русское диалектное название репейника *дедовник*: *дед*, *дедовник* (пск., опоч. Оп., 53); *дедовина* (калин., осташ. Копор., 102); *дедовник* (новг. Якуш., 78); *дедж* мн. осташ. Кардаш., 290). Те же формы в украинском языке: *did* (Мак., 79), *d'adok*, *didovnyk* 'осот' (Мак., 100) и в сербском *djed* 'Carduus', *деде*, *djed* 'Cirsium' (Симон., 97). Потанин высказывает предположение, почему это растение получило название *дедовник*. Описывая патриархальную

¹⁰⁴ Существующая этимология слова *горлопан* от *горло* + *пан* (А. А. Соболевский й. — РФВ, т. XXXI, 1912, стр. 443) мне не представляется убедительной.

семью, где глава семьи, не выделяя сыновей, единовластно управляет всем хозяйством, Потанин добавляет: «Такое деспотическое воспитание оставило по себе память в народном названии растения *дедовник* (Cirsium), которое своими колючками кровавит руки жнецов...»

Возможно, что это слово имеет и иное объяснение. Как и слово *шишобáр*, оно, может быть, скрывает в себе эвфемистическое название черта. Ср. укр. *дідько* 'черт' (Гринч. II, 207), *дідьчий* 'чортів, дияволів' (укр., буков. Колес., 41). Терминология родства в качестве евфемизмов — явление очень распространенное, ср. названия лихорадки *тетка*, *кума* и др.

Как мы видели, в названиях колючих сорных растений воспроизводятся несколько семантических моделей.

'острый, колоть'

'название растения'

*ak'-

*osъtъ, греч. ἄκανθος

*bosti

*bodъbъ, *bodlakъ *bodakъ

*dъbrati

словен. drač

колоть

колюха

колкий

колкуша

'цепляться, прилипать'

'название растения'

*rěp-

праслав. *rěpъbъ

*xvatati

польск. chwast

*lěp- *lip- *ъlp-

русс. лепуха, лепельник

чеш. lepík

Как второстепенные модели выступают такие, как 'отгоняющий, побеждающий чертей' и выраженная в разных наименованиях отрицательная оценка. Ср. *татарин* 'чертополох всех видов' (дон. Мирт., 321); *мордвинник* то же (симб. Мотов., 25) и *басурманская трава* (Д I, 53), *собака* 'репей' (яросл. Мельн., 189), *собака* 'шишка на репейнике' (твер., осташк. Оп., 210).

10 группа

Большое число растений, несходных внешне, относящихся к разным семействам, объединяется под общим названием *молочай*. Все эти растения обладают одним ярким признаком — из стебля выделяется белый сок, «молоко». В эту группу входят чистотел (Chelidonium majus),

козлоробородник (*Tragopogon*), осот огородный (*Sonchus oleraceus*), латук (*Lactuca scariola*), разные виды одуванчика (*Leontodon*), молочая (*Euphorbia*) и некоторые др. Название *молочай* служит тем узлом, который связывает все эти растения, в то время как по другим признакам они входят в другие группы и имеют большое число общих и индивидуальных наименований. Я остановлюсь лишь на части из них.

молочай

Структура названий очень многообразна и сложна, хотя во всех в качестве семантического основания лежит понятие 'молоко'. По русским говорам вариантность форм такова: *молосная трава* (волог. Потан., 53; арх. красн. В. М.); *молочная трава* (олон. Кул., 56); *молочица* (там же); *молочай* (дон. Мирт., 187; ворон. Тороп., 357); *молочайник* (сарат. Моис., 57); *молочник* (тобол. Патк., 499; орл., малоарх., МДК 10, 101; тул. Л. Толстой); *моло-чажник* (ворон. Тороп., 344); *молокайник* (ворон., дмитр. Листр., 39); *молокан* (Анн. Прост., 52), *молоканка* (дон. Мирт., 187); *молоковник* (калин., болог. Строг., 64; перм., чусов. Каюр., 320); *молокённица* (вят., медян. Проз., 351).

Эти названия отражают разнообразные модели, действующие в говорах, и свидетельствуют о нескольких словообразовательных процессах. Простейшие наименования типа *молочная трава* лишь указывают на типичный признак; характерные для названий растений и очень продуктивные в говорах суффиксы *-ица* и *-ник* дают более экономный способ выражения: *молочица*, *молочник*. Форма *молочай* представляет архаичную словообразовательную модель, тогда как формы с восстановленной нейотированной основой несомненно более поздние.

В других славянских языках инооформленные, но сходные названия: чеш. *mlěč* (Mach., 233); польск. *mlęcz*; укр. *mołochač*; хорв. *mličas*, *mličak* и др.; словен. *mleč* и др. (Mach., 234); макед. *млеч*, *млечка*; болг. *млечок*, *млечка*. Аналогично семантически немецкое *Milchdistel* 'осот'.

Общеславянская основа **melkj-* с разным суффиксальным оформлением по языкам. Название многократно воссоздавалось вновь по свежим словообразовательным моделям, сохраняя семантическую модель неизменной.

К сожалению, мы не можем представить картину конкретных отношений внутри отдельных микрополей по говорам из-за отсутствия данных. Имеющиеся сведения случайны и неполны. Так, Миртов говорит о том, что в донских говорах *молочай* — это *Sonchus oleraceus*, а *Tragopogon pratensis* — *молоканка* (дон. Мирт., 187); по другим говорам у нас свидетельств нет.

одуванчик

Литературное *одуванчик* — одно из многих названий этого общеизвестного растения. Даль приводит форму без уменьшительного суффикса *одуван* (Д³ II, 1687). Слово образовано с суффиксом *-ан* (активным в северо-восточных и уральских говорах) от глагольной основы *одуть*, равной литературному *обдуть*. Ср. у Даля: «*Одуй* пальцы, ожжешься» (Д. там же).

Это одно из названий, отражающих особенность растения — его опушенные семянки сносятся ветром или дуновением. *Одуванчик* (перм., чусов. Каюр., 321); *сдуванчики* (твер. Съед., 36); *пустодуй*, *дуванчик* (Сл. Оби, 1, 136); *ветродуйки* (урал. Сл., 75).

попы

Внешние ассоциации привели к возникновению латинского названия: *caput monachi*; нем. *Pfaffenblat*. Кальки этого названия: чеш. *pleš*; ст.-чеш. *pleška* (Mach., 233); укр. *plešyveč*, *porove humence* (Мак., 366—367). Из украинского название проникло в донские говоры: *попово гуменцо* (дон. Мирт., 248). Возможно, что в результате вторичного осмысления появились названия *одуванчика* *попы* (волог. Потан., 53), *попик* (дон. Мирт., 247).

павки

Сходство лишенного семянок цветка с пауком отражено в олонцком *павки* 'одуванчики' (олон. Кул., 77) при *пávка* 'паук'. Ср. укр. *paуky* (Мак., 366).

А там, по луках,
світла жовта культбаба,
як зорі на небі.

Коцюбински й

Культбаба, куйбаба, куйбабка южн., а точнее донское название одуванчика *Leontodon* (Д³ II, 557; дон. Мирт., 159). В других говорах это слово отсутствует, зато широко распространено на Украине, главным образом западной: *kulbaba*, *kulbababa*, *kulbaha*, *kulbaka*, *kulbavka* (Мак., 366), *культбабок*, *баба-культ*. Фасмер считает слово неясным¹⁰⁵.

Выяснение его происхождения, действительно, представляет большие трудности. Остается нерешенным вопрос и об исконности слова. Если оно образовано на местной почве по типу *бой-баба*, *резь-баба*, чеш. *řimbaba*, укр. *кіці-баба*, непонятна его первая часть. Если слово заимствовано, неясен источник.

11 группа

Ее составляют растения семейства сложноцветных, лекарственные свойства которых известны издавна. Это общеизвестные тысячелистник, девясил, пижма и ромашка. В народной номенклатуре соотношение форм и значений таково: *девясил* *Inula salicina* L., *Inula britannica* L., *Achillea millefolium* L., *Tanacetum vulgare* L.², *ромашка* *Tanacetum vulgare* L., *Chrysanthemum leucanthemum* L., *Anthemis tinctoria* L.³ и разные виды *Matricaria*. Каждое из названных растений имеет еще очень большое число наименований, из которых я остановлюсь лишь на двух, относимых к *Tanacetum vulgare*, *пижма* и *рябинка*.

ромашка

Снова выплыли годы из мрака
И шумят как ромашковый луг.

Есенин

Это популярное слово, одно из немногих слов, принадлежащих к ботанической лексике и известных любому носителю русского языка, появилось сравнитель-

¹⁰⁵ V a s m e r. REW, I, стр. 689.

но недавно. Его появление связано с проникновением на Русь многочисленной средневековой медицинской литературы в виде травников и лечебников. В средневековой латыни растения, которые сейчас носят название ромашки, именовались *anthemis romana*, *chamaemelum romanum*. Быстрое усвоение этого термина было связано с огромной популярностью лекарственной ромашки как медицинского средства. В травниках растения называются *романом*, *романовой травой*, *романовым цветом*: «...емли *цвѣту романова*»¹⁰⁶; «*романова трава*»¹⁰⁷; «...вели мне дать для моей головной болезни... масла *романова*...»¹⁰⁸; «О *рамане*. *Раманова трава* варена в воде, j оною водою ротъ полощем, ртныя болячки от того заживляетъ»¹⁰⁹; «160 пучков *роману*» (1677 г.)¹¹⁰.

Все эти примеры говорят о возможности проникновения слова непосредственно из средневековой латыни без языка посредника. Думается, что усвоением именно этой формы является северное, архангельское и олонекое, название *романник* (арх. Гранд., 262; олон. Кул., 101; арх., мез. Подв., 158). (На севере особенно долго сохранялись и читались старинные травники.)

В то же время многочисленные украинские и белорусские формы наименования ромашки, заимствованные, в свою очередь, из польского языка, проникли и в смежные русские говоры и в научную литературу. Укр. *ромѣн*, *ромнѣнок*, *роман*, *романѣць*, *руманѣць*, блр. *рамбн*, *рамбнак*, *ромон* (смол. Добр., 779) отражено в южнорусских *ромен*, *рамен* (Д IV, 103), в донском *роман* (дон. Мирт., 398) и в памятниках: «О желтости. давай в питье истолокши *ромену* також желчь с лица згонить»¹¹¹; «цвету *румонового*»¹¹².

¹⁰⁶ Травник Любчанина (1534 г.), стр. 646.

¹⁰⁷ Там же, стр. 199.

¹⁰⁸ «Материалы для истории медицины в России», вып. I—IV. СПб., 1881—1885.

¹⁰⁹ Лечебник. Рукопись из собр. В. Н. Перетца, Q № 76 (конец XVII — начало XVIII в.), гл. 50.

¹¹⁰ И. Е. Забелин. Домашний быт русского народа в XVI—XVII ст., т. 1. М., 1918, стр. 566.

¹¹¹ Лечебник. Рукопись из собр. В. Н. Перетца, Q № 74 (1763 г.).

¹¹² «Материалы для истории медицины в России», вып. I—IV (1662 г.).

Любопытная форма отражена в прибалтийских старожильческих говорах: *рамулька*, «*раму́л'к'и то́жа л'а-ка́рства харо́шт'я*» (прибалт. Иван., 274).

От слова *роман* не без влияния имени собственного была образована уменьшительная форма *ромашка*. Эта форма впервые зафиксирована в конце XVIII в.: «У меня для таких случаев есть всегда... одинъ декоктъ. Одна часть буквицы, другая *ромашки*, третья *шалфея*»¹¹³.

Эта русифицированная форма, утвердившаяся в литературном языке, широко распространилась и в говорах. Таково слово *ромашка* в диалектных записях (влад., ковр. МДК 11,40; перм., чусов. Каюр., 32; чкал. Моис., 54; олон. Кул., 23).

Названия ромашки в других славянских языках, несмотря на близость формы и несомненно тот же первоисточник (ср. с.-хорв. *раман*, *рамена*; словен. *rtân*, *rotân*; чеш., *rtenek*, *rotenek*, *rtâni*, *ortan*; польск. *roten*, *rotien*, *rumen*, *rumien*, *rumin*, *rumnek*, *rumian*), тем не менее имеют свою, часто очень интересную и сложную, историю¹¹⁴.

Исконно русские названия растений, известные под названием ромашки, довольно многочисленны:

Anthemis tinctoria: *пунава* (ворон.), *пунавка* (моск.), *пупки* (смол.), *желтушка*, *желтый цвет*, *желтый пугвенник* (Анн. Прост., 17).

Chrysanthemum Leucanthemum: *белоушки* (волог. Потан., 232), *белоцветка* (удм. Барашк., 279), *калитка* (арх., лекшм. МГУ), *поповник* (моск.), *попы* (смол.), *белик*, *желтушка*, *кутки-трава* (вят.), *белоголовник* (ворон.), *белица*, *нивяк*, *иванов-цвет* (Анн. Прост., 55).

Matricaria inodora: *проход*, *пугвена* (вят.) (Анн. Прост., 59).

Matricaria chamomilla: *сосонька*, *моргун* (Д IV, 103).

девясил

В этом названии отразилась магия числа «девять». Предполагалось, что растение излечивает от девяти недугов, ср.: нем. *Neunkraft*. Первоначально эта

¹¹³ [Болотов]. Сельский житель, экономическое в пользу деревенских жителей служащее издание, ч. I—II. М., 1778.

¹¹⁴ V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin, стр. 244—245.

способность приписывалась растению *Inula helenium* L., обладающим тонизирующими свойствами, а затем была распространена и на другие лекарственные растения семейства сложноцветных.

С.-хорв. *devesil*, *nevesilj*; болг. *devesil* 'Inula' (Mach., 241); укр. *debasyl*, *debatosylnyk*, *debatosyl*, *debat* 'syl', *debatysylnyk*, *divosyl*, *dybasylnyk*, *dybasyl*, *dyvesyl*, *dyvosyl* тоже (Mach., 189—190); чеш. *devětsil* 'Petasites' (Mach., 251); польск. *dziewięćsił* 'Carlina'.

Русск. *девясил* (томск.), *девятибрат* (перм. Анн. Б. сл., 349); *девятиха* (арх., краснб. В. М.; арх., приоз. Кимяг.); *девятуха*, *девятимильник* (вят., перм., сибир. Анн. Б. сл., 349). Форма *девятимильник* может быть результатом упрощения из *девятисильник*.

Праславянская реконструкция выглядит как **deve-silъ*. Соболевский высказал мысль, что первая часть сложения в этом слове — старая форма винительного падежа числительного¹¹⁵.

п и ж м а

Путь этого слова тот же, что и у слова *ромашка*. Древневерхненемецкое *bisamo* 'мускус' проникло в польский и чешский языки в виде чеш. *pížmo*, польск. *píżmo* то же. В украинском, куда оно пришло из польского или чешского, слово было перенесено на *Tanacetum vulgare*, так как листья этого растения заменяют корицу и мускатный орех: укр. *пижмо*, *пизьмо*, блр. *пiжма*. В русском языке слово встречается лишь в пограничных с Украиной и Белоруссией говорах: *пижма* (брянск. Тихан., 66), *пижма́к* (смол. Добр., 599). Русские литературные названия растений — как правило, южнорусизмы.

рябинка

Собственно русское название *Tanacetum vulgare* *рябинка*. Растение названо так потому, что соцветие напоминает гроздь рябиновых ягод. Использованный в этом случае прием создания слова очень характерен для

¹¹⁵ А. Соболевский. Мелкие заметки по морфологии. — РФВ, т. LXIV, 1910, стр. 155.

названий растений вообще: ср. такие образования, как *колокольчики, баранчики, бубенчики* и т. д.

Название встречается в памятниках: «Трава имя ей *рябинка*; а годна та трава: бывает у человека въ гортани жабная болѣзнь, и тою траву парити въ горячемъ винѣ или въ ренскомъ укусуѣ, и тою травую теплою парить около гортани...» (1674 г.)¹¹⁶.

12 группа

В эту группу входят совершенно различные по форме, по цвету, по ботаническим признакам, но объединенные одним характерным свойством растения — все они медоносы. Во всех славянских языках их названия образованы от слова *мед*. В русском языке такие названия имеют *Spiraea ulmaria* L. (таволга), *Trifolium* (клевер), *Galeopsis tetrahit* L. (жабрей) и *Pulmonaria officinalis* L. (медуница).

м е д у н и ц а

Термин *медуница* наиболее архаичен из всех этих названий, суффикс *-n* присоединяется здесь непосредственно к старой *-и*-основе. Наличие этой формы во всех славянских языках позволяет восстановить для праславянского **medunica* 'название медоносного растения'.

Словообразовательная вариантность этого названия по русским говорам исключительно велика: *медуника* (сарат. Леоп., 36), *медуница* (смол. Добр., 407; брянск. Тихан., 37; моск., ворон. Анн. Прост., 76; курск. Вержб.); *медвянка* (пск., твер., остав. Доп. оп., 114); *медбк* (влад., ковр. МДК, 11, 40); *медовик* (киров., вожгал. Гор., 285); *медовник* (ворон., бобр. Тороп., 344); *медовичник* (олон. Кул., 54); *медушник* (новг. Якуш., 82), *медуничник* (арх., красн. В. М.; смол. Добр., 407; брянск. Тихан., 37; твер., болог., удом. Строг., 58).

Мена суффикса *-ика/-ица* та же, что и в названиях ягод. Значительная часть форм выступает в значении соби-

¹¹⁶ Акты, относящиеся до сбора лекарственных трав и кореньев около Якутска. «Доп. к Актам историческим», т. VI. СПб., 1857, стр. 363.

рательном: *медуница* — *медуничник*; *медовица*, *медовик* — *медовичник*.

Распределенность значений этого слова имеет географические границы, так в олонекских говорах — это клевер, в архангельских и тверских — таволга, в московских и воронежских — медуница и т. д.

Украинский язык представляет то же обилие форм: *medovnyk*, *medovyčok*, *medunčyky*, *medunka*, *medunyča*, *medunčnyk*, *medunuka*, *medunyšnyk*, *med'anik* (Мак., 32); чеш. *medulka*, *medunice*, *meduvka*, *medynek*, *medovnik*, *medunka* (Mach., 191 и др.); ст.-польск. *miodunka*.

к о н ъ б а

Это — костромское диалектное название *Pulmonaria officinalis* L. (Анн. Прост., 76). Это отглагольное производное с суффиксом *-ба* от глагола *кбнѣть* 'болеть, ныть, мозжить' (симб. Д³ II, 384). Последний сопоставляется с литовским *kanoti* 'quälen'¹¹⁷.

Pulmonaria издавна использовалось как лекарственное растение, о чем говорит и его латинское название.

13 группа

По своей структуре эта группа аналогична предыдущей. Многочисленные и разнообразные растения, обладающие способностью цепляться, виться, носят в русских говорах названия, отражающие этот признак. Географическая распределенность значений по говорам та же, что и в случае с любым другим диалектным словом. Теоретически число конкретных семантических микрополей равно числу возможных сочетаний всех элементов поля.

Обобщающим словом для называния вьющихся растений в русском языке служит слово *повилка*.

п о в и л и к а

Все словообразовательные варианты этого названия в качестве отправного пункта содержат глагол *вить*. Регулярное производное от *вить*, *повить* — *повбѣи*,

¹¹⁷ J. Z u b a t ý. Slavische Etymologien. — AfsI Ph., XVI, 1894, стр. 395.

осложненное вторичной суффиксацией *повбень*; отричастные производные: *повитой* — *повитуха*, *повитѣль*; *повилой* — *повилика*, *повилица*. Причастие на -л- от глаголов *вить*, *повить* в русских говорах сохранилось хорошо: *повилая трава*, *повилой стебель*, *вилая капуста* (Д³ III, 362-363). Однокоренные образования от этого же глагола, но с иным суффиксом, *вьюн*, *вьюнок*, *вьюнчик* (Д³ III, 362).

Вариантность суффикса -ика/-ица абсолютно необоснована семантически; каждый из этих вариантов имеет притяжение к определенным территориям говоров (отрубленно -ица — север, -ика — юг) и отражает результаты фонетических процессов: *повилица* (смол., бельск. Добр., 612; вят. Прозор., 350); *повялика* (кур., орл. МДК 10, 106).

Близкие формы имеются в большинстве славянских языков: польск. *rowbój* 'Convulvulus', диал. *rowbja*; укр. *powiŭ*, *powiŭka*; н.-луж. *rowitka*, *rowiś*; в.-луж. *rowitka*; словен. *rovitec*; болг. *повитица* то же; с.-хорв. *rovivka*. Семантическая модель повторяется и в других названиях: укр. *porłotyca* от глагола *плести*; ст.-чеш. *svlak*; полаб. *sávlok*; болг. диал. *svlak*, *slačec*, *sävlek*, образования, по мнению В. Махека, от корня **vel-* 'вить-ся'. Ср. лат. *convolvulus* то же.

14 группа

Небольшое семейство толстянковых включает оригинальные растения с мясистыми листьями: *Sempervivum soboliferum* Sims. и несколько видов *Sedum* L. Названия этих растений объединяют их с различными, главным образом лекарственными растениями других семейств. Так, *узик* — это *Sedum acre* L. и *Polygonum bistorta* L., *молодило* — *Sedum* и *Convallaria majalis* L. и т. д.

По сути дела данная группа названий объединяет целый ряд лекарственных растений, часть из которых съедобны.

узик

Все растения, носящие в русских говорах название *узик*, употребляются, выражаясь языком современной медицины, в качестве вяжущих средств. Это воздей-

ствие на организм издавна обозначалось глаголами *вязать*, *завязать*. Название *узик* есть старое отглагольное имя: (**vez-ati* > **ǫz-ikъ*) с суффиксом -икъ. При воспроизведении той же модели, но современными словообразовательными средствами, растения назывались *завязный корень*, *завязник*. (См. Анн. Прост., 69, 74, Анн. Б. сл. 263; Д³ I, 1673 и др.)

о ч и т о к

Это литературное научное название *Sedum*, в говорах оно отмечено лишь в Воронежской обл., куда несомненно принесено украинским населением, так как в русском языке это название изолировано, а на Украине распространено очень широко в различных вариантах.

Соблазнительная мысль связать это слово с серб. *чити*, -а, -о 'целый, невредимый' должна быть отвергнута, потому что в русском языке (только псковские говоры) слово *читый* значит 'трезвый'; форма *очиток* предполагает наличие глагольной основы, отсутствующей в славянских языках. Приходится остановиться на более прозаическом объяснении: в украинском языке *Sedum* носит названия: *čysteč*, *čystyk*, *očystnyk*, *očystok*, объясняемые тем, что, как уже говорилось выше, эти растения употребляются от расстройства желудка или же, по другим сведениям, «свежая толченая трава прикладывается к раковым язвам, которые очищаются. Смешанный с коровьим маслом сок служит хорошим средством, уничтожающим сыпь и гнойные корки на голове» (Залес., II, 734). Один из вариантов названия, возникший, возможно, в результате забвения этимологических связей, *očytok* (Мак., 339), проник вместе с волной украинского населения в Воронежскую обл. В русских говорах встречается название *чистик* (Д³ IV, 1347).

расходник

— *Sedum* (орл. дмитр. Добр. Ж. Ст. 14, 324). В орловских говорах это явный украинизм, больше нигде в русских говорах это название не отмечено. Укр. *rozchidnyk* имеет соответствия как в западнославянских, так и в южнославянских языках: чеш. *rozchodník*, польск. *rozchodnik*, хорв. *razhodnik*.

В. Махек повторяет мысль Ростафинского о том, что расходник назван так потому, что он «расходится по земле» (Machek, 95), дает побеги, отростки (ср. укр. *rozchidki* 'отростки'), которые способны укореняться. Ср. латинское видовое определение *soboliferum*.

молодило

Произрастание сие есть род растения, называемого *молодило*.

Травник, 1792 г.

Слово *молодило* уникально с точки зрения формы, это почти единственный случай использования среднего рода в названиях растений в русском языке (ср. еще *просо*).

Мбодѣнь, молодило, молодильник, молодильная трава — *Sedum acre* (вят. Анн. Прост., 86; новг. череп. Герас., Ж. Ст. 177), кроме того, так называют *Sempervivum soboliferum* и *Convallaria majalis* (ландыш).

Последнее обстоятельство позволяет думать, что название отражает тонизирующие свойства растений; суффикс *-ло* (<**dlo*) несет значение орудия действия.

заячья капуста

Наиболее распространенное название всех растений семейства толстянковых (смол., ельн. Эк. общ., 30; смол. Добр., 262; дон. Мирт., 111; моск. и др. Анн. Прост., 86; Д³ I, 1673), укр. *zajača kapusta* (Мак., 340).

Словообразовательный тип названия отмечался нами неоднократно (см. статью *дятелина*); он исключительно широко распространен в названиях растений, ср.:

овес — заячий *овес*

греча — воробьиная *греча*

репа — свиная *репа*, собачья *репа* и т. д.

Нет ни одного названия культурного растения, которое не явилось бы основой для образования названий сходных дикорастущих растений.

Характер расположения листьев и съедобность отдельных видов (*Sedum Telephium*, *Sedum purpureum*) служит основанием для называния растений данной группы *капустой*. Эпитет *заячий* значит 'ненастоящий, дикорастущий'.

15 группа

Теперь я перехожу к названиям, обладающим меньшей степенью обобщения; это названия рода или даже одного вида растения, очень устойчивые по говорам и по языкам, по степени устойчивости нередко приближающиеся к названиям культурных растений. Это результат не только их внешнего своеобразия, индивидуальности, но и того, что они были несомненно прекрасно известны и использовались постоянно. Таково слово *лебеда*, которое во всех славянских языках служит названием трех близкородственных видов *Chenopodium album* L., *Chenopodium rubrum* L. и *Atriplex patula* L.

лебеда

Сею-вею лебеду на берегу.

Русская народная песня

По славянским языкам слово имеет несколько варьирующихся форм: *лебеда*, *лобода* и *лобуда*, которые распределены следующим образом: *лобода* — русские (диал.), укр., блр., словц., польск., в.-луж., н.-луж., болг., с.-хорв., словен.; *лебеда* — русск., укр. (диал.), чеш., польск., словен.; *лобуда* — русск. (диал.). В русских говорах наиболее распространенная форма *лебеда*, окраинные говоры *лобода* (арх., виногр. В. М.; орл., дмитр. Ж. Ст. 14, 321) и ярославское *лобуда*, наряду с *лобода*, *лебеда* (яросл., углич. Русин., 11).

Большинство авторов сходится во мнении, что это слово пережило ассимиляцию гласных¹¹⁸. Наличие в южнославянских языках форм с начальным *le-*, *lo-* говорит о том, что на праславянском уровне корень выступал на ступени редукции **lb-*; менее устойчиво представление о структуре суффикса **-oda* (тот же тип, что в слове **ag-oda*) или **-eda* (аналогии в близкородственном слове *лебеда* < **lbedь*), возможно, что существовали формы и с тем и с другим суффиксом, что привело к различным ассимиляциям. Ср. отраженный в памятниках древнерус-

¹¹⁸ V a s m e r. REW, II. стр. 21—22; F. S p e c h t. Der Ursprung der indogermanischen Declination. Göttingen, 1944, стр. 197; K. M o s z y ŋ s k i. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957, стр. 71; H. M a r z e l l. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen I. Leipzig, 1943, стр. 511.

ского языка вариант *лобеда* (Срезн., II, 37) ¹¹⁹. Вариант *лобуда* может продолжать **olb-ǫda*. Очень характерен формальный параллелизм с названиями лебеда:

**lb-ed-ь/*olb-ǫd-ь*

**lb-ed-a/*olb-ǫd-a*

возможно, что существовали еще формы типа **elb-oda* и **olb-eda*, давшие различные результаты ассимиляции.

Оба слова, и *лебеда* и *лебеда*, восходят к общему корню со значением 'белый', широко представленному в других индоевропейских языках: лат. *albus* 'белый'; умбр. *alfu* 'белая'; греч. *ἄλφος* 'белая сыпь'; алб. *elr, elbi* 'ячмень'; н.-в.-нем. *Elbe* 'Эльба'; лат. *Albis* то же, первоначально 'Белая'.

Лебеда названа белой за светлые листья, как будто мукой обсыпанные, ср. укр. диал. название лебеды *мучник* ¹²⁰.

Вторая, менее распространенная точка зрения на этимологию слова *лебеда* — стремление связать его с балтийскими формами (ср. лит. *balanda* 'лебеда') и объяснить появление одной из них перестановкой слогов ¹²¹.

марь

Это второе название *Chenopodium album* L., распространенное только в восточнославянских языках (Мак., 93). Так как «из травянистых частей (*Chenopodium album* L.) готовится красная краска» (Нейштадт, 187), то мы вправе сопоставить это слово с глаголами *марать*, *марить* и именами *маркий*, *марёна* (название растения, дающего красную краску). В таком случае слово *марь* — производное имя типа *бель*, *синь*, *чернь* и т. д. от корня **mar-* 'пачкать, красить'.

¹¹⁹ А. Соболевский. Мелкие заметки по славянской и русской фонетике. — РФВ, т. LXIV, 1910, стр. 117—118.

¹²⁰ Развитие у слова *лобуда* вторичного значения 'вздор, пустяки', возможно, произошло из значения 'суп из лебеды, пустые щи'.

¹²¹ J. J. Mikko. Baltisches und Slavisches. Helsingfors, 1903, стр. 46.

бульняга

Местное, записанное мною в Новгородском р-не Новгородской обл., название лебеды *бульняга* может быть связано со словом *былье* 'трава', ср. польск. *bulica*.

Второстепенное название лебеды *паровица* (арх., красн. В. М.; удм. Барашк 239) образовано от слова *пар* 'паровая пашня'.

16 группа

Крапива — имя собственное для видов растений семейства *Urtica* L. Они не смешиваются с другими растениями, а имеют по говорам устойчивые и по форме и по значению наименования.

крапива

Слово общеизвестное (арх., виногр. В. М.; калуж., мешев. Черн., 155; ворон. Торон., 340; перм., чув. Каяур., 320; курск. Халан., 105; орл. Будде, 125; тул., калуж. Будде, 42 и др.). В той же форме оно присутствует в других восточнославянских языках. Западнославянские языки дают вариант *коприва*: чеш. *kopřiva*; слов. *kopřiva*; в.-луж. *kopřiva*; н.-луж. *kopřiva*; полаб. *kjöpreiwa*; польск. *pokrzywa*. Для праславянского реконструируются два диалектных варианта: **kopřiva* и **kropřiva*, в одном из которых несомненно наблюдается перестановка. Это не единственный случай перестановки в группах *kopř-/korp-*: ср. русск. *копреть* и *кропать*, *копер* (<**kopřъ*) и *укроп*, старое название шелка *коприна* (так в южнославянских языках) отражено в древнерусском как *кропина*. Ср. в легенде о походе Олега на Царьград (Повесть временных лет) «паруса *копринные*».

Думается, что М. Фасмер прав, считая исходной форму **kropřiva* и указывая на ее связь со словами *кропить*, *крапать*, *укроп* 'кипяток' (Vasmer I, 655), но семантическая аргументация, выдвигаемая им, мне кажется мало обоснованной. М. Фасмер пишет: «Эта этимология подтверждается со стороны реалий тем, что крапива применяется в качестве корма скоту, причем ее предварительно обваривают кипятком». Трудно представить

себе столь опосредствованное название растения. Крапиву дают скоту как в вареном, так и в сыром виде (изрубленные листья крапивы примешиваются к отрубям и соломе), она употребляется в пищу человеку, издавна крапива использовалась для приготовления сетей, веревок, мешковины и т. д., но все же самым основным и ярким признаком крапивы остается то, что она жжется. Этот признак отражают все другие названия крапивы: русск. *жегала*, *жигучка*, *стрякива*; чеш. *palačka*; укр. *žatyna*, *rekiška*, *žalaška*, *žhiška*.

Связь слов *кра́пить*, *кра́пать*, *укроп*, *крапива* мне представляется следующим образом: *кра́пить* значит 'брызгать', *кра́пать* 'падать редкими каплями, брызгами', *крап* 'мелкие пятна на фоне иного цвета', *укроп* 'кипяток' = 'вода, от которой летят брызги', *крапива* 'растение, обжигающее брызгами, пятнами'. Ср. еще одно название крапивы *стрякива* и *стрека́ть* 'доить корову, брызгать' (твер. Оп., 217), *стрекастый* 'пестрый в мелких пятнах', *острека́ться* 'обжечься крапивой'. Ср. устойчивый фольклорный оборот «Ты, крапива, *стрека́чая*» (Русские песни из собрания Якушкина, стр. 82).

Кроме того, зависимое отношение *кра́пить* — *крапива* подтверждается структурными деталями. Если бы слово *крапива* значило 'то, что поливается кипятком', то мы имели бы образование типа *бэливо*, *грүзиво*, *клядево*, *тбчиво*, *крбишево*, *макево*, *хлебово*, *жарево* и многие другие со значением результата действия, тогда как в слове *крапива* мы имеем образование со значением действия или орудия действия: ср. *молочиво* 'молотьба', *бруснева* 'снаряд для очистки льна' и др.

стрекава

Стрекива, *стреки́ша*, *стракива*, *стряка́шина* — название крапивы в русских северо-западных говорах (пск. Иероп., 592; петерб. МДК 11, 183; новг. МДК 11, 58; калин., болог., удом. Строг., 60; олон. Кул., 114). Все это производные от глагола *стрека́ть* 'обжигаться (крапивой), жечь, жалить', *стрекавый* 'жгучий, колючий'. *Стрека́ва* собственно 'жгучая', *стреки́ва* образована по типу *крапива*.

Судя по многочисленным производным значениям у глагола *стрека́ть* наиболее древним является именно значение 'колоть, жечь'. Ср. еще *свербу́ха* 'крапива всех видов' (дон. Мирт., 286), при *свербить* 'колоть, чесать'.

жгу́чка

Жигучка (кур., орл. Кардаш. II, 348; смол. Куст., 9, 138); *жгучка* (яросл. Доп. Оп., 50), *жегала*, *жагала* (твер. каш. Оп., 56; твер. РФВ, 2, 191; твер. стариц. Флор., 77) — все это производные от глагола *жечь*, от причастные в курских говорах: *жгучий* — *жгучка* и с суффиксом действующего лица *-ла* в тверских (ср. *запывала*, *объедала* и др.).

Близкие формы в большинстве других славянских языков: польск. *żegawka*, кашуб. *żogovka*, *żogavica*, н.-луж. *žagaŕca*, в.-луж. *žahalca*, чеш. *žahavka*, словц. *žihl'ava*, словен. *ožagalica*, с.-хорв. *žigavica*.

От глагола *жалить* образовано томское название крапивы *ожа́льник* (Сл. Оби, 2, 210).

кострика

Это название крапивы (ворон. Трост., 25) Даль дает с пометой [раз.] (Д³ II, 449).

Это слово входит в обширную группу родственных образований во всех славянских языках. В русском языке это в первую очередь название жесткой коры льна и конопли, отделяемой при трепании: *косты́ца*, *косты́ка*, *косты́га*, *костры́ца*, *костры́ка*, *костры́га*, *костра́*. Кострика, сложенная в кучи, бабки, обычно сжигалась, отсюда возникло значение слов *костер* 'куча': «костер дров», «костер хворосту» и затем уже значение слова *костер*, известное литературному языку. Вероятно, от значения ненужной жесткой кожицы льна и конопли, составляющей отходы, сор, при обработке этих растений возник перенос этих названий на многочисленные сорные растения: русск. *костер*, *костра́*, *костёр* (*Bromus*); болг. *кострява* (*Alopecurus pratensis*); с.-хорв. *кострава* (*Festuca*), *кострба* (*Festuca*), *кострика* (*Ruscus*); словен. *kostreva*, *kostreba* (*Agrostemna githago*). Все это многочисленные производные от основы **kost-* (ср. *кость*) с расширителем *г*. Подтверждением этому служит не

только структура слов и их значения, но и наличие вариантов без расширителя: *костика* и др.¹²² На праславянском уровне реконструируется несколько парадигматических и словообразовательных вариантов: **kostrъ*, **kostrь*, **kostra*, **kostrica*. Соотношение в русском языке форм *кострица*, *кострика*, *кострига* отражает типичные для русского языка словообразовательные синонимы суффикса *-ица*.

17 группа

В названиях хвоща различаются возрастные категории: ростки хвоща, молодой хвощ и взрослый хвощ.

пестик

Молодые ростки хвоща в русских говорах называются *пестики*. Образ, лежащий в основе названия, прозрачен: молодой хвощ похож на пест.

Пестики, *пестье* (вят. Съед.); *пестбвник* (твер. Пупар., 200; арх., виногр., красnob. В. М.); *пестбк*, *пестуха*, *пестух*, *пестушняк*, *песткй*, *пестка* (олон. Кул., 84; арх., приоз. Кимяг.); *пестюшки*, *пестыши* (калин., стариц. Флор., 75); *пестигй* (костр., боговар. Азарх); *пестышкй*, *пестюшки*, *пестик*, *пестовник* (Д³ IV, 1180); *опестыш* (олон. Кул., 72; влад., ковр. Доп. Оп., 161). Многообразие словообразовательных форм отражает степень словообразовательной свободы слова в говорах. Любой из уменьшительных суффиксов (*-ик*, *-ок*, *-ка*, *-ух*, *-уха*, *-ыш*) создает новое слово.

Аналогичные названия со стороны значения смоленское *толкачик* (*Equisetum* 'молодой') (смол. ельн. Эк. общ. 27) при *толкйч* 'пест'; олонекское *рогатка* 'хвощи вообще' при *рогатка* 'мутовка' (олон. Кул., 100), ср. еще лит. *piestelis* 'хвощ', нов.-в.-нем. *kolben* то же.

елка

Подростший *Equisetum* получает название *елки* (влад. Анн. Прост., 134; влад. Доп. Оп., 161; прибалт.

Немч., 86) или *сосенки* (симб. Мотов., 30), так как напоминает хвойное деревце. То же образование в украинских названиях хвоща: *ivka*, *jałynka*, *smerička*, *sosanka*, *so-sonka* (Мак., 139).

хвощ

Так называется взрослое растение в русских говорах повсеместно (ряз., мещер. Строган., 227; перм., чусов. Каюр., 320; арх. Подв., 182; смол. Добр., 958; калин., стариц. Флор., 75; орл., тул. Будде, 144). Это название отражено в большинстве славянских языков: польск. *koszczka*; ст.-польск. *chościk*, *chwoszczki* pl.; польск. мазов. *chwoszczka*; укр. *хвощ*; блр. *хвошч*, словен. *chvošč*, с.-хорв. *hvošče*, болг. *хвощ*. Внешняя форма растения очень своеобразна, его сходство с пучком волос, хвостом отражено во многих других названиях *Equisetum* как в индоевропейских, так и неиндоевропейских языках. Ср. ст.-польск. *koński ogon* '*Equisetum hyemale*'; польск. диал. *koci ogon*, *lisi ogon*; с.-хорв. *opašica*; макед. *коњски опаш*; болг. диал. *konska opaška*, *lisiča opaška* то же¹²³. Этот же семантический признак присутствует и в латинском названии растения *-setum* из *saeta* 'щетина, жесткие волосы у животных' (ср. название хвоща в языке коми *урбѳж* собственно «беличий хвост»).

Олонецкие формы *фоуцá* (олон. Кул., 127) и *воуцá* (олон. Кул., 12) — отражают особенности произношения, характерные для этих говоров: мена *хв > ф*, ср. *фост* 'хвост' и *в > ф*, ср. фэрес 'верес'.

кбртега

В Заонежье, в Карелии хвощ называется финским словом *кбртега*, *кбртег*, *кбртюх*, *кбртюха* (олон. Кул., 41). Я. Калима выводит эти слова из кар., олон. *korteh* '*Equisetum*', фин. *korte* то же. Русские *-ега*, *-ег*, *-еха* передают карельско-олонецкое *-eh*¹²⁴. Вариант названия

¹²³ W. Budziszewska. Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, стр. 204.

¹²⁴ J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 132.

¹²² V a s m e r. REW, I, стр. 642.

хвоща *бхтега* (олон. Кул., 76) скорее всего следует считать ошибочным вместо *кбртега*.

Второстепенные названия хвоща: *куньяк* (арх. Подв., 78); *песочна трава* (олон. Кул., 81), *пастушкый*, -ов мн. (пск., холм. Оп., 153); *пупышый*, -ей (пск., опоч. Оп., 153); *парбушки*, *бульбушки* (олон. Кул., 37); *земляные орешки* (Д³ IV, 1180; влад., ковр. Доп. Оп., 161).

18 группа

Все виды обширного семейства Polytrichaceae в народной ботанической систематике не различаются и носят одно общее имя.

папоротник

В русском литературном языке и архангельских говорах *папоротник*, *папертник* (олон. Кул., 78; дон. Мирт., 391); *пáпороть* (смол. Добр., 576; брянск. Тихан, 38; орл. болх. Сахар., 35), *пáпортъ* (прибалт. Немч., 207); укр. *папороть*; болг. *папрат*; с.-хорв. *пáпрат*; словен. *páprat*; слвц. *parpadie*; польск. *paproć*; в.-луж. *raproć*; н.-луж. *raproć*; праславянская форма **raportь*.

Ближайшим родственным словом в славянских языках служит русск. *пáпороток* 'птичье крыло', ср.: «*Папоротки* расправляет» (о птице) (яросл. Мельн., 141). Дальнейшие индоевропейские связи устойчиво повторяют модель: 'перо' — 'папоротник': лит. *parártis*, *parartỹs* 'папоротник'; лтш. *papaŗde*, *pararkste*, *pararksts* то же; др.-инд. *parñám* 'крыло, перо', авест. *parəna-* ср. 'крыло, перо'; др.-в.-нем. *farn* 'папоротник'; ирл. *raith* то же (из **prati-*). Семантическая аналогия в отношениях греч. *pteris* 'папоротник' и *pteros* 'крыло' ¹²⁵.

С точки зрения структуры все примеры делятся на слова с расширителем *-t-* (славянские, балтийские, кельтские) и с расширителем *-n-* (древнеиндийский, авестийский, древневерхненемецкий); кельтская форма отличается от балтийско-славянских иной ступенью основы.

¹²⁵ Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīca. Brt. 3, стр. 80; V a s m e r. REW, Bd. II, стр. 313.

купоротник

К возникновению этой формы привел процесс диссимилиации, прошедший не только в части русских говоров (вят., урж. Магн., 30; тобол. Патк., 497), но и в чешском и словацком языках (чеш. *kaprad*, др.-чеш. *kapratie*, слвц. *kapratie*).

кочедыжник

Это — тверское название папоротника (калин., стариц. Флор., 77). Это форма собирательности от слова *кочедыг* 'шило для плетения лаптей' (последнее, вероятно, тюркское по происхождению, ср. *кочедык*, *кодочик*, *ичетых* ¹²⁶). Семантические основания этого названия не совсем ясны.

19 группа

Дикорастущий цикорий, хотя и относится к семейству сложноцветных, благодаря своей оригинальности не смешивается с другими растениями. На голых, лишенных листьев стеблях распускаются крупные голубые цветы.

батого

Основным народным названием цикория в восточнославянских языках служит слово *батогий*, *батожий* (ворон.), *синие батого* (вят. Пупар., 200), *петров батог*, *петровы батого* (Д³ I, 92; Анн. Б. сл., 38). В украинском языке это литературное название цикория: «Обік нього виганяв сіре та вузлувате стебло *петрів батіг*» (Коцюбинский. Ак. сл. I, 36). *Батогий*, -гов 'высокие стебли щавеля' (смол. Кустар., 133).

В польском и украинском языках батогом называется плеть, в том числе плети огурцов, кабачков, тыкв, тогда как в говорах русского языка *батог* — это чаще всего палка, посох.

¹²⁶ И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке. I. Древнейшие наименования, до Петровской эпохи. Хельсинки, 1959, стр. 91—92.

На Дону калька украинского названия цикория звучит как *петров кнут* (дон. Мирт., 228).

Характер цветения цикория, напоминающего цветение тыквенных растений, вероятно, породил это название. В русский язык этот термин проник скорее всего из украинского, так как по-русски стебли такого рода растений носят название *плеть*, *плети*. Слово *плети* в значении 'стебли огурцов, тыкв' отмечено повсеместно в русских говорах (орл., болх. Сахар., 34; ворон. Жук., 330; моск., кашир. Манаен., 76; ряз., мещер. Строган., 215; пенз., лун. Пашк., 86; сарат. Чмых., 64; смол. Жак. 361; дон. Мирт., 231; яросл. Доп., 119; влад., ковр. МГУ), а слово *батог* в этом значении не зафиксировано.

щербак

Приводимое Анненковым, как взятое из старинной рукописи, название цикория *щербак* (Анн. Б. см., 38) вероятнее всего восходит к западославянскому источнику, где этим словом называется один из видов цикория: чеш. *šterbák*; укр. *щербак* (из польского?).

Наши старые рукописные лечебники пестрят польскими и чешскими названиями, поэтому сам факт не может вызвать удивления.

Слово *щербак* — производное от *щерба* 'зазубрина', возможно, в связи со струговидной формой листьев (Vasmer, REW, III, 450).

Второстепенные названия цикория *придорожная трава* (Анн. Б. сл., 38, без помет) при укр. *pryдорожник* (Мак., 97); *синий цветок* (сарат. Анн. там же); ср. серб. *модар цвијет* (Симон., 122).

20 группа

Пою же емоу пѣсни половецкими оже ти
не восхочеть даи емоу поохати зелья
именемъ евшанъ.

Волынско-галицкая лет. 6709 год

Острый горький запах придает удивительное обаяние этому внешне невзрачному растению. Два вида полыни не только отличаются в народном сознании от всех других видов растений, но не смешиваются и между собой: *Artemisia absinthium* L. — *полынь*, *Artemisia vulgaris* L. — *чернобыль*.

полынь

Равно естъ гор(е)сть ѿ пелына
ѿ нати и ѿ слова дерзновени
ѿ рѣзати

Пчела в список. XIV—XV вв.

Полынь — символ горечи, «горький, как полынь», «полынь горькая трава» стали просторечно-фольклорными штампами, в аналогичных контекстах слово *полынь* встречается, начиная с древнейших памятников письменности: «Наслаждает грѣтань твою, послѣд грѣчее пелына обращени» (Пов. вр. лет. по Переяслав. сп., 6488 г.); «Горько велми боле пелына» (Жит. Андр. Юр. — Срезн. I, 13); «И медоу пелынь... подасть горесть, а медъ ни сѣгоубъ пелынь своеа сласти» (Григ. Наз. XI в. 170 — Срезн. II, 895).

По мнению С. Младенова и М. Фасмера, этот яркий признак лежит в основе названия *полыни*¹²⁷. Слово *полынь* считается родственным глаголам *полѣть* 'гореть', *палить* 'жечь'. Связь значений 'гореть, жечь' → 'горький' очевидна. Махек тоже связывает слово *полынь* с *палить*, но объясняет это отношение тем, что *полынь* сжигали, ею окуривали в качестве профилактического средства от эпидемий¹²⁸. Предположение о связи слова *полынь* со словом *половый*, высказанное Преображенским¹²⁹, мало удачно и было опровергнуто Мейе.

По говорам и языкам слово *полынь* имеет незначительное число вариантов: русск. *полынь* (орл. Добр.; дон. Мирт., 246; тоб. Скалоз., 14; перм., чусов. Каюр., 320; сарат. Чмых., 65), *полын* (колым. Богораз, 113; куйбыш., богат. Ухмыл., 343; дон. Мирт., 246; орл. Будде, 132; тул., калуж. Будде, 57), *попынок*, *попынки* (дон. Мирт., там же); *попыня* (калин., стариц. Флор., 76; прибалт. Немч., 238; ряз. Будде, 349); *пелымка* (тоб., тур. Скалоз., 14). Та же вариантность форм в других восточнославянских языках: *полын*, *попынь* (блр. Бойк., 218; Мак., 39), южнославянские языки продолжают

¹²⁷ С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр. 417; Vasmer, REW, II, стр. 401.

¹²⁸ V. Machek. Указ. соч., стр. 247—248.

¹²⁹ А. Преображенский. Етимологический словарь русского языка, т. 2. М., 1910—1914, стр. 103.

старославянские формы *пелынѣ, пелынь*. Западнославянские языки наряду с аналогичными формами (польск. *piolyn*, чеш. *pelyn*) сохраняют еще вариант с иным суффиксом: польск. *piolun*, чеш. *pelun*, луж. *polun*. Пра-славянская реконструкция неизбежно должна отразить колебания парадигматические: **pelunъ* м. р., **pelyni* ж. р., имевшие лингвогеографическую приуроченность.

ч е р н о б ы л ь

«Черною травой» *Artemisia vulgaris* L. названа за красноватые метелки в отличие от «седой» полыни (*Artemisia Absinthium* L.).

Это старое общеславянское слово: русск. *чернобыл*, *чернобыль*, *чернобыльник* (дон. Мирт., 354; новг., череп. Герас., 95; урал. Карп., 82; орл. Добр., 321; тобол., тур. Скалоз., 15; влад., мелен. Арх. АН. ф. 250, № 22); укр. *čornobyl*; чеш. *černobýl*; с.-хорв. *crnobil*, *crnobilnik*; словен. *črna bil*; праслав. **čьrnobyľ* — образовано сложением из **čьrn-* ‘черная’ и **byľ* ‘трава’.

Называют чернобыль и просто травой: *быльняк* (пск., опоч. Оп., 19), *былец* (новг., череп. Герас., 22); польск. *bylica* ‘попынь’; в.-луж. *bul*, *bulica* то же (вероятно, из **byl*, **bylica*).

н е х в о р о щ ь

Это второе название *Artemisia vulgaris* L. *Нéхворощь, нефорощь* (яросл., рыбн. Водар.) Анненковым и Далем приводятся без помет. Учитывая лекарственное использование чернобыли, можно было бы связать слово *нéхворощь* с *хворость* ‘болезнь’, но этому противоречат украинские формы: *нéхворбиц, нéхворбца* (Гринч. II, 561), где место ударения скорее говорит о связи с *хворобст* (укр.). Мысль о том, что слово *нéхворощь* образовано от *хворост* по типу *неглинок, неклеп* и т. д., высказал Потебня, аргументируя это тем, что из полыни и чернобыли обыкновенно делали веники¹³⁰.

Оригинальную этимологию высказал В. Махек. Опираясь на обширный славянский материал и на сведения, что в древности разные виды полыни употреблялись как

¹³⁰ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899, стр. 47.

средство, предохраняющее от грома и молнии, он связывает это название с глаголом *chřestnūti* ‘загрохотать’¹³¹. Западнославянские и южнославянские формы не противоречат такому мнению: чеш. *netřesk*; ст.-чеш. *nechrastъ*; польск. (из чеш.) *netrzesk, nietrzasek*; словен. *netresk, natresk, natrsk, natrst, nastrok*; хорв. *netresk, netresak, netrest* и др. при ст.-чеш. *hromotřesk*; ст.-нем. *Donnerkrut*.

Объяснение восточнославянских форм возможно только при условии предположения о проникновении формы типа ст.-чеш. *nechrastъ* и освоения ее на местной почве с развитием полногласия и возникновении вторичного *в*.

е в ш а н

как название полыни встречается только в Ипатьевской летописи под 1201 г. (*евшанъ, емшанъ*) и использовано в знаменитом стихотворении Майкова. Это тюркское название полыни чагат. туркм. *jaišan*, башк. *jušan* (Радлов, IV, 173), монг. *žuulan*, калм. *zulʷ*¹³².

Эпизодические названия полыни: *сухолом* (тоб., ялут. Скалоз., 15); *куровник* (куйб., богат. Ухмыл., 343); *конковник* (тоб., Скалоз., 15); *старик* (тоб., ялут. Скалоз., 15), *горькуша* (новг., череп. Герас., 165), *коневник* (тоб. Патк., 496).

21 группа

Манник (*Glyceria fluitans* L.), зерна которого употреблялись на приготовление каш под именем манной крупы (см. «Введение») наряду с зернами кровавого проса (*Digitaria sanguinalis*). Называли *манной* еще шишки чистяка (*Ficaria verna*).

м а н н и к

Широкое использование зерен манника славянами в древности (находки в Старой Ладоге VII—IX вв.¹³³)

¹³¹ V. Machek. Указ. соч., стр. 96.

¹³² Vasmier. REW, I, стр. 390.

¹³³ М. М. Якубцинер. О составе зерновых культур из старой Ладоги. «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. 57, 1955, стр. 12.

заставляет склониться к объяснению этого слова, высказанному О. Н. Трубачевым. Он считает, что сближение слова *манник* с библейской *манной* — явление позднейшее. Слова *манник*, *манка* — славянские и связаны с глаголом *манить* 'обманывать' благодаря сходству *манника* с кровавым просом¹³⁴.

Соглашаясь с этой этимологией, я считаю возможным, однако, несколько иначе объяснить семантические отношения слов *манка* — *манить*. Естественно было бы назвать «обманным» несъедобное растение, а не то, которое пользовалось большой популярностью. Дело в том, что глагол *манить* в славянских языках значит не только 'обманывать', но и 'привлекать, соблазнять'. Ср. только в русских говорах: *манá* 'приманка, прикормка, привада, сласть, соблазн, что прельщает' (Д II, 773). «Ягода — *манá*, орех — сатана, гриб — пища» (смол. Добр., 398); «вино — *манá*», «мана манит, да бог хранит» (Даль, там же); *манкий* 'заманчивый, соблазнительный', *манко* 'привлекательно, приятно' (нижегор.), безл. 'хочется, желательно' (пск., твер. Даль, там же); «Как утерпеть, больно уж *манко*», «маслице *манко*, лиса не утерпела», «Хоть и *манко*, да удержусь» (вят. Васн., 129), *манный* 'лакомый, вкусный' (яросл. Мельн., 108). От значения 'приятный, привлекательный' естественный переход к значению 'сладкий, нежный'; *мань* 'вообще все привлекательное, сладкое' (кал., жиздр., мосал. Воскр.). *Манный* вкус 'сладковатый, нежный, мягкий', *манность*, 'мягкость, бархатистость, нежность' (Д II, 773—774). «Мед-то настоящая *манность*» (ворон. Д³ II, 775); «Одне ягоды сладкие и *манные*, а другие ягоды пьяные» (самар. Шейн, 57). Ср. еще польское диалектное название малины *manie*, *mán* (Варш. сл. II, 873). Естественно, что растение, из зерен которого варили нежную мягкую кашу, получило название *манника*, *манной травы*, *манки*, а каша тоже название *манной*. Позднее так стали называть кашу из молотых зерен пшеницы.

¹³⁴ О. Н. Трубачев. Из истории названий каш в славянских языках. «Slavia». Praha, 1960, seš. 1, стр. 13-15.

22 группа

В обширное семейство злаковых входит много старых культурных растений и еще большее количество сорняков. Как мы уже видели на примере названий растений семейств крестоцветных и бобовых, наименования культурных растений образуют независимый ряд, а наименования сходных с ними дикорастущих, сорных — ряд зависимый, производный. Эта зависимость выражается или присоединением эпитета со значением «ненастоящий», или суффиксацией. В группе названий злаков эти отношения выражены следующим образом:

рожь — *ржанец* (Phleum, Alopecurus, Dactilis, Festuca)

жито — *житец* (Bromus secalinus)

овес — *овсюг*, *овсюган*, *овсец* (Bromus secalinus, Avena pubescens)

Определение места лексемы в этом поле — задача некоторых, иногда уже решенных этимологий. Я останавлиюсь на названии только одного злака *Triticum repens* L.

п ы р е й

Происхождение слова *пырей* установлено давно: оно восходит к старому индоевропейскому наименованию пшеницы. Греч. *πυρός*, лит. *purāl*, в старославянском слово *пыро* значило 'полба' (один из видов пшеницы *Triticum spelta*), это же значение сохранилось в сербском и словенском языках: серб. *пър* м. р.; словен. *pîr* м. р., *pîra* ж. р. 'полба'. В западославянских и восточнославянских языках *пыреем* называют сорное растение (тоже один из видов пшеницы *Triticum repens*). Принято считать, что здесь произошел перенос названия с культурного на сорное, аналогичный процесс в древнепрусском и англосаксонском языках (др.-прусс. *pure* 'костер', англосакс. *fyr* 'пырей').

На самом деле здесь, вероятно всего, имел место другой процесс. Слово *пырей* из **pyrjъ* по форме прилагательное, образованное с суффиксом *-ъjъ* от существительного **pyro*, сохранившегося лишь в части языков. Ту же производность форм можно наблюдать и в западославянских языках: польск. *perz* из **pyrъ* или **pyrjъ* с суффиксами прилагательных *-ъ* или *-jъ*; аналогичное образование чеш. *příř*; блр. *пырник* — производное с суф-

фиксом *-ик* от основы имени прилагательного. Таким образом, в западнославянских и восточнославянских языках мы имеем не основное, а производное слово, значение которого может быть сформулировано как 'пшеничный, хлебный'.

В представленной выше схеме: (*рожь* — *ржанец* и т. д.) слово *пырей* занимает второе место, тогда как название культурного растения утрачено. Процесс замены старых названий культурных растений другими можно проследить на судьбе слов *жито*, *рожь*, *ячмень* в славянских языках.

Таким образом, словообразовательная структура слова *пырей* и его место в схеме предполагает не перенос названия с культурного растения на сорное, а утрату в восточнославянских и западнославянских языках старого названия пшеницы или вида ее: **pyro*.

В. Махек склонен давать происхождению слова *пырей* иное объяснение. Он апеллирует к мнению древних о возможности перерождения культурного растения в сорное¹³⁵. Эта точка зрения имеет определенные основания, но зависимое положение слова *пырей* в системе отношений: название культурного растения — название сорняка — остается постоянным.

Triticum repens L., кроме названия *пырей* (куйб., богат. Ухмыл., 343; тоб., тюкал., тур. Скалоз., 11; кург., галк. Старц., 133; ставр. Пан., 91; сталингр., ново-анн. Орл., 29; сарат. Моис., 55), называется еще *ржанец* (олон. Кул., 100; моск. Анн. Б. сл., 362; ульян. Алекс., 182), *житец* (орл. Анн. Б. сл. 362) и *поляк* (тоб., ишим. Скалоз., 11).

23 группа

Из семейства мальвовых на территории России распространены лишь два вида *Malva neglecta* Wallr. и *Malva pusilla* With. Старое славянское название мальвы *слез* в русском языке отсутствует. Зато очень широко распространены многочисленные названия, отмечающие очень своеобразную форму плодов мальвы, напоминающих печеный хлеб.

¹³⁵ V, M a c h e k. Указ. соч., стр. 283.

п р о с к у р н я к

А въ тѣ поры его (Юрия Васильевича) парили въ корытѣ *проскурнякомъ*.

Из писем Василия Ивановича к царице Елене, 1523 г.¹³⁶

«Ти хѣчишь, я табе *проскурку* дам?» — говорят дети, играя семенами мальвы (смол. Добр., 737); *проскурка*, *проскурняк* (волог. Анн. Прост., 58); *проскурник* (влад., меленк. Арх. Ан. ф. 250, № 22); укр. *proskurky* (Мак., 224). Эти слова сохраняют широко представленный в древнерусских памятниках вариант названия просфоры — *проскура*.

Называют мальву и *просвирки* (Анн. Б. сл., 207) и *просвирияк* (орл. там же). Как в названиях кувшинок, так и в названиях мальвы постоянно воспроизводится одна и та же семантическая модель, в данном случае 'изделие из муки, вид печенья' — 'растение'. Ср. *калачики* (моск. Анн. Прост., 58; дон. Мирт., 127; Д II, 77; Сл. Оби., 267); *пышечник*, *пышечка* (сарат. Моис., 55; тамб., семен. Анн. Б. сл. 207—208); *пряничник* (алт. Анн. там же); *лепешник* (пенз. Иссерл., 155); *плюшки* (моск., воскр. Ж. В.).

То же многообразие сравнений с различного рода печеньем и в других славянских языках. Ср., например, приводимые В. Махеком чешские названия: *chlebič*, *chlebiček*, *resenek*, *pačák*, *kolačiky* (Mach., 147).

24 группа

Названия двух видов растений *Solanum nigrum* L. и *Solanum dulcamara* L. стоят особняком и относятся только к этим растениям. В севернорусских говорах это *паслен*, а в южных — *бзника*.

п а с л е н

Слово ограничено восточнославянскими языками: русск. *паслен*; укр. *паслин*, *паслина*, *паслін*. По мнению М. Фасмера, все эти формы восходят к **пасльнь* или **пасльнъ*, состоящим из префикса *па-* и ступени чередо-

¹³⁶ Цит. по кн.: А. Ф. Змеев. Былое врачебной России. СПб., 1890, стр. 24.

вания слова *слина* 'слюна'. Этимологию М. Фасмера подтверждает украинское название паслена *слупник* (Мак., 349).

Слово *слина* 'слюна' отмечено в ряде северных говоров (прибалт. Немч., 301; яросл. Мельн., 187; олон. Кул., 108), *слиновѣтик* 'молокосос, слюнтяй'.

б з н и к а

Несколько вариантов этого названия распространены в южной России: *бзника* (рост., роман. Рожк., 6; дон. Мирт., 21; чкал. Моис. 57; тамб., стал. Орл., 18; ряз. Дитт., 206); *бздюка* (брянск. Тих., 35; курск. Халан., 363; курск., орл. Кардаш., 229); *бздунѣка* (орл., болх. Сахар., 8; кур. Кардаш., 229); *бзнюка* (дон. Мирт., 21; ворон., нижед. Полик., 320); *бздюква* (орл. Кардаш., 229); *бзнига* (пенз., лунин. Пашк., 87); *позника* (пенз., лунин. Пашк., 87).

Растение использовалось как слабительное средство, отсюда название.

Второстепенные названия: *заматбка* (урал. Сл. 177); *собачьи ягоды* (урал. Сюз., 42).

25 группа

Выяснение названий, входящих в эту группу, достигается лишь в результате этимологического анализа. Исходными служат названия нескольких видов *Epilobium* — *кипрей*.

к и п р е й

Первоначально это слово считалось производным от названия острова Кипр¹³⁷. В. Махек предполагает, что *кипрей* — результат преобразования из *скрипун*, но все же считает слово неясным. Ф. Славский первый высказал мысль о праславянском характере этого слова и дал его развернутую этимологию. Название *кипрей* представлено во всех славянских языках: русск. *кипрей*; диал. *кипер*, *киперь* 'Stipa capillata'; укр. диал. *кипрей*

'*Epilobium*'; польск. *kiprzyca* 'Epilobium'; др.-польск. *kypr*, *kyprz* 'Galeopsis tetrahit'; чеш. *kyprej* 'Lythrum'; словц. *kypra*, *kyprina*; словен. *kiprej*, *kiprc*, *ciper*, *ciprc*¹³⁸. Праслав. **kyprъ*, **kyprь* с различными вторичными суффиксами в отдельных славянских языках: -*ica*, -*ina* и т. д. Ф. Славский считает, что слово **kyprъ* образовано от глагола **kyprěti* 'кипеть' с тем же суффиксом -*r*-, что в словах **xytrъ*, **mokrъ*, **pъstrъ*. Возможность такой производности со стороны значения он аргументирует многочисленными примерами из славянских языков, где существует прилагательное **kypru*: чеш. 'рыхлый, пышный', н.-луж. 'слабый, утлый', в.-луж. *kipry*, кроме того, еще 'ломкий'; укр. диал. *kypruj* 'пористый, мягкий, рыхлый', болг. диал. *kipъr* 'дородный, складный', макед. *kipra* 'красивая', *kipri se* 'украшать'¹³⁹. По Ф. Славскому, все эти значения развились из одного представления об увеличении чего-то, кипении, откуда, с одной стороны, значение 'пористый, губчатый', с другой — 'слабый, бессильный' и противоположное 'дородный, красивый'. Ср. эпитет *пышный* для обозначения красоты. Название растения, по мнению Ф. Славского, возникло из-за опушенных семян, высыпавшихся («кипящих») из семенной коробки¹⁴⁰.

Эта мысль последовательна и вполне доказательна; отношения глагола *кипеть* и производного *кипрей* могут быть и такие, как у *бурить* 'лить через край' и *бурьян* 'сорняк'. *Epilobium* разрастается очень бурно, особенно на порубках.

Но возможно и иное объяснение семантических отношений при сохранении формальной схемы. Есть основания предполагать, что глагол *кипеть* наряду с основным значением имел еще значение 'пахнуть' (ср. статью *купырь*). Вряд ли случайно, что различные пахучие растения носят в славянских языках однокоренные наименования: *кипрей*, *купырь*, *копер* (на праславянском уровне: **kyprъ*, **kiprъ*, **koprъ*, дающие регулярные отношения гласной корня *u/ou/o*).

¹³⁸ Словенские примеры взяты из кн.: F. Bezla j. Etimološki slovar slovenskega jezika (poskusni zvezek). Ljubljana, 1963, стр. 16.

¹³⁹ «Речник на македонски от јазик», I. Скопје, 1961, стр. 329.

¹⁴⁰ F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, стр. 168—169.

¹³⁷ V a s m e r. REW, I, стр. 559.

иван-чай

Один из видов кипрея *Epilobium* (или *Chamaenerium*) *angustifolium* L. носит название *иван-чай*. По А. Соболевскому, имя *Иван* распространяется в России с XIV в. и приобретает большую популярность. Значительное число растений получает названия, связанные с этим именем: *иван-да-марья*; укр. *иван-зилья* 'синий зверобой', *иванок* 'зверобой', *иванчик* 'подмаренник', *ивасик* 'белый клевер' (Преобр. I, 262-263); русск. арх. *иванчики* 'колокольчики': «*иванц'ик'и* — *иваныма звал'и*» (арх., приоз. Кимяг.), *иван-трава* '*Epilobium angustifolium*' (дон. Мирт., 383).

Растение было названо *чаем* потому, что его обычно заваривают вместо чая [ср. *дикий чай* '*Epilobium angustifolium*' (яросл. Якуш., 44)], но почему оно было названо *ивановым чаем*, сказать трудно. М. Фасмер считает, что растение назвали так потому, что из него готовили русский чай, но он же не исключает возможности связи с топонимом *Иван-город*¹⁴¹.

Несмотря на то, что само название возникло в русском языке довольно поздно, структура его очень архаична. Возможно, что первоначально слово имело форму **ивань-чай*, с позднейшим отвердением *н*.

копорка

Epilobium angustifolium назывался еще *копоркой*, *копорским чаем* (арх. Подв., 70). По мнению М. Фасмера, это наименование возникло от местного названия *Копорье*, где изготовляли чай из кипрея¹⁴².

горма

В говорах б. Олонецкой губ. это растение называется словом, заимствованным из финских языков: *горма*, *форма* (олон. Кул., 16). Я. Калима выводит это название из карельского *horma* (название того же растения), фин. *horma* то же. «Если слово было заимствовано из лапландского, — пишет он, — то понятен и вариант с *ф*, так как

¹⁴¹ V a s m e r. REW, I, стр. 468.

¹⁴² Там же, стр. 620.

в лапландском наблюдается мена *h/f*, ср. лапл. *horma* '*Epilobium angustifolium*', *foarbma* или *hoarbma* '*Rumex domesticus*'»¹⁴³.

Эпизодические названия кипрея *скрыпень* (брян. Ти-хан., 80) и *красноголовник* (арх., красн. В. М.).

26 группа

Название растения *Agrostemna githago* L. *куколь* входит в семантическое поле слова *колокол*, как будет видно ниже.

куколь

Гой еси ты, солнце красное, не пали и не пожигай ты овощ и хлеб мой, а жги и пали *куколь* и палынь-траву.

Русская народная песня

Общеславянское и праславянское **korkolъ* есть один из звукоподражательных вариантов названия колокола: **korkolъ* > *колокол*, **konkolъ* > **korkolъ* > *куколь*. В подтверждение этой этимологии М. Фасмер приводит англ. *cockle*, нем. *Kloekenblome*. Один из дополнительных аргументов в пользу этой этимологии дают русские говоры. Головки льна и конопли по говорам носят названия *колоколба*, *колоколлина*, производные от *колокол*. Абсолютно с теми же значениями выступает и слово *куколь*: 'головки льна после околачивания', 'головки конопли', 'семена и шелуха сорных трав'. Думается, что абсолютное совпадение значений здесь происходит потому, что это два варианта одного и того же слова.

Цветок растения *Agrostemna githago* L. напоминает колокольчик, образ, достаточно широко применяемый в названиях растений.

В. Махек склонен считать праслав. **korkolъ* результатом метатезы слова, близкого по форме к нем. *Lolch*, в основе своей доиндоевропейском¹⁴⁴. Думается, что более простая этимология Фасмера ближе к истине.

¹⁴³ J. K a l i m a. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 93.

¹⁴⁴ V. M a c h e k. Указ. соч., стр. 77.

27 группа

Названия дикорастущего лука и чеснока образуются по тому же принципу, что и названия других дикорастущих растений, сходных с культурными:

лук — дикий лук
гусиный лук
каменный лук и т. д.
чеснок — мышиный чеснок
полевой чеснок
заячий чеснок и т. д.

Но в то же время есть несколько самостоятельных названий: для *Allium ursinum* — черемша и калба, для *Allium paniculatum* — скорода.

черемша

Это одно из самых древних слов в названиях растений, на индоевропейском уровне оно не имеет прформы, к которой могло бы быть возведено, а существует как цельное слово с тем же значением, что и в современных языках. По сути дела оно отражено почти во всех индоевропейских языках: греч. *χρέμωον* Hes. и *χρόμωον* < **kremusom*; в кельтских языках: ср.-ирл. *crim*, Gen. *crema*, кимр. *craf*; германские языки представлены многочисленными формами: англосакс. *hramsan*, англ. *ramson*, норв., швед., дат. *rams*, ср.-н.-нем. *ramese*, *remese*, др.-в.-нем. *ramusia*, н.-в.-нем. *rams* < прагерм. **hramusan*; литовское *kermūšė* параллельно славянским формам: праслав. **čermъša*, **čermiша* (русск. черемша, черемица, черемушка, польск. *trzemucha*, серб., продолжающее формы с *k*, *sr̥ijemuš m - ša f*; *sr̥ijemiž*, -žā); сюда же относят санскритское название вида перца *kramika-h* и даже венетское *Cremona*¹⁴⁵.

¹⁴⁵ J. Pokorný. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959, стр. 580—581; E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg, 1907, стр. 520; H. Marzell. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen. Leipzig, 1937, стр. 210—211.

скорода

Южнорусское и поволжское название дикорастущего лука и чеснока (ряз. Дитт., 222; пенз., лунин. Пашк., 87; Д IV, 204; ворон. Анн. Прост., 13). Миртов приводит донское *скбрда* то же. Ф. Миклошич и М. Фасмер считают слово заимствованным из греческого: ср.-греч. *окордов*, греч. *окордов* 'чеснок'¹⁴⁶. Но ср. еще укр. зап. *скорода* 'полевой дикий лук и чеснок'¹⁴⁷.

калба

В Сибири (главным образом на территории б. Томской губ.) старое славянское слово *черемша* вытеснено заимствованным *калба* (том., ачин., кузнец., минус. Сл. р. яз. IV, 1, 207; IV, 5, 1422; камч. Д³ II, 344). Так, в шорском, лебединском, сагайском, койбальском называют то же растение *kalba*, телеутское *kalma*¹⁴⁸.

28 группа

Эта группа объединяет четыре водных растения: шильник (*Alisma plantago* L.), стрелолист (*Sagittaria sagittifolia* L.), водяные орехи (*Trapa natans* L.) и козелец (*Scorzonera tuberosa* L.). Первые два растения близко родственны и сходны внешне, но стрелолист отличается одной особенностью — его листья напоминают наконечник стрелы, вторые два растения внешне не сходны, но тоже растут в воде и имеют съедобные корневища или клубни. Схема отношений реалий и названий (вернее форм и значений) изображена в табл. 6.

батлачик

В научную литературу, как и в литературный язык, иногда проникает один из произносительных вариантов заимствования, не всегда наиболее точно соответствующий

¹⁴⁶ М. Фасмер. Греко-славянские этюды. СПб., 1909, стр. 185.

¹⁴⁷ И. Свенцицкий. Опыт сравнительного словаря русских говоров (галицко-бойковский говор). — Ж. Ст., год 10-й, 1900, стр. 227.

¹⁴⁸ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. II. СПб., 1899, стр. 270—272; Васмер. REW, I, стр. 507.

Таблица 6

	«Трапа»	«Alisma»	«Sagittaria»	«Scorzonera»
батлачик	+	—	+	+
чили́м	+	—	—	—
водяные орехи	+	—	—	—
стрелица	—	—	+	—
шильник	—	+	+	—

щий первоисточнику. Руководствуясь только литературным *батлачик*, трудно установить происхождение слова. В низовьях Волги, в Астраханской обл. и в примыкающих украинских говорах растения *Sagittaria*, *Трапа natans* и *Scorzonera tuberosa* называют *батлачик*, *мадлачик*, *батманчик*, *бодманчик*, *банцушник*, *батланчук*, *батлан*, *батманчук* (Анн. Б. сл., 73, 321, 356; дон. Мирт., 377; Мак., 322). Все эти варианты — результат всевозможных модификаций с заимствованным из татарского языка названием водяных орехов (*Трапа natans* L.) *batmançyq*¹⁴⁹. Наиболее близка к исходной форма *батманчук*. В татарском языке слово *batmançyq* — уменьшительная форма к слову *batman*, имеющему значение различных мер веса (в том числе 'полный горшок, кувшин')¹⁵⁰, так что *batmançyq* может значить 'кувшинчик, горшочек', название водяных орехов по форме, аналогичное русскому *котелки* тоже (Д. I, 407).

чили́м

Уральское название водяных орехов (урал. Карп., 83; урал. Шейн., 49, Д³ IV, 1340) тоже несомненно заимствование из тюркских языков: кирг. *джилим*; тат. *чили́м*, *июлим*, *гилим* (Анн. Б. сл., 356-7).

стрелица

Русское архангельское название *Sagittaria sagittifolia* — *стрелица* (арх., приоз. Кимяг.) соответ-

¹⁴⁹ Tatarca-ursca syzlek. Казань, 1931, стр. 42.

¹⁵⁰ *Патман* 'полный горшок', *батман* 'глиняная посуда вроде кувшина': Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1964, стр. 29.

ствует украинскому *strila*, *strilka*, *strilyća* (Мак. 322), польскому *strzałka* то же. Как и в случае со словом *трилистник*, кажется более правдоподобной мысль, что это собственно славянское слово, а не калька латинского термина. Выделяемый признак растения настолько ярок и оригинален, что названия такого рода могли самостоятельно возникать в разных языках: ср. чеш. *šipenka*, в.-луж. *šipica* (при *šipica* 'стрела') (Mach., 262), хотя В. Махек склонен считать все эти названия кальками с латинского. Но ср. еще: н.-луж. *mil*, блр. *милица*, сопоставляемые с лит. *smailūs* 'острый'¹⁵¹, польск. *uszysca*, *uszne liście*, которое может быть производным от корня в значении 'колоть'.

водяные орехи

Болотные орехи, колкие орехи, чертовы орехи — имеющие общеславянское распространение названия *Трапа natans* L. Ср. укр. *orix bolotnyj*, *bolot'anyj*, *čortiv*, *plavňovyj*, *vod'anyj* (Мак., 374); чеш. *vodní*, *blatní*, *čertův ořech*, польск. *orzech wodny*, с.-хорв. *vodani orah* (Mach, 151). Трудно сказать, что здесь самостоятельно, а что является калькой немецких названий *Wassernuss*, *Teichnuss*, *Stachelnuss*, *Seenuss*, *Spitznuss* и т. д.

Второстепенные названия *Трапа natans* *рогожки*, *рогульки* (том. Анн. Б. сл., 354); *Sagittaria* *гусиные лапки* (дон. Мирт., 71), *болотник* (твер. Пупар.), *гусятник* (сарат. Анн. Б. сл., 308), *козлы* (там же).

29 группа

Два растения небольшого семейства касатиковых *Iris* (ирис) и *Gladiolus imbricatus* (шпажник) имеют часть наименований общую с растением другой группы — аиром (*Acorus calamus*). Все названия этих растений метафорические и отражают их сходство с тем или иным предметом.

¹⁵¹ О. Н. Трубачев. О праславянских лексических диалектизмах серболужицких языков. «Серболужицкий лингвистический сборник». М., 1963, стр. 16.

касатик

Слово *касатик* — старое праславянское название *Iris*. Ср. русск. *косатик*, *косатник*, *косарь*, *косица*; укр. *kosateń*, *kosatyk*, *kosaryku*; польск. *kosaciec*; чеш. *kosatec*; праслав. **kosatъsь*, **kosatikъ* от **kos-at-* в значении 'растение с листьями, похожими на косы'.

сабельник

Подобно чеш. *meřík*, русские названия *приса*, *аира* и *шпажника* — *сабельник* (так же, как и *шпажник*) — вероятнее всего калька нем. *Schwertel*, лат. *gladiolus*; ср. аналогичное польск. *mieczyk*, хорв. *mačic*, *mačinas*.

петушки

Петухами, *петушками* называются многие растения. Этот образ так же устойчив, а название так же обобщающе, как *лопух* или *кашка*. Как *лопухом* называют любое растение с крупными листьями, *кашкой* — растения с мелкими цветами, собранными вместе, так *петушками* обычно называются растения с голым стеблем и кистью цветов наверху. Достаточно вспомнить детскую игру «в петуха и курочку». По говорам *петухами* называют цветущий щавель (вят. Зелен., 113; твер. МДК, 345), цветы клевера (олон. Кул., 97); льнянку (там же); *кочеток* 'стебелек' (ряз. Будде, 57).

Названия *Iris* и *Gladiolus* в украинском и русском языках отражают все многообразие названий петуха:

петух — *петушки*, *pitišku*

кочет — *кочеток*, *кочетки*

когут — *kohutyk*

певень — *певенники*, *pivnyk*, *pivnyku*,
pivonnyk

30 группа

Два растения в русском языке носят странное название *буквица* (*Betonica officinalis* L. и *Primula veris* L.), первоцвет, известный в народе под именем *баранчиков*. Я оставляю в стороне многочисленные иные названия этих растений, а останавливаюсь только на названных двух.

буквица

Это общеславянское название *Betonica officinalis*: русск. *буквица*, *буковица*, *буковина*; укр. *bukvŭsa* (Мак., 55); ст.-чеш. *bukva*, *bukvice* и *bukovice*; слвц. *bukvica*; польск. *bukwica*, *bukwa*, *bukwica*; хорв. *bukvica* (Маш., 198—199).

В русском языке это слово широко распространено в говорах: *буквица* (тул., орл. Будде, 117; олон. Кул., 7; Д I, 139); *буковица* (смол., ельн. Добр., 43; орл., кур. Кардаш., 259; орл. Добр., 321). Ср. еще: «Вели, государь, мнѣ дать для моей головной болѣзни из своей аптеки:... водокъ: свороборинной, *буквинной*...»¹⁵².

Попытка этимологизации этого интересного названия есть лишь у Ростафинского. Он объясняет происхождение его тем, что *Betonica* имеет сросшиеся, как у *бука*, листья.

Если эта этимология верна и название травянистого растения связано с названием дерева, то тем более любопытно устойчивое сохранение слова *буквица* в русских говорах, тогда как слово *бук* в русских говорах отсутствует, потому что дерево на территории России не растет.

баранчики

Это образное название употребляется по отношению к первоцвету (*Primula veris*) и будре (*Nepeta glechoma*). Называют *баранчиками*, *барашками* также почки на вербе, иве. Отношение 'овечки, ягнята' → 'почки на вербе' представлены многочисленными примерами: ср. укр. *базя* 'овца' и 'сережка на дереве', *багниця* 'овца' и 'верболоз'; блр. *багня* 'пушистая почка на вербе'; польск. *bagniatko*; слвц. *bahnitka* то же. В основе образа лежит представление о чем-то белом и кудрявом. Ср. *барашки* 'пена на волнах, кудрявые светлые волосы' (Д³ I, 120).

Эпизодические названия *Primula veris*: *куритина*, *горлупа*, *скороспелка*, *божьи-ручки*, *кудель*, *клячики*, *одкашник* (смол. Добр., 522; Д I, 340), *Betonica officinalis* *дыман*, *полевой шалфей* (Д³ I, 340).

¹⁵² Акты исторические, т. III. СПб., 1842, стр. 289.

31 группа

Растение *Stellaria media* L. особенно хорошо сохраняет влагу, поглощая ее не только подземными, но и надземными частями. Эта особенность нашла свое отражение в восточнославянском названии растения.

мокрица

Это имя собственное для *Stellaria media*. Русск. *мокрица* (моск. Анн. Прост., 91; арх., приоз. Кимяг.; арх., виногр. В. М.; смол. Добр., 414; олон. Кул., 57; кир., вожг. Гор., 286; арх., печор. Иваш., 158; новг., пооз. Овч., 297; арх. Гранд., 197); *мокрец* (новг., череп. Герас., 55; твер., мст. Строг., 64; волог., устюж. Диал. сб., 32; симб. Мотов., 25; Д³ II, 881), *мокришка*, *мокруша* (Сл. Оби, 2, 151); укр. *tokres*, *tokreč*, *tokruča*, *tokrupč* (Mak., 360); блр. *мокруха*.

В других славянских языках в основу названия растения положены иные признаки (см. Machek, 74—75).

32 группа

Объединяет значительное число душистых растений семейства губоцветных: душицу (*Origanum vulgare* L.), пахучку (*Calamintha clinopodium* L.), мяту (*Mentha*), шандру (*Marrubium vulgare*). По тому же признаку, сильному запаху, в эту группу включается несколько растений других семейств: душистая фиалка (*Viola odorata*) и базилик (*Ocimum basilicum*). По принципу внешнего сходства сюда же примыкает и непахучее растение будра (*Nepeta glechoma*).

В центре этой группы стоят два слова: название культурного растения *мята* и славянское название ароматических растений *душица*. Так же, как и в других группах, по принципу сходства и в то же время отличия от культурного растения, образуется большое число производных названий, опорой для которых служит название культурного растения. Ср.:

мята	{	дикая мята
		глухая мята
		конская мята
		кошачья мята
		лесная мята
		собачья мята и др.

мята

Культура мяты, как и многих других пряностей, была заимствована. Первое упоминание мяты в древнерусских текстах относится к 1119 г. (Юрьевское евангелие).

Пути заимствования слова *мята* остаются неясными. М. Фасмер в «Греко-славянских этюдах» считает восточнославянскую форму *мята* заимствованной из лат. *mentha*, а западнославянскую *metwa* из среднегреческого¹⁵³. Мысль о заимствовании из греческого поддерживают Кипарский и Махек; последний все формы выводит из греческого¹⁵⁴. В этимологическом словаре русского языка Фасмер отказывается от своей первоначальной точки зрения ввиду наличия западнославянских форм и предполагает, вслед за Миклошичем и Преображенским, заимствование из латинского через германское посредство (ср. гот. *mintā*).

душица

Общерусское и этимологически прозрачное слово, образованное от *дух* 'запах'. Все среднерусские, южнорусские говоры, говоры Поволжья и Сибири имеют слово *душица* как название *Origanum vulgare* и некоторых других пахучих растений. В северо-западных и части северных говоров с этой целью употребляется слово *духмянка*, *душмянка*. Это образование от прилагательного *духмяный*, *душмяный* 'душистый'. Тип прилагательных с суффиксом *-мян-* распространен главным образом в северо-западных и части северных говоров. Как правило этот суффикс присоединяется к основам, оканчивающимся на *с*, *х*, *ш*, реже *к* и *д*. Ср. *слухмяный* 'имеющий хороший слух', *послухмяный* 'послушный' (смол.,

¹⁵³ М. Фасмер. Греко-славянские этюды. СПб., 1909, стр. 132.

¹⁵⁴ V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 203.

слов. Кустар., 121); *сухмѣный* 'сухой' (арх., приоз. МГУ), *тусмѣнный* 'тусклый' (волог. Потан., 231), *редмѣнный* 'редкий' (мар. Моисеен., 318).

Северному *-мян-* в южных говорах соответствует *-мѣн-*: *слухмѣнный* (брян. Тих., 82; тул. МДК 9, 57); *по-слухмѣнный* (орл. Будде, 132).

Вариантность здесь, возможно, заключалась в присоединении вторично суффикса прилагательных *-ѣн-* и в отсутствии его: **сѣх-теп-ѣѣ* и **сѣх-теп-ѣн-ѣѣ*, первое дало *сѣхмѣный*, второе — *сѣхмѣнный*.

Для названия этих растений использовались и другие словообразовательные возможности: простое определение: *душиная трава* (перм.) ср. перм., *душнѣй*, олон. *дѣшнѣй* 'душистый', образование с суффиксом *-анка* — *дѣшнѣанка* (свердл.); суффикс *-к (а)* — *дѣшка*, *дѣшки*.

Число второстепенных названий этих растений очень велико: *Mentha piperita* *холодянка* (удм. Бараш., 284); *Mentha arvensis* — *глухая мята*, *глушница*, *перекон* (удм. Бараш., 274; Д³ III, 978); *Origanum vulgare* *материнка*, *зеновка*, *ладонка* (волог. Анн. Б. сл., 235), *синявка*; *Climopodium* — *пахучка*, *василечки*, *шаружник*, *матерник*, *базилика*, *дикий василек*; *Viola odorata* — *маткина душика*; *Ocimum basilicum* — *базилик*, *василек*; *Nepeta glechoma* *подбируха*, *плющик* (вят.); *котовник* (вор.), *расходник* (юж.), *котовник* (птрб.), *сороконедужная*, *баранчик*, *будра*; *Marrubium vulgare* — *шандра*.

33 группа

Пряное растение тмин (*Carum carvi* L.) носит два названия; одно исконное, второе заимствованное, причем последнее, будучи литературным, постепенно вытесняет народное наименование.

гуньба

Старое русское название тмина, представленное довольно широко (олон. Кул., 18; арх. Подв., 36; волог. В. г. в., 1852, 46; тоб. Скалоз., 22; прибалт. Немч., 75; Д I, 408).

Происхождение слова неясно. Кроме растения, *гуньбой* в говорах называют еще сыпь во рту у грудных де-

тей, молочницу. Для последнего слова можно предположить такой путь развития: глагол *гунить* в говорах значит 'говорить', *гуньба* — отглагольное имя типа *ходьба*, *пасьба* с предположительным значением * 'разговор' и 'наговор', ср. *озѣв* 'болезнь от наговора' от *зевать* 'кричать' и др. Так как большая часть детских болезней считалась возникающей от дурного глаза, злого слова, то, естественно, что молочницу называли таким образом.

Название растения произошло уже, вероятно, вторично от названия болезни в результате внешнего функционального сходства: семенами растения посыпают хлеб, печенье (молочница тоже «высыпает», «посыпает») и т. д.

тмин

Путь заимствования этого слова тот же, что и у многих других заимствованных названий растений: из одного из западноевропейских языков в польский, из польского в украинский, а затем в русский язык.

Первоначальный источник слова греч. *κάρμινον*, в свою очередь проникшее из семитских языков. В латыни греческое заимствование было отражено как *сѣтѣнит*, *сѣтѣнит*. Из др.-в.-нем. (где слово звучало как *kumīn*) или непосредственно из латинского название растения проникло в польский в виде *kmin*, отсюда в украинский, который представляет многочисленные варианты: *сѣтѣн*, *сѣтѣн*, *кѣтѣн*, *кѣтѣй*, *kmin*, *kmiń*, *кѣтѣн*, *tmn*, *tmn* (Мак., 85). В русские говоры и в литературный язык слово проникло через украинское посредство, поскольку мы имеем литературное *тмин*, а не *кмин*, как было бы при заимствовании непосредственно из польского. Русские говоры дают несколько своих вариантов приспособления чужого слова: *кмин*, *кимин* (Д IV, 408), *тимон* (моск. Черн., 156; Д там же).

Прибалтийско-псковское *кмин* (прибалт. Немч., 123) может быть пришло прямо из польского языка.

Появление *t* на месте *k*, вероятно, связано с таким посредствующим звеном, как *сѣтѣн*.

* * *

Рассмотренный в этой главе материал составляет лишь небольшую часть всех названий травянистых рас-

тений в русских говорах. Но так как принцип отбора этих названий был не лингвистический, то мне кажется, что выводы, сделанные на основании даже незначительного материала, могут иметь определенную доказательную силу.

Эти выводы должны коснуться нескольких сторон: происхождение рассмотренных названий растений и их относительная хронология, их словообразовательная и семантическая структура и лингвистические данные для истории культуры.

Данная группа слов хронологически неоднородна, часть из них архаична, другая, напротив, относительно поздняя по происхождению.

Самый древний пласт — это те названия, которые относятся к индоевропейской эпохе, когда праславянский был еще одним из диалектов индоевропейского. Сюда относятся семь слов, архаичных по своей структуре, которые не только могут быть проэтимологизированы лишь на индоевропейском уровне, но в других индоевропейских языках им соответствуют названия тех же или близких растений. Таковы слова *черемша*, *пырей*, *осо́т*, *очерет*, *папоротъ*, *ситá* и *тростник*. Праслав. **čermъša* < **kermusja* имеет соответствия в большинстве индоевропейских языков: греч. *κρέμμων* и *κρόμμων*, ср.-ирл. *crim*, кимр. *craf*, англосакс. *hramsan*, др.-в.-нем. *ramusia*, н.-в.-нем. *rams*, лит. *kermiūšė*, возможно др.-инд. *kramuka-h* и венет. *Cremona*.

Соответствия для праслав. **pyro* имеются в балтийских, германских, греческом и древнеиндийском: лит. *pūrai*, др.-прусск. *pure*, англосакс. *furs*, греч. *πύρος*, др.-инд. *pūras*.

Для праслав. **raportъ* есть параллели: лит. *rapartis*, *rapartys*, лтш. *paraīde*, *raparkste*, др.-в.-нем. *farn*, ирл. *raith*.

Праслав. **osъtъ*, греч. *ἄκανα*, *ἄκανθος*; в балтийских родственная форма имеет иное значение.

Для праслав. **sitъ*, **sita* имеется соответствие в др.-исл. *sef* 'осо́ка'.

Праслав. **trъstъ* соотносится с лит. *trušis*, греч. *θρούς*; а **čertъ* с др.-ирл. *curchas*.

Любопытна как семантическая, так и реальная сторона этих названий. Значения их исключительно устойчивы во всех индоевропейских языках, между всеми приводимыми

параллелями может быть поставлен знак равенства со стороны значения. Этимологически они разнородны, такие, как **čermъša* и **pyro* не имеют этимологии; **raportъ* входит в большую группу индоевропейских слов в значении 'летать', 'перо, крыло' и является названием образным, но тем не менее очень устойчивым. Такие формы, как **osъtъ*, **sita* и **čertъ*, есть лишь одно из проявлений или образований обширных этимологических гнезд, первое со значением 'острый, острие, шип', вторые со значением 'плести, гнуть'.

Со стороны реалий это названия дикорастущего лука, пшеницы, папоротника, осота и трех озерных растений, употребляемых для плетения.

Второй значительный пласт составляют праславянские наименования, возникновение которых может быть с большей или меньшей степенью вероятности отнесено к праславянской эпохе. Таких слов сорок, что составляет немногим менее трети всех рассматриваемых слов.

Названия, представленные во всех славянских языках или во всяком случае во всех группах славянских языков: **lopiхъ*, **drěstъ*, **rogozъ*, **bodlъ*, **kyslica*, **goruxa* / **gorъčica*, **žeruxa*, **detelina*, **ľboda* / **leboda*, **kropiva*, **rěpъjъ*, **devesilъ*, **pelyni* / **pelunъ*, **čъrnobyľ*, **mana* / **manъka*, **kypъrъjъ*, **odolěňъ*, **svъrbigozъ*, **bъrъšъčъ*, **bedъrъňъcъ*, **ščavъ*, **bukvica*, **medunica*, **melčъ*, **kъkolъ*, **sverěpъ*, -a.

Названия, существующие лишь в восточнославянских и западнославянских языках, праславянское происхождение которых доказывается архаичностью их структуры: **lototъ*, **palъka*, **deglъ*, **koničina*, **xvošъčъ*, **kosatъcъ*, **ledъvěňъcъ*.

Диалектные формы, праславянское происхождение которых может быть доказано: **kipъrъ*, **gorupa*, **orzъxodъnikъ*.

Значения этих слов тоже достаточно устойчивы в славянских языках, но иногда довольно общи: **medunica* 'медоносное растение', **melčъ* 'растение с белым соком', **kyslica* 'кислое растение'. Признаки, выделяемые в растениях, очень многообразны: вкусовые качества: **kyslica*, **goruxa*, **pelyni*, **mana*, **ščavъ*, **bъrъšъčъ*; лекарственные свойства: **drěstъ*, **devesilъ*, **odolěňъ*, **bedъrъňъcъ*, **deglъ*; внешние свойства (форма, запах, цвет и т. д.): **lopiхъ*, **rogozъ*, **bodlъ*, **ľboda*, **kropiva*, **rěpъjъ* и др.

Круг растений очень велик: это представители различ-

ных семейств, самые разнообразные свойства которых были уже, по-видимому, достаточно хорошо известны.

Современное состояние русской народной ботанической терминологии характеризуется несколькими чертами: наряду с сохранением архаизмов, обилие местных диалектных названий; активное проникновение заимствований на севере и северо-востоке из финских (*в́ахта*, *ќаржла*, *х́аньга*, *п́учка*, *ќортеха*, *ѓорма* и др.), а на юго-востоке из тюркских языков (*батлачик*, *сусак*, *камыш*, *кугá*, *аир*, *ча́кан*, *бодран*, *тукмачи*, *гардал* и др.). Отчетливо видна роль южнорусских говоров в формировании русской литературной ботанической терминологии. А так как в лексике южнорусских говоров, особенно курских, донских, воронежских, значительный процент составляют украинские заимствования, то усиливается роль последнего в формировании русской литературной терминологии. Украинский язык в свою очередь является активным посредником в передаче полонизмов, чехизмов, тюркизмов, а нередко и заимствований из немецкого и латинского языков. Русский литературный язык, оказывая активное влияние на народные говоры, приводит к замене местных народных названий литературными. Очень характерна в этом смысле судьба таких слов, как *ромашка*, *пижма*, *аир*, *буркун*, *очиток* и мн. др. Типично и вытеснение старых славянских наименований новыми заимствованиями, ср. распространение таких слов, как *камыш*, *кугá*, *калба* и др.

Описание словообразовательных закономерностей на основании ограниченного материала может быть только довольно общим и позволяет наметить лишь основные характерные черты. С формальной стороны названия травянистых растений не имеют принципиальных отличий от названий предметов вообще. Вероятно, достаточно древним, получившим значительное распространение в славянских языках, но затем постепенно угасшим, был тип сложений-приложений: *разрыв-трава*, *плакун-трава*, *царь-трава*. Этот тип сложений подробно описан Потебней и восходит, по его мнению, к периоду недостаточного разграничения существительного и прилагательного¹⁵⁵. Сте-

¹⁵⁵ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. «Об изменении значения и заменах существительного». Харьков, 1899, стр. 172 и след.

пень свободы этих сложений различна, в условиях метафорического названия они представляют некое неразложимое целое, ср., например, *быж-трава*, *царь-трава* и др. В случае неметафорического названия такие сложения свободны: ср. «*шишабар-трава* всем травам трава», *дягиль-трава* и «есть трава *дягиль*». Старинные лечебники, травники, рукописи показывают, что обычай такого названия достаточно стар, но постепенно угасает.

Рассматривая структуру собственно названия растения, можно выделить целый ряд архаичных форм: на индоевропейском уровне расширители *-t-* и *-s-* (ср. **osъtъ*, **paportъ*, **čermъ ša*).

На праславянском уровне целый ряд продуктивных суффиксов: *-jъ* (**xvošъ*, **bъršъ*, **melъ*); *-ухъ*, *-ица* (**loruxъ*, **rěpuxъ*, **goruxa*, **žeruxa*); *-ica* (**kyslica*, **bukvica*, **gorъčica*); *-lъ*, *ръ* (**dęglъ*, **kuprъ*, **bodlъ*); *-ьjъ* (**ščavъjъ*, **pyrъjъ*, **kypръjъ*, **rěpъjъ*); сложения: **svъrbigozъ*, **devęsilъ*, **čъrnobyлъ*; редкие суффиксы *-oda* в **lъboda*, *-ozъ* в **rogozъ*, *-iva* в **kropiva*, *-ěpa* в **sverěpa*, *-yni* в **pelyni*.

Следует отметить как характерную черту колебания парадигматические, типа *сит*, *ситá*, *ситъ*, *рогоз*, *рогоза*, *трестá*, *тростá*, *трестъ*, *тростъ*; *осот*, *осота*, *осотъ*; *полянъ*, *релун*.

Продолжает действовать тенденция метафорических наименований: **kъkolъ*.

Современное состояние (понимая этот термин широко) характеризуется многими моментами. Наметившееся еще в глубокой древности стремление к метафорическому называнию растений продолжает усиливаться. Большое число суффиксов, получивших на протяжении истории языка значение экспрессивных, уменьшительных, активно выступает в роли словообразующих, значительную роль играют формы множественного числа, ср. наряду с такими образованиями, как *дудка*, *кашка*, названия типа *пéстики*, *червышки*, *баранчики*, *балаболки*, *чаюшки*, *кувшинчики*, *запонки* и т. д.

Очень характерна для говоров, как для разговорной ненормализованной формы языка, исключительная свобода словообразовательной модели слова. Постоянными компонентами остаются лишь основа и набор суффиксов. Ср., например, использование всех возможных словообразовательных средств в случаях: *молочная трава*, *молочница*, *молочай*, *молочник*, *молочажник*, *молокайник*, *молокан*,

молоканка, молоковник, молокенница или пестики, пёстье, пестовник, песток, пестуха, пестух, пестушняк, пестки, пестка, пестюшки, пестышый, пестигй, пестышкй, пестушкй, пестик, опестыш. Это многообразие характеризует или отражает многочисленные процессы, происходящие в говорах: активизация разных словообразовательных моделей в разных говорах, возможности использования словообразовательных средств для проведения семантических границ, активная замена устаревающих словообразовательных моделей новыми и индивидуальная свобода употребления любого синонимичного суффикса, так как такой акт не нарушает коммуникации. Выводы из этих наблюдений, сделанные многими диалектологами, чрезвычайно существенны для этимологического анализа, они показывают возможность замены архаичной структуры новой модернизированной формой (ср. примеры в дисс.: Н. Д. Русинов. Угличская земледельческая лексика. Горький, 1955, стр. 14).

Возможность и даже неизбежность наличия на разных хронологических уровнях многочисленных словообразовательных вариантов типа **žeruxa*/**goruxa*/**gorčica*, иногда имеющих географическую диалектную приуроченность, а иногда лишенных ее.

Составные наименования растений (имя прилагательное + имя существительное), являясь, несомненно, более поздними, чем названия-приложения, тем не менее исключительно продуктивны, начиная от праславянского периода до наших дней. При единстве формальной структуры они неоднородны с точки зрения семантических моделей.

Любопытен еще и факт взаимодействия семантических полей и словообразовательных тенденций. Ср., например, наличие у поля названий растений, используемых для плетения, обязательности наличия форм собирательности и единичности, повторяемость определенной концовки слова в поле зонтичных, ср. *дягиль*, *бугиль*, *будиль*, *купырь* и др.

Значительное место в этой главе уделено семантике в ее отношении к этимологии. Исключительно конструктивным оказалось применение теории микрополей для анализа происхождения названий растений. Не имея возможности за отсутствием данных конструировать конкретные микрополя, а пользуясь лишь набором элементов

данного микрополя (употребляя для этого термин *группа*), мы с неизбежностью наблюдаем семантические закономерности в рамках группы: воспроизведение во времени и в пространстве одних и тех же семантических моделей; ограниченный набор моделей для каждой группы в целом (ср. группу 2, 3 и др.). Характер построения данного микрополя нередко помогает найти правильное этимологическое решение (см. анализ слова *пырей*). Кроме установления типичной модели в рамках данного поля, многочисленны случаи, когда необходимо выяснение этимологического основания для определенного понятия. Это характерно в первую очередь для названий неустойчивых, имеющих значительное число синонимов (ср. анализ слова *рдест*).

Нередко возникает необходимость семантической реконструкции. Такая реконструкция возможна лишь с привлечением всего семантического окружения, анализа всех родственных слов, фразеологизмов, восстановления истории слова и т. д. По словам Шухардта, «подобно тому, как всякая работа начинается с предварительных и пробных операций, так и для того, чтобы установить происхождение слова, необходимо прежде всего сгруппировать около него все, что аналогично ему внутри пространственных и временных границ». См. возможность реконструкции для слова *сырой* в восточнославянских языках значения 'зеленый, цветущий, свежий' и др. примеры.

Анализ словосочетаний типа *кошачий горох* приводит к мысли, что слово *кошачий* в этом сочетании лишено всех семантических связей с родственными словами и несет функции слова-заменителя наряду с другими словами в этой функции. Установление этой закономерности позволяет иногда протимологизировать стяженную форму, внешние формальные связи которой нередко наводят на ложный путь.

Оценка рассматриваемого материала с точки зрения культурно-исторической заставляет прийти к следующим выводам. Бросается в глаза противоречие между огромным числом названий съедобных растений и ничтожным числом названий, в основании которых лежит признак, указывающий на их употребление как съедобных. К последним могут быть отнесены слова, в которых нашли отражение вкусовые качества растений, такие, как **kyslica*, **goruxa*, может быть, **ščavь* и **brščь*, если признать до-

казанной их связь со словами **sokъ* и **brъzgnoti*. Названия *житница*, *хлебница* отражают употребление растений в качестве съедобных. Косвенным свидетельством употребления служит устойчивость значения и постоянство употребления в большинстве индоевропейских языков названия дикорастущего лука.

Также косвенным свидетельством уровня развития хозяйства славян служит та активная роль названий культурных растений, которую они играли в формировании названий дикорастущих.

Культурно-исторические выводы из лингвистических данных могут быть лишь относительными. Тот факт, что в основании большинства названий съедобных растений лежит не признак съедобности, а какие-то другие признаки, не является еще абсолютным свидетельством того, что эти растения как съедобные не употреблялись, но в то же время он очень симптоматичен.

Думается, что лингвистические данные в этом случае не противоречат, а подтверждают данные истории и этнографии, показывающие, что славяне в праславянский период были народом земледельческим и собирательство в их жизни играло незначительную роль.

II

НАЗВАНИЯ ГРИБОВ

Если определение границ группы названий травянистых растений не всегда представляется с достаточной ясностью, то о такой тематической группе, как названия грибов, этого сказать нельзя. Определяемая своеобразием внелингвистических фактов, группа названий грибов относительно замкнута.

Исследованию подвергается в этой главе только русский материал, не очень значительный по объему. Представляется необходимым при рассмотрении такой семантической группы слов выявление типичных словообразовательных и семантических моделей. В последнем случае встает очень заманчивый аспект наблюдения: определение, насколько выявленные семантические модели характерны для данной группы лексики и в других языках. Второй аспект исследования — характеристика устойчивости и неустойчивости элементов группы в пределах русского и, шире, всех славянских языков. Рассмотренная с этих трех точек зрения тематическая группа слов может быть представлена и хронологически, т. е. возможно установление в ней более архаичного пласта. В этом смысле наша работа в какой-то мере смыкается с работами этнографов и историков культуры. Обособленное положение славянских народов в отношении употребления грибов представляет культурно-исторический интерес. Поэтому определение относительной хронологии всей тематической группы в целом косвенным путем дает ответ на вопрос чисто исторический.

Так как в большинстве случаев (речь идет только о данной группе лексики) словообразовательного и семантического анализ достаточно для установления этимологии слова, то этимологическому анализу в собственном смысле

этого слова (т. е. решению задачи в случае, когда какие-то элементы неизвестны) подвергается лишь незначительное число слов, включающих в себя несколько архаичных моделей и несколько поздних узкоместных образований.

Всего по материалам русских говоров мною собрано 350 названий грибов, хотя на самом деле их, вероятно, значительно больше. В каждом конкретном случае (говор одной деревни, иногда района) число названий колеблется от 10 до 50. Структура данной группы названий значительно отличается от структуры групп названий травянистых растений. Она представляет собою ряд равнозначными видами съедобных грибов. Проводимая дифференциация очень точна, а иногда деление проводится по таким признакам, которые позволяют выделить даже подвиды. Например, рыжик — *Agaricus deliciosus*, но существуют и такие определения: *рыжик-глухарь*, *боровой рыжик*, *подъелочник*. В данном случае есть указания на признаки, несущественные для науки. По степени терминологичности и тонкой дифференциации названия грибов совпадают с названиями культурных растений.

На роль обобщающего слова выдвигается один из элементов ряда: *грибы*, *рыжики*, *обабки* и т. д. Простейшая структура представлена в современном литературном языке. *Грибы*: *подосиновик*, *подберезовик*, *рыжик*, *груздь* и т. д. Аналогичная структура в ряде говоров, где присутствует лишь одно обобщающее слово, но как правило картина сложнее. Обычно проводится дифференциация между грибами, идущими в засол, и грибами, идущими в сушку, т. е. между грибами *Agaricus* и *Boletus*. В таком случае присутствуют два обобщающих слова и два ряда названий, противопоставленные друг другу, типа *грибы*: *белый гриб*, *подберезовик*, *подосиновик*... и *губы*: *груздь*, *рыжик*, *волнушка*...; *грибы* — *грузди*; *грибы* — *рыжики*; *обабки* — *рыжики* и т. д.

Возможно и тройное деление по способу употребления:

	отварухи
губы —	мочухи
	солонухи

или деление типа:

белый гриб — *черные грибы*.

Памятники письменности показывают, что и русскому литературному языку было свойственно противопоставление: *грибы* — *губы*, *грибы* — *грузди*, утраченное современным языком и сохраненное лишь в говорах (см. статью *губа*).

Несъедобные грибы обычно не различаются, они все носят общее название *поганок*, *поганых*, *собачьих грибов*, исключение составляет только *мухомор*. Необходимость, как прожектор, выхватывает кусок действительности и освещает его отчетливо и ярко, а остальное свалено в кучу ненужного неразобранного материала.

Итак, характер отдельных конкретных микрополей различен, не совпадает и состав входящих в них элементов, но тем не менее нет двух таких списков, где не было бы общих элементов. Последнее обстоятельство позволяет поставить вопрос о возможности и правомерности анализа всей группы слов в целом по материалам всех говоров, всегда не упуская из виду действительную сложность картины и относительный характер выводов. Такой анализ позволяет обнаружить определенные закономерности, свойственные данной группе слов в русском языке как едином целом.

* * *

Число словообразовательных моделей, чаще всего используемых в названиях грибов, не так уж велико. Наиболее характерны для этой группы лексики шесть основных типов моделей.

1. Словообразовательный тип: сочетание основы имени прилагательного с суффиксом *-ик*, который равно продуктивен в образовании имен как в северных, так и в южных говорах. Особенностью этой модели является то, что в ней выступают основы прилагательных, осложненные самими разнообразными суффиксами.

1. Основа прилагательного с суффиксом *-ов (-ев)* + *ик*: *моховик* (моховой), *боровик* (боровой), *березовик* (березовый), *еловик* (еловый), *колосовик* (колосовой), *гороховик* (гороховый), *дубовик* (дубовый), *дождевик* (дождевой), *ольховик* (ольховый), *осиновик* (осиновый), *рядовик* (рядовой), *ситовик* (ситовый), *сосновик* (сосновый), *вересовик* (вересовый), *щитовик* (щитовый).

Отсутствие соотносительности с именем прилагательным в слове *болотовик* на самом деле является мнимым, так как

по говорам наблюдается синонимия прилагательных с суффиксами *-ов-* и *-н-*. Ср. *грибной/грибовый, болотный/болотовый, зимний/зимовый* и т. д.

Можно выделить производный суффикс *-овик*, причем часто избыточный и появляющийся благодаря сильному воздействию со стороны словообразовательного ряда: *глухойк* при *глухой*, *рыжовик* при *рыжий*, *рыжик*, *красовик* при *краск*.

Любопытно наличие словообразовательных синонимов с суффиксом *-ник*. Ср. *боровник* при *боровик*, *моховник* при *моховик*, *поддубовник* при *поддубовик*, возникшие, возможно, под влиянием таких форм, как *коровник, молоковник*.

2. Основа прилагательных с суффиксом *-н-* + *ик*. Синонимия и конкуренция суффиксов *-ов-* и *-н-* в именах прилагательных, как один из примеров словообразовательной синонимии вообще, очень характерна для словообразования в русских говорах и естественно находит свое отражение в названиях грибов. Ср. *осинник/осиновик, берёзник/берёзовик, ситник/ситовик, колосник/колосовик* и др.

Только от прилагательных с суффиксом *-н-* образованы такие имена, как *осённый* (осенний), *навозник* (навозный), *вишенник* (вишнёвый), *молокитник* (молокитный?), *нагельник* (нагельный), *толоконник* (толоконный).

Соединяется суффикс *-ик* и с основой страдательного причастия: *масленик* (маслёный), *моченик* (мочёный) и др.

3. Основа прилагательного, образованного из сочетания имени существительного с предлогом *под-* + *ик*. Эта модель очень характерна для названий грибов в русском языке (аналогичных примеров ни в западославянских, ни в южнославянских языках нет): *подосиновик* (подосиновый), *подореховик* (подореховый), *подберезовик* (подберезовый), *поддубовик*, *подъелочник*.

Наблюдается и в этом случае вариантность основ с суффиксами *-ов-* и *-н-*, *подосиновик/подосинник, подореховик/подорешник* и др.

Возможно сочетание основ прилагательных с этим префиксом и с другими суффиксами, но таких примеров значительно меньше.

Довольно распространена в названиях грибов та же модель, но с иной семантикой префикса *под-*: не в значе-

нии 'находящийся внизу чего-то, под чем-то', а в значении 'подобный, похожий на что-то'. Производящим в этом случае служит не имя прилагательное, а имя существительное. Ср. *подмолочник* (молочник), *подрешетник* (решетник), *подкоровник* (коровка). Аналогичные отношения: *груздь* — *подгруздь*. Иногда семантика префикса нулевая и он служит лишь показателем модели, типичной для названий грибов.

4. Основа прилагательного с суффиксами *-ат-*, *-оват-* + *ик*. Эта модель характерна главным образом для севернорусских говоров. В северных говорах очень продуктивен тип прилагательного с суффиксом *-оват-*, семантика которого частично совпадает с семантикой суффикса *-ат-*: «имеющей то, что выражено основой», но обычно шире и так же, как и суффиксы *-ов-* и *-н-*, указывает только на принадлежность. Ср. *носоватый, дыроватый, крестоватый, слиноватый* и многие другие. Оттенок неполноты качества отсутствует. Образование имен существительных от прилагательных с суффиксом *-оват-* не характерно для среднерусских и южнорусских говоров, тогда как на севере они типичны (*носоватик, крестоватик, ключеватик, морховатик, дыроватка* и др.). Этот словообразовательный тип представлен и в названиях грибов: *жиловатик* (жиловатый), *короватик/коровик, осиноватик/осиновик, подольховатик/подольховик*.

5. Бессуффиксная основа имени прилагательного + *ик*. Примеров этого типа немного: *желтик* (жёлтый), *целик* (целый), *коровик* (коровий), *рыжик* (рыжий). Последний пример обращает на себя внимание тем, что ударение падает на основу. Как правило, имена с суффиксом *-ик* (не уменьшительным) в русском языке имеют ударение на конце: *белик, крутик, частик, слабик* и др. Возможно, что в слове *рыжик* суффикс *-ик* иного происхождения, он мог быть вторично присоединен к имени **рыж*, ср. польское название этого гриба *rydz*.

В некоторых случаях выделение и определение производящей основы затруднено. *Красик* ср. *краса, красить; совик* (сова, совий?), *путьик* (путь?), *пыжик* (пыжить, пыж?).

В общей сложности с суффиксом *-ик* образована 1/6 часть названий грибов.

II словообразовательный тип: сочетание именной основы с суффиксом *-ух(a)*.

поздними, возникшими в пределах русского языка в период его самостоятельного развития. Таковы примеры, где суффикс *-ик* присоединяется к основам имен прилагательных с суффиксом *-ов-* позднего образования (не от основ на *-и-*); поздним и собственно русским процессом можно считать большую активизацию суффиксов *-уха* и *-'ак*. Несомненно, поздняя по образованию большая часть тех названий-омонимов, которые имеют узкоместный ареал. Непроизводных слов с точки зрения современного языка в названиях грибов очень мало. Это следующие: *губа*, *гриб*, *груздь*, *блица*, *печура*, *волуй*. Ряд слов, в которых можно выделить суффикс, но основа при этом остается непонятной: *печерица*, *сыроежка* (последнее слово воспринимается как сложное). Можно считать старыми с точки зрения словообразования такие слова, где суффикс *-ик* присоединяется к глагольно-именной основе типа *красик*.

Таким образом, с точки зрения словообразования архаическая часть названий грибов очень невелика, около пятнадцати слов. Без сопоставления этого материала с данными других славянских языков было бы преждевременно относить образование названных слов к праславянскому периоду. Можно лишь констатировать факт относительной древности этих слов в пределах рассматриваемой группы.

* * *

Число семантических моделей, которое можно насчитать в названиях грибов, не очень велико.

1. Модель 'цвет' → 'гриб' используется очень широко: *рыжик*, *белянка*, *серуха*, *чернуха*, *синюха*, *желтяк*, *зеленушка*, *красноголовик*, *пестрец*.

Этот признак в названиях грибов широко представлен и в других индоевропейских языках: ср. лит. *raudongalvis*, *raudonikis*, нем. *Rothaupt* и др.

2. Модель 'свойство, воспринимаемое на вкус или осязанием' → 'гриб': *солодуха*, *горянка*, *горькушка*, *масляник*, *гладуха*, *мокруха*, *сопливик*. Аналогичные названия для масленика в немецком языке: *Smalzpilz*, *Butterpilz*.

3. Модель 'дерево' → 'гриб' отражает давно подмеченную особенность о тяготении отдельных видов грибов к определенным породам деревьев: *дубовик*, *березовик*, *осиновик*, *сосновик*, *ольшанка*, *подорешник* и др.

Есть еще несколько названий, примыкающих по типу к этой модели, так как грибы названы по месту произрастания: *боровик*, *болотяник*, *навозник*. Ср. лит. *tešlagribis*.

4. Модель 'гриб' → 'подобный ему гриб'. Эта схема выражает отношения сходства, подобия: *подгруздь*, *подрешетник*, *подсухарь*, *пагруздь*, *подкоровник* и др.

5. Модель 'предмет (бытовой)' → 'гриб' отражает как правило сходство по форме: *дубинка*, *кринка*, *колпак*, *стакан*, *толкач*, *бабка*, *пальцы* и др. Ср. франц. *raturon* 'бабка у лошади', 'груздь'. Сравнения с разного рода посудой и игральными бабками повторяются довольно часто.

6. Модель 'имя собственное' → 'гриб' достаточно широко представлена в названиях растений вообще. Определение отношений между семантическим производным и производящим в этом случае крайне затруднено. Необходимо было бы установить, как часто встречается данное имя в данной местности и у соседних народов, относится ли оно только к человеку или к животному, какова его экспрессивно-эмоциональная характеристика, не связано ли это имя с каким-то конкретным лицом и реальными событиями и т. д. Только в названиях грибов встречаются: *арина*, *васюхи*, *окули*, *матрена*, *матрехи*, *иванчики*, *дуни*.

7. Модель 'животное' → 'гриб' не менее трудна для определения, но исключительно широко представлена. Она, во-первых, может выражать отношение сходства по любому признаку: форме, цвету, свойствам и т. д. Ср. *лысички*, *свиное ухо*, *петушки*, нем. *Ziegenlippe* 'козляк', франц. *vache blanche* 'груздь' и др.

Во-вторых, та же схема используется в том случае, когда обозначается несъедобность или малоупотребительность гриба для человека. Этот семантический тип широко распространен в названиях растений (см. первую главу)³, ср. *собачьяк*, немецкое название груздя, считающегося ядовитым, *Kuhpilz*, *Pferdepilz*. Часто это отношение выражено в форме определения *волчий*, *собачий*: русск. *собачьи губы*, чеш. *psí huby*. Возможно, такого происхож-

³ V. M a c h e k. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 11; В. М. М а р к о в. Об изучении местных названий животных и растений. «Уч. зап. Казанского гос. ун-та», т. 121, кн. 3, 1961, стр. 93.

дения слово *волуй* («воловий гриб») из др.-русск. *волуи* 'воловий' (ср. лат. *boletus bovinus*).

В-третьих, эта модель может выражать отношение, показывающее съедобность данных видов грибов для животного, эта возможность представляется наименьшей.

Какой из трех описанных типов отношений присутствует в каждом конкретном случае, определить трудно. Ср. такие многочисленные образования, как *бычки*, *коровка*, *коровяк*, *козел*, *зайчушки*, *овечки*, *медвежаник* и мн. др.

Еще одна любопытная деталь. Если идти от названий одного какого-либо вида в разных языках, то можно обнаружить, что выделяемые признаки повторяются. Так, *Boletus rufus* и *Agaricus deliciosus* обычно называются по цвету: русск. *красный гриб*, *красик*, *красноголовик*; нем. *Rothaupt*; франц. *gyrole rouge*; русск. *рыжик*; польск. *rydz*; серб. *pujница*; лит. *ruduokė*, *rudmėsė*; нем. *Röstling*; франц. *lait doré*; *Boletus scaber* связан с названиями березы (нем. *Birkenpilz*, лит. *paberžis*)⁴.

* * *

Если в предыдущих разделах мы рассматривали общие закономерности (словообразовательные и семантические), свойственные всей группе названий в целом, то в данном разделе мы попытаемся представить часть материала в лингвогеографическом аспекте. Взяв для анализа названия шести наиболее употребительных видов грибов (белого, подосиновика, подберезовика, груздя, рыжика и белянки), мы обнаружили, что они делятся на две противоположные группы: названия груздя, рыжика и белянки исключительно устойчивы во всех говорах русского языка и не имеют синонимов, названия же белого гриба, подберезовика и подосиновика чрезвычайно дробны и многообразны. *Boletus edulis* называется: *бабка*, *бебик*, *белоголовник*, *белый гриб*, *боровик*, *вешкарь*, *гриб*, *ковыл*, *коровка*, *короватик*, *коровик*, *коровник*, *коровяк*, *ко-*

⁴ См.: H. Marzell. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen. Leipzig, 1937; P. Galeniek s. Botaniskā vārdnīca. Rīga, 1950; I. Dady s. Lietuviškas botanikos žodynas. Kaunas, 1938.— Семантический анализ ботанических терминов на белорусском материале см. еще: А. І. Кісялеўскі. Лексічная аснова і словаўтваральныя сродкі беларускай батанічнай тэрміналогіі. «Працы Інстытута мовазнаўства», вып. VIII. Мінск, 1961.

ровяк, *медвежник*, *пан*, *толкач*, *целик*, *целыш*; *Boletus rufus*: *боровик*, *казаруш*, *красик*, *красный гриб*, *красовик*, *красяк*, *красноголовик*, *осиновик*, *подосиновец*, *подосинник*, *подосиновик*, *толстокоренник*; *Boletus scaber*: *березовик*, *боровик*, *козак*, *обабка*, *обабок*, *подберезовик*, *целик*, *целыш*, *черный гриб*.

В связи с тем, что это различие наблюдается в рамках одной группы лексики, оно вряд ли может рассматриваться как случайное, а скорее всего отражает какие-то моменты истории данного словарного пласта. Не делая далеко идущих выводов из этого факта, мы считаем его тем не менее очень симптоматичным. Польские лингвисты склонны придавать определенный вес показаниям атласа названий грибов: «*Rydz* (*Lactarius deliciosus*) jest jedynym gatunkiem grzybów, który w całej Polsce nie wykazuje zróżnicowania nazw. Ten brak zróżnicowania nazw oraz postać fonetyczna rdzenia (*rydz*, *rud*-nasuwają przypuszczenie o dawności jej występowania, a w związku z tym o starej znajomości tego gatunku grzybów jako jadalnego na terenach słowiańskich)»⁵. С этим выводом трудно не согласиться. Устойчивость наименований *рыжика*, *груздя* и *белянки* во всех говорах русского языка — свидетельство того, что эти слова появились не позже периода древнерусской общности.

Выход за пределы русского языка позволяет обнаружить очень большую общность в названиях грибов во всех восточнославянских языках. На Украине и в Белоруссии названия грибов так же дробны и многочисленны, как и в России. Можно встретить большое число местных диалектизмов (ср.: укр. *багни́к*, *гирки́ня*, *сиву́льки*, *сту́ли*, *баночки* и др.; блр. *лапшак* и др.), с другой стороны, более 50% названий общи для всех восточнославянских языков. Ср.: укр. *пичари́ця*, *підви́шні*, *бздю́хи*, *лисички*, *боровики*, *гриби*, *опеньки*, *синяки*, *губи*, *коровки*, *свані*, *бабкі*, *сирі́жки*, *підіосичники*, *синюхи*, *сосняки*, *піддубни*, *грузди*, *рі́жкі*, *червоноголовці*, *підрэшті́ці*, *осінки*, *зелі́нки*, *біля́кі*, *волну́хи*, *красню́чки*, *товсту́шки*, *вовня́ки*, *порхо́вка* и мн. др. Мы наблюдаем и абсолютную общность в таких названиях, как *лисички*, *боровики*, *гриби* и др., общность структуры и значения при

⁵ B. Bartnicka. Nazwy grzybów w dialektach wschodnich Polski. «Poradnik językowy», 7. Warszawa, 1950, стр. 350.

наличии разного словообразовательного оформления: *nídberezník* при русск. *подберезовик*, *nídrěšítěcъ* при русск. *подрешетник*, *вовнякѣ* при русск. *волнянки* и т. д., и общность структурную с использованием средств своего языка: ср. *nídiосичники* при русск. *подосиновики*, *червоноголови* при русск. *красноголовики*.

При сравнении списка названий грибов в любом говоре украинского языка со списком названий грибов в одном из говоров русского языка разница не большая, чем при сравнении списков двух русских говоров. Это, несомненно, свидетельство того, что в своей существенной части этот пласт лексики сложился в древнерусский период. Ср. сходство вплоть до общности словообразовательных вариантов: укр. *грудзь*, *грудінь*, *грудждель* (Гринч. I, 332).

Западнославянские языки проявляют большую близость к восточнославянским в названиях грибов. Ср.: польск. *grzyb*, *rydz*, *bedłka*, *babka*, *maśluk*, *borownik*, *kozak*, *prochówka*, *olszówka*, *sitak* и др.; чеш. *hřib*, *ryzc*, *osýčňák*, *lišku*, *maselník*, *maselnák*, *maslak*, *kozak*, *peřírku*, *rychavka*, *mleč*, *mužičkův tabak* и др. при русск. *гриб*, *рыжик*, *блицы*, *масляк*, *боровик*, *козяк*, *порховица*, *ольхушки*, *ситовик*, *лисички*, *пыхавка* и др.

Ср., например, польск. *borownik*; чеш. *borovík*, *borový hřib*; словц. *borovník*; укр. *боровик*; блр. *baravik*; русск. *боровик*; чеш. диал. *podoubník*, словц. *dubák*, укр. *hryb dubový*, *padubok*, русск. *поддубовик*; польск. *orieńka*, чеш. *orěňka*, словц. *oriepok*, блр. *апенька*; чеш., словц. *rychavka*, русск. *пыхавка*, *пыхва*.

Напротив, при сравнении с южнославянским материалом мы видим мало общности. Любопытно, что нередко к группе «западнославянские — восточнославянские» подключается словенский язык.

Такова география слова *гриб*, названия *козяк*: русск. *козяк*, *козяк*; укр. *козак*, *козар*; польск. *kozak*, *koźlarz*; в.-луж. *kozak*; чеш., словц. *kozák*; словен. *kozak*. В ряде случаев представлены все славянские языки, кроме болгарского или сербского. Например, русск. *масленик*, *масленок*, *масленка*, *маслуха*, *масляй*, *масляк*; блр. *масляк*; укр. *маслюк*; польск. *maślak*, *mašlok*, *maśluk*; чеш. *máselník*; словц. *masliak*; словен. *rjava maslenka*; болг. *масловка*; русск. *лисички*; укр. *лисички*; блр. *лісіца*, *лісічка*; польск. *liška*, *lisica*; чеш. *liška*; словц. *liška*; словен. *lisičica*, *lisičke* мн.; с.-хорв. *lisica*.

В южнославянских языках так же, как и в других славянских, в названиях грибов много поздних местных элементов. Ср.: словен. *gobane* (*jurje*, *jurčke*), *mavrahe*, *sivke*, *parklje*, *ajdove gobane* и др.; хорв. *bešjebara*, *blagva*, *cerovača*, *cerovnjača*, *gluhara*, *gospa*, *kneiginja*, *ludara*, *mlječnica*, *raprenjača*, *puhara*, *puša*, *škripac*, *škripavac*, *varganj*, *vilovnjača* (Ivek.— Broz. I, 316), *puza*, *medenjača*, *sivka*, *puha* и др.

Для праславянской эпохи мы вправе восстановить лишь небольшое число элементов. Это в первую очередь общеславянское **goba* 'гриб, трут, нарост', **syrojěda* / **syrojědja* 'сыроежка', 'рыжик', **pečera* / **pečerka* / **pečerica* / **pečura* / **pečurka* 'шампиньон' (представлено во всех славянских языках, но с диалектным распределением основ: **pečer-* в западнославянских, украинском, белорусском и словенском языках, основа **pečur-* в сербском, болгарском и русском); **smъržъ* / **smъrčъ* 'сморчок' (с тем же географическим распределением, что и название шампиньона: основа **smъrž-* в западнославянских, украинском и белорусском, основа **smъrč-* в сербском, словенском, болгарском и русском); **gribъ* (лексема, представленная во всех славянских языках, кроме болгарского и сербско-хорватского); **gliva* (лексема, существующая в южнославянских и западнославянских языках и частично в восточнославянских); **bъdla* / **bъdľka* / **bъdlica* (название по преимуществу западнославянское, частично представленное в русском, но архаичное по своей структуре и имеющее соответствие в лит. *budis*); общеславянское **rydjъ* / **rudьnica* (представленное во всех славянских языках, кроме словенского и болгарского); **maslenka* / **masl'akъ* (во всех славянских языках, кроме сербского); **kozakъ* / **kozl'akъ* 'подберезовик, моховик, козяк' (во всех славянских языках, кроме болгарского и сербского); **lisička* (во всех славянских языках, кроме болгарского); **rъgъovъka* / **rъgъovica*, **porъovъka*, **porъovica* 'дождевик' (общеславянское название); возможно, **vъrganъ* (название только южнославянское), если оно может быть сопоставлено с польским *warga* 'губа'; может быть, **vъlněňka*, **vъlněňica* (отмеченное только в западнославянских и восточнославянских языках). Всего четырнадцать лексем с разной степенью достоверности их принадлежности к праславянской эпохе. Остается открытой возможность более позднего развития

слов, не отмеченных в одном или нескольких южнославянских языках: **vylněňka*, **lisička*, **kozakъ*, **masl'akъ*, **rydъ*, нет уверенности в принадлежности к праславянской эпохе южнославянского **varganъ*.

Таким образом, внешние связи позволяют выделить в названиях грибов несколько хронологических пластов: наиболее древний период характеризуется общеславянскими образованиями и диалектными связями русского языка с южнославянскими, что предполагает иное географическое распределение языковых массивов; второй период характеризуется активными контактами и совместными новообразованиями в восточнославянских и западнославянских языках, что предполагает близкое к современному географическое расположение языков; третий период — древнерусский, когда оформляется большая часть этой группы лексики.

Характерно, что названия грибов в балтийских языках указывают на продолжительные контакты балтов с восточными и западными славянами; здесь и обоюдные заимствования, и кальки, и использование единых семантических моделей. Ср.: лит. *ruduokė* 'рыжик' при *rudas* 'рыжий', *paberžis* 'подберезовик', *ožkagrybis* 'козляк', *šilabudė* 'боровик', *raudongalvis* 'подосиновик, красноголовик', *mešlagrybis* 'шампиньон' (ср. русск. *навозник*) и т. д.

* * *

С этимологической точки зрения необходимо рассмотреть несколько праславянских и значительное число поздних местных образований, для выяснения происхождения которых словообразовательный и семантический анализ недостаточен.

г р и б

Это праславянский диалектизм, охватывающий полностью восточно- и западнославянскую группы языков. В современных языках слово имеет три взаимосвязанных значения: 'белый гриб', 'обобщенное название грибов Boletus', 'гриб вообще'. Эти значения не существуют одновременно, они указывают лишь место лексемы *гриб* в группе названий грибов в конкретном говоре.

В большинстве диалектов польского, чешского, словацкого, украинского языков и в части русских диалектов слово *гриб* значит 'белый гриб'; в ряде польских и чешских говоров и в значительном числе русских — *гриб* значит 'гриб Boletus'; ср. в польском деление на *bedłka* и *grzyb* и т. д. Такое положение этого слова в современных славянских языках.

Единое этимологическое решение для этого слова еще не найдено. Поиски были направлены главным образом на установление балто-славянских связей. Ф. Шпехт сопоставляет слав. **gribъ* с лит. *griėti* 'снимать сливки', *greimas* 'сливки, слизистый осадок в воде'⁶. Обособленное положение южнославянских языков (за исключением словенского), где слово **gribъ* как таковое в рассматриваемом значении отсутствует, а в качестве обобщающих слов для названий грибов выступают такие лексемы, как *gliva*, *varganj* и др., не имеющие аналогий в других славянских языках, естественно вызывало желание найти единую общеславянскую форму. На этот путь стали польские лингвисты, которые связали **gribъ* с южнославянским **gliva*, выводя **gribъ* из **glibъ* с меной $r > l$. В этом случае считаются родственными лит. *gleima* 'слизь', *gliėti* 'лепить'. Склоняется к описанной точке зрения и Фасмер⁷. Недавно высказанная этимология Р. Якобсона решена в чисто формальном плане. Слово **gribъ* включается в словообразовательный ряд глагола **grebti*, а придаваемое ему значение 'то, что выпарапывается из земли', требует большей семантической аргументации⁸. Мысль Махека, производящего **gribъ* из **skripъ*, имеет семантические основания, но совершенно фантастична в формальном отношении и предполагает большое число звуковых метаморфоз⁹.

⁶ F. Specht. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944, стр. 144, 267.

⁷ A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, стр. 163; F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, zes. 4. Kraków, 1955, стр. 373; К. Мосzynski. [Рец.] F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. «Język polski», 36, 1956, стр. 196; Vasmеr. REW, I, стр. 308.

⁸ R. Jakobson. New Slavic Etymological Dictionaries. «Words», 8, 1952, стр. 387.

⁹ V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 148.

Х. Петерссон высказал мнение, что слово **gribъ* того же корня, что и слав. **grъrbъ* с первоначальным значением 'морщина, складка' ¹⁰.

Почти во всех случаях слово *гриб* рассматривается изолированно, без учета родственных и производных слов, а такой подход не дает возможности установить первоначальное значение слова. Одни только русские говоры и памятники письменности дают большой материал однокоренных слов.

Первым однокоренным образованием можно считать белорусское и русское диалектное (смоленские, псковские говоры) название губы у человека *гри́ба*, мн. *гри́бы* (смол., росл. Добр., 42; блр. Носов., 121); отсюда *гриба́тый*, *гриба́стый* 'губастый' (Доп. Оп., 37; блр. Носов., 121).

Это любопытное явление омонимии названий грибов и губ у человека образует определенный семантический ряд:

'губы у человека'	'грибы'
<i>губы</i>	<i>губы</i>
<i>гри́бы</i>	<i>гри́бы</i>

Может быть, сюда же польск. *warga* 'губа у человека' и серб. *варгань* 'гриб'? (С точки зрения словообразовательной структуры ср. словен. *gobane* 'грибы'.)

Как правило для обозначения губ используются слова со значением 'край, выступ, нарост, морщина'. Ср. типологическую параллель в общекартвельском *pir* 'край', давшем груз. *pir* 'рот, лицо, край'; сван. *pil-*, *bil-* 'край, губа' ¹¹.

От слова *гри́бы* 'губы' образованы производные со значением 'морщиться, кукситься': *гриба́ться* 'grimасничать, иметь плаксивый вид, готовиться заплакать' (яросл., рост. Волоц., 28); *гриба́ниться* (производное от *грибан*) 'капризничать, выражать наклонность к плачу' (арх. Гранд., 129), 'хмуриться, угрюмиться' (арх. Подв., 35), 'морщиться' (арх. Доп. Оп., 37); *грибан* 'кто постоянно угрюм, ничем не доволен' (арх. Подв., 35); *грибанчик* 'сморщенный старик' (новг. Герас., 33); *гри́бится* 'морщиться, хмуриться' (твер., стариц. Оп., 42); *разгри́-*

ба 'имеющий отвислые губы, плакса' (пск., твер., остав. Доп. Оп., 225; смол. Добр., 770). Все эти значения могут быть обобщены таким образом:

'морщиться, надувать губы'
'сердиться' 'кукситься'

Непосредственная связь со словом *гри́бы* 'губы' подтверждается еще одной семантической параллелью: *губиться* 'надувать губы, сердиться, дуться' (арх. Доп. Оп., 38).

Широта распространения производных (говоры Архангельской, Новгородской, Тверской, Ярославской обл., тогда как *гри́бы* 'губы' территориально ограничены белорусским языком и близлежащими говорами) может свидетельствовать или о том, что слово *гри́бы* 'губы' первоначально имело значительно больший ареал, а затем было вытеснено общерусским *губы*, или же о том, что в говорах были еще родственные слова, способствующие образованию вышеуказанных глаголов.

Третье значение, широко распространенное по говорам: *гри́бы* 'оборки, складки, нашивки на платье' (олон. Кул., 17; кал., тул. Будде, 29; арх., приоз. Кимяг.); *гриба́тка* то же; *гриба́тка* 'борок в виде круглого воротничка, низанный бисером или жемчугом и застегиваемый назад' (олон., каргоп. Оп., 42). Широта распространения слова (от Карельского п-ова до Калужской и Тульской обл.) говорит о том, что это слово старое. Принимая во внимание семантику суффикса *-ат-*, значение слова *гриба́тка* может быть передано как 'имеющий грибы', т. е. 'имеющий нашивки, складки, оборки'. Ср. семантическая аналогия в *ббры* 'сборки' и *борбк* 'воротник с мелкими сборками' (костр., яросл. Оп., 13).

Есть в говорах еще слово *гриб* 'нарост, болезнь лошадиная, нарост с нарывом' (пенз. Оп., 42; урал. Сл., 126), ср. польск. *grzyb* 'наплыв на свече' и пенз. *гриб* 'наплыв на дереве'.

Гриба́тка 'внутреннее сало' (смол., росл., смол. Куст., 136). Это значение, возможно, связано с предыдущими или 'нарост' или 'имеющий морщины, складки'.

Наибольший интерес представляет еще одно значение слов *гриб*, *гри́ба* в русских говорах 'возвышение, гряда'; *гри́ба* 'под мелководьем нанос песку с большими уступа-

¹⁰ Н. Petersson. Vergleichende slavische Wortstudien. Lund, 1922, стр. 12.

¹¹ Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, стр. 153.

ми' (волог. Доп. Оп., 37); *гриб* 'узкая гряда картофеля; возвышение на дороге между колеей и тропой лошади' (вят. Зелен., 45; свердл., белояр. Голуб., 269; урал. Сл. 126): «Картошки садыт на пласт *грибкам*»; «Три *гриба* карфет осталось опшо полоть-ту». *Грибки* мн. 'замерзшая по дороге грязь' (перм., шадр. Доп. Оп., 37) (последнее значение близко к значению слова *груда* в белорусском и украинском языках).

Если сопоставить все вместе рассмотренные выше слова, бросается в глаза их семантическое единство: 'возвышение, нарост' и отсюда 'складка, оборка', 'губа у человека' и 'гриб'. Предположение о том, что все эти значения развились из значения 'гриб', неправдоподобно. Все эти диалектные образования, несомненно, отражают архаичное состояние. Структурно они едины, и поэтому разграничивать их вряд ли возможно. Реконструируемая праславянская форма **gribъ* имела значение, содержащее в себе представление о чем-то возвышающемся, выступающем. Этимологически она может восходить к **greib-*, производному от и.-е. **ger-* 'гнуть, изгибаться'. Думается, что все эти аргументы заставляют склониться к этимологии, выдвинутой Петерссоном, и признать ближайшей родственной формой слова **gribъ* слав. **gъrbъ* 'горб, холм' и родственные ему лит. *gârbana* 'локон, завиток', прусск. *garbis*, др.-нрл. *gerbach* 'морщина'¹².

губа

Материалы говоров и памятников показывают, что слово *губы* было в течение длительного времени названием грибов вообще или же названием грибов *Agaricus*, идущих в засол. Постепенно это слово вытесняется литературным *грибы*: «*губам нон'е н'е стал'и, фс'о гр'ибам зов'ом*» (костр. Азарх).

Откровенно в значении 'гриб вообще' слово *губы* широко отмечено в памятниках: «Агарикъ есть *губа* растеть при корени еловаго древа ꙗ березоваго» (XVI в.)¹³ «... и ягоды и *губы* брати...» (1564)¹⁴; «... а волокомъ идучи

¹² V a s m e r. REW, I, стр. 308.

¹³ Травник Любчанина. — Исторический музей, рукопись Уварова № 2192, л. 152.

¹⁴ Памятники истории крестьян XIV—XIX вв. М., 1910, стр. 32.

ѣли *губу* и траву и ягоды и коренье...» (1659)¹⁵; «на ботвинье, на морковь, на огурцы и на соленые *губы*, на лукъ, на чеснокъ, на конопляное масло и на коровье...» (1585—1589)¹⁶.

Так как *губами* назывались грибы, идущие в засол, т. е. грузди, рыжики, белянки, волнушки и т. п., то *грибами* эти виды не назывались. Из текстов видно, что грузди, рыжики — это не грибы. Ср.: «Луку и чесноку, *грибовъ* да сукно полтретья нацата алтына. Савѣ Збою дано на *губы* десять алтын» (1568—1570)¹⁷. Соположение в одном контексте слов *грибы* и *губы* явно указывает на то, что это не одно и то же. «Изволь, государь Андрей Ильич, ко мнѣ отписать, будетъ надобно *грузди* и *грибы* сухіе» (1687)¹⁸; «...за *грибы* и за *грузди*...» (1568—1570)¹⁹, следовательно, грибы и грузди — равноправные виды грибов; «... *грибы* или *рыжики* и ины *губы* чѣмъ подобны» (1534)²⁰ — и те и другие объединяются одним словом *губы*. Создается впечатление, что слово *грибы* значило 'белые грибы' или же 'виды *Boletus*, идущие в сушку'. Ср. например: «да в мѣшечкѣ *грибковъ* маленькихъ, да криночка *рыжичковъ*» (1682)²¹; «... ему же несено *губъ грибовъ* по два гроша за колачь»²².

Иными словами, памятники сохраняют вплоть до конца XVIII в. такие соотношения внутри группы: *губы*: *рыжики*, *грузди*, *грибы*, *волнушки*, т. е. слово *губы* — обобщающее название грибов; или *грибы* — *Boletus* (т. е. белые, подосиновики, подберезовики) в их противопоставлении *губам* — *Agaricus* (т. е. груздям, рыжикам и т. д.): Подобная группировка до сих пор существует в ряде говоров (противопоставление *грибы* — *губы*, например, в печорских говорах Архангельской обл.). Противо-

¹⁵ Дополнение к Актам историческим, т. IV. СПб., 1851, стр. 176.

¹⁶ Болдин-Дорогобужский монастырь. Книги расходные. — РИБ, т. 37, стр. 70.

¹⁷ Павлов-Обнорский монастырь. Книги расходные казначей Пахомия. — РИБ, т. 37, стлб. 9.

¹⁸ Переписка столыника Безобразова, стр. 9. (Картотека ДРС.)

¹⁹ Акты исторические, т. IV. СПб., 1842, стр. 520.

²⁰ Травник Любчанина, л. 347.

²¹ Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников (Сообщено Г. Лукьяновым). «Старина и новизна», кн. 10. М., 1905, стр. 403.

²² Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 1. СПб., 1857, стр. 32.

поставление *губы* 'общее название грибов' и *грибы* 'белые грибы' характерно для большей части украинских говоров²³. Это дает нам право отнести данное противопоставление к древнерусской эпохе.

Современный русский литературный язык в качестве общего родового названия имеет слово *грибы*, а слово *губа* употребляется только в значении 'нарост на дереве, трут'.

Одновременно слово *губа* в русском языке, как и в других восточнославянских языках, обозначает часть лица, губу; в других славянских языках — морду, рыло. Большинство этимологов согласны в том, что по происхождению *губа* 'гриб' и *губа* 'морда' — одно слово, развившееся из первоначального значения 'нарост, выступ, край'²⁴. Отношения 'нечто изогнутое, выступающее' > 'нарост, выпуклость' > 'гриб', 'губа у человека' представляют устойчивый семантический ряд. Кроме примеров, приведенных в предыдущей статье, см. еще *пупырь* 'прыщ, нарост' и русск. пенз. *пупыри* 'грибы'.

Праславянское и общеславянское **goba* родственно группе слов в балтийских и иранских языках со сходным значением: лит. *gūmbas* 'возвышение, сучок, нарост', *gūmbras* 'шишка', *gūmulas, gūmuras* 'ком'; афг. *gumba* 'шишка'; ср.-перс. *gumbad, gumbad* 'выпуклость'²⁵.

сморчок

Если *губа* и *гриб* по славянским языкам выступают как обобщенные названия грибов и спорадически отдельных видов, то слово *сморчок* — это общеславянское наименование конкретного гриба *Morchella*. Любопытно, что по двум праславянским названиям конкретных видов грибов — сморчка и шампиньона, славянские языки группируются таким образом: украинский и белорусский примыкают к западнославянским языкам, а русский обнаруживает общность с южнославянскими: русск. *сморчок*, с.-хорв. *смрчак*, словен. *smrček*, тогда как укр. *сморж*, *сморжий*, *зморшка*, чеш. *smrž*, словц.

smrž, польск. *smarz, smardz*, в.-луж. *smorž, smorža* ж., н.-луж. *smarž*. Для праславянского реконструируются две основы **smrčь* и **smržь*, впоследствии осложненные в ряде языков вторичным суффиксом -ьк-.

Фасмер связывает название гриба с глаголами *сморгать*, *сморкать* (II, стр. 676); Махек склонен видеть в нем наследие доиндоевропейского субстрата, попавшее в славянский через германское посредство. Думается, что последнее предположение требует более серьезного обоснования²⁶.

Если исходить из современного значения глагола *сморкать*, для названия гриба следует предположить в качестве исходного значения 'слизь', но, кажется, есть возможность установить иные семантические связи.

Праславянские **smęrgati, *smęrkati* представляют собою два произносительных варианта одного глагола, возможно, с экспрессивной меной заднебных. На почве современных славянских языков судьба этих глаголов характеризуется усилением внешних примет экспрессивности. В русском языке это выражается в образовании таких экспрессивных форм, как *сморгануть* (типа *садануть, толкануть* и т. д.), в мене *с > ш* (*шморгать*), образовании таких усиливающих эмоциональную окраску форм, как *смурьгать, смурькать* со вставным -ы- и меной корневого гласного *о > у*, и, наконец, опять-таки выразительная мена *г > х*: *шморыхать, шмурыхать* при *шмурьгать*.

Польский язык сохраняет аналогичные процессы в этом глаголе: мена *s > ś, g > x*, мена корневого гласного *о > u > y*. Ср. *smęrać, smęgnąć, smarnąć* и *szmarnać, śmarnać, szmergnąć*, затем *smęrgnąć* и *szmorhnąć, szmorhać*.

Семантически глагол *сморгать, сморкать* как в русском языке, так и в польском выступает как один из синонимов глаголов *дергать* и *драть*. 'Дергать' в значении близком к 'рвать': «Насморгали репы»; «Паляді, сколько канями у сараи сена насморгана» (смол. Добр., 463); *посморгать* 'подергать' (смол. Добр., 681); 'дергать' в близком значении к 'сучить, быстро двигать': «*Smęgnąć nogami*» (Варш. сл. VI, 240); 'дергать' с приставкой *про-* в значении 'продергивать, продевать': «Стала баба *просмаргивать* нитку в иголку», «*просморгни* нитку в иголку» (смол.

²³ Материалы Атласа украинских говоров Академии наук УССР, карта № 317 (рукопись).

²⁴ R. Jakobson. Указ. соч., стр. 387.

²⁵ Vasmer. REW, I, стр. 316.

²⁶ V. Machek. Etymologický slovník..., стр. 460.

Добр., 737); 'дергать' в том же значении, что и *броснуть* 'сдергивать листья, ягоды движением руки, прижатой к стеблю': *сморгать* 'очищать прут от листьев' (Д³ IV, 295), *шморгать* то же; 'дергать перья, опиывать, чистить', укр. *шморгати*, русск. диал. «Сосморгни свечу» 'очисти свечу, сними нагар'; 'дергать' = 'бросать, делать резкое движение рукой': польск. «*Smurgnąć mi ze złością czarkę pod nogi*» (Варш. сл. VI, 250); 'дергать' = 'быстро побежать' = 'шмыгнуть': польск. «*Zajac z pod miedzy smurgnie*», русск. *смаргнуть* 'броситься, побежать' (смол. Оп., 208); 'дергать' в оборотах *дергать носом*, *шмыгать носом* совпадает с литературным значением глагола *сморгать*, ср. *шморгнуть* 'потянуть в нос соплю' (яросл. Мельн., 219); 'дергать' = 'драть, тереть, чесать, скрести': *смурьгать* 'тереть, дергать, чесать' (твер.), *шмурьгать* 'дергать, тереть' (кур., пск., тамб. Д³ IV, 300); *шморгать* (юж. зап.) 'шмыгать, тереть туда и сюда'; *шмурьгать* (ряз.) 'чесать, царапать тело, чесаться' (Д³ IV, 1457); (кур., пск.) 'тереть' — «*Шмурьгать пол песком*» (Даль, там же).

Таким образом, глагол *сморгать*, *сморгать* и его экспрессивные формы выступают как синоним глагола *дергать*, отражая многообразные оттенки его значения, сближаясь по семантике с глаголами *броснуть*, *шмыгать*, *тереть*, *чесать*. Значение 'сморгаться' является одним из проявлений значения 'дергать' и явно не первично.

Одним из таких оттенков значения глагола *сморгать* было, по-видимому, 'сдергивать, сжимать, мять, морщить', ср.: «*Смаргну́тъ* мат'бр'и́жъ» 'сморщенная, помятая' (смол. Кустар., 150). Возможно, что этот оттенок отражает укр. *шморшки* мн. 'морщины, складки': «Лице було оперезано *шморшками*» (Гринч. IV, 506—507).

Можно предположить, что и в основании названия гриба *Morchella* **sm̥r̥g̥b̥* / **sm̥r̥g̥b̥* лежит представление о чем-то сморщенном, смятом, что отражает столь оригинальную форму шляпки гриба, покрытую бороздами и складками.

Предположение о том, что первоначально глагол **sm̥r̥g̥b̥* / **sm̥r̥kati* имел значение 'дергать', не снимает возможности сравнения его с балтийскими формами со значением 'марать, пачкать', так как в балтийских эти значения могут быть вторичными.

Так называется в славянских языках гриб-шампиньон. Русск. *печу́ра*, *печу́рка*, на границе с Украиной *печерица*, укр. *печері́ця*, блр. *пнячурі́ца*, польск. *peczarka*, чеш. *pečárka*, болг. *печурка*, серб. *печурка*, словен. диал. *pečurka*. По выделении вторичных суффиксов *-k(a)* и *-ic(a)* остаются основы **pečur-* / **pečer-*, которые в своем распределении по языкам сближают русский язык с южнославянскими, а белорусский и украинский с западнославянскими.

По поводу этимологии слова было выдвинуто несколько гипотез. Мысль А. Преображенского о том, что название гриба произведено от названия ямки, норы, привлекательна со стороны значения. Шампиньоны имеют толую ножку, и в таком случае название *печурка* было бы аналогично названию гриба с пустой ножкой *дуплянка*, *дупляница*. Этому предположению противоречит наличие в этом слове во всех славянских языках звука *č*, что предполагает исходное *k*, а не *kt*.

Миклошич, а вслед за ним и Фасмер производили название гриба от глагола *печь*²⁷. В таком случае значение должно было быть 'гриб, который пекут'. Эта гипотеза очень привлекательна, единственный момент, который остается неясным в этом случае, это то, что как правило суффиксы *-ur(a)*, *-er(a)* присоединяются к именным основам, а не к глагольным, но это, возможно, говорит лишь о нашей недостаточной осведомленности об истории этого суффикса в славянских языках (ср. *печура* 'печеный картофель'²⁸).

сыроежка

Пятое общеславянское название грибов это слово *сыроежка*. Значение его достаточно общо, этим словом называются многие виды *Russula* и *Agaricus deliciosus*.

Русск. *сыро́ежка*, *сыро́ега*, *сырове́га*, *сырове́жки*, *сураве́шки*; укр. *сирої́дка*, *сирової́дка*, *сирої́жка*; польск.

²⁷ Vasmer. REW, II, стр. 352.

²⁸ И. Свенцицкий. Опыт сравнительного словаря русских говоров (галицко-бойковский говор). — Ж. Ст., год 10-й, 1900, вып. I—II, стр. 224.

serojeszka, surojadka, syrojadek; чеш. *syrovinka*; ст.-чеш. *syrojěd, syrojědka, syrovedka*; словен. *sirovojedka, siro. vetka, sirotka, sirovka*; с.-хорв. *siro(vo)jedka, sirovka, sirojka, sirnjaja*.

Слово сложное, первая часть *sur-* 'сырой', вторая *ěd-/ědja* 'еда', значение слова очень неопределенно 'сырая еда; то, что можно есть сырым'. То, что во всех славянских языках это значение конкретизировано как название нескольких видов грибов, несомненно имеет значение для истории культуры.

Это значит, что уже в праславянский период какие-то виды грибов воспринимались как то, что можно есть сырым.

Слово *сыроежка* сохраняет в связанной форме старое название еды, пищи *ěжа*, сохранившееся только в говорах. Ср. *ěжа* 'еда' (вят. Васн., 355; волог., тамб., твер., тобол. Оп., 271), *облоёжа* 'прожора' (пск., твер. Оп., 133), укр. *іжа* 'еда'. Вариант *сыроёга* — вторичное обратное образование от *сыроежка*.

По говорам *сыроежкой* называют еще кушанье из сырого теста: *суроёжка* 'клецки из яровой муки' (кир. Гор., 336); *сураёга* 'сырое тесто из гречневой муки, смешанное с квасом' (кур. Халан., 22).

волнушка

Гриб *Agaricus torminosus* внешне очень своеобразен, его шляпка покрыта волосками. Эта особенность гриба привела к тому, что он назван был «шерстяным» грибом в восточнославянских и западнославянских языках. От общеславянского **vьlna* 'шерсть' существовало прилагательное **vьlněnъ* 'шерстяной'. Ср. лит. *vilnėnis* 'шерстяной', оформленное тем же суффиксом. Название гриба было образовано от основы имени прилагательного с синонимичными суффиксами *-ъka/-ica*: **vьlněnъka/*vьlněnica*. Ср.: польск. *wełnianka*, др.-чеш. *vlněnka*, русск. *волняница* «...съ крестьянъ же оброчного хлѣба ржи по 238 чети; овса по тому жь, ячменю по 79 чети съ осминою; столовых запасовъ груздей по 79 1/2 ведрь, волняницъ по 159 ведрь» (1713)²⁹, укр. *вовнянка*.

²⁹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Изд. АН под ред. Н. В. Ролачова, т. III. СПб., 1885, стр. 391.

Уже на русской почве в части говоров название этого гриба было переоформлено по активной словообразовательной модели в названиях грибов: *волну́ха, волну́шка*. В тверских говорах есть даже непроизводный вариант названия *волна* (калин., кимр. Виногр., 395). *Волнянка* и *волнушка* — это разнооформленные однокоренные наименования одного и того же гриба и поэтому этимологизировать их независимо друг от друга, как это делает Фасмер, вряд ли правомерно³⁰.

Памятники русской письменности вплоть до конца XVIII в. фиксируют название гриба *волнянка, волняница*. Но в то же время под воздействием разрушения этимологической связи *вб́лна — волня́нка* в русских говорах происходят различные изменения во внешнем облике слова, делающие его подчас почти неузнаваемым. Чаще других отмечена форма, полученная в результате ассимиляции: *волвянка, волвяница*. Появляются и искаженные формы: *вблганцы, вблгинка, вблданцы, вблденица, вблдянка, волжѧ́нка, волженка, волнейка* — результат диссимиляции *н-н*³¹.

В тверских говорах есть название волнушки, заново воссоздающее семантическую модель: *мохну́шка* (калин., кимр., Виногр. 395).

бли́цы

Русское диалектное, псковско-новгородское, обобщенное название грибов *бли́цы* долгое время считалось заимствованным из нем. *Pilz* 'гриб'. Так, вслед за Миклошичем высказывались Бернекер и Преображенский³². Фасмер логично отказался от этой точки зрения, считая, что это «невозможно ввиду фонетических особенностей и отсутствия географической опосредствованности». Он объединяет русское *бли́цы* с западнославянским *bedla* 'гриб *Agaricus*'. Праславянская форма в таком случае

³⁰ Vasmer. REW, I, стр. 216 и 219.

³¹ В литовском языке «шерстяным» называется гриб *Agaricus vellercus — vilnis*.

³² Fr. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen. Wien, 1889, стр. 14; E. Berneker. Slavisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908, стр. 61; А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1910, стр. 30.

bъdla* > **bъdlica*/bъdltьka*. Ограниченность территории распространения слова *блицы* — пограничные псковско-новгородские говоры (на всей остальной территории восточнославянских языков отсутствуют) наталкивает на мысль об очень старом (может быть, VII в.) проникновении слова с территории западных славян. Слово проникло до падения редуцированных и претерпело типичные для русского языка изменения. Возможно, что это и не заимствование, а элемент лексической общности, объединявший смежные территории западных славян, древних словен и литовцев (ср. лит. *budē* 'древесная губа, гриб', *budis* 'гриб', в частности 'груздь'). Родство чешско-польских форм с балтийскими было отмечено еще Траутманом и Бернекером.

При выяснении более далеких связей мнения расходятся. Фасмер связывает этот балто-славянский материал с древнеиндийскими и германскими формами со значениями 'раздуваться, набухать': др.-инд. *budbudas* '(водяной) пузырь', лат. *buda* 'камышинка', дат. *pude* 'подушка', шв. *puta* 'надуваться, набухать'³³.

Махек, сопоставляя слав. **bъdla* с греч. *βολίτης* и проводя аналогию **bъdla* — *βολίτης*, как **jedla* — *ἐλάτη*, считает это слово субстратным доиндоевропейским элементом³⁴.

п б р х о в к а

Во многих русских говорах гриб-дождевик называют *пбрховка*, *порховица*, *порхавка*. Это общеславянское наименование дождевика: укр. *порхавка*; блр. *порхаўка*; польск. *purchawka*; ст.-польск. *parchawica*/*parchawiec*/*parchewka*; н.-луж. диал. *porchajca*, в.-луж. диал. *porchaja*/*perchajca*, с.-хорв. *prhavas*, *prhavica*³⁵. Все эти формы предполагают основу **prъx-*.

Славянские языки дают значительное число родственных образований: *перхоть*, *персть* (<**prъxotь*, **prъstь*) 'перхоть, прах, земля'; *пброх*, *побръша* (<**porъxь*,

porša*) 'пыль, прах, снег', *побръхно* 'гнилое дерево'; *пърхатъ*, *пърхатъ* 'бить крыльями, поднимая пыль или снег' (prъxati*); *пбрхлый* (<**prъxlъjь*) 'рыхлый, крошащийся' (ср. арх. *порхлый* песок 'сыпучий песок'); словен. *prh* 'гниль, прах' (<**prъxь*).

На праславянском уровне мы имеем два варианта, с разной степенью основы, названий пыли, праха, гнили **porъxь* и **prъxь*. (Ср. аналогично **sokъ*, **sъkъ*).

В польских названиях гриба-дождевика отражены обе основы: *purchawka* и *prochówka*. Ср. еще словен. *orjaška prašnica* и болг. *праховица*.

г р у з д ь

Слово ограничено только восточнославянскими языками: укр. *груздь*, блр. *груздь*.

М. Фасмер связывает *груздь* с *груда* в значении 'гриб, растущий на груде, куче'³⁶. А. Потебня ищет родство с лит. *gruzdenū*, *gruzdenti* 'дымить, коптить' по причине наличия у гриба горького, терпкого привкуса³⁷.

Мысль о связи *груздь* — *груда* представляется вполне логичной; отношения *d/zd* известны в таких примерах, как *громада*, *громоздить*, *громоздкий*, *глудкий* — *глуздить* и др.; требуют уточнения только семантические обоснования.

В других восточнославянских языках, а также в южных и в западных говорах слово *грудá* значит 'ком, кусок'. Ср. *груда* 'кочка' (зап. Д³ I, 987); укр. *грудá* 'комоч, кусок', *груд* 'возвышенность, холм' (Гринч. I, 331); блр. *грудá* 'взрытая земля, окаменевшая от мороза': «Самая лютая езда по *грузде*» (Носов., 122). Ср. название ноября *грудень*. За пределами восточнославянских ст.-слав. *грудие* 'скупенная земля, гряда', серб. *грудá* 'ком', *грудаст* 'комковатый'. Ср. еще др.-русск. *грѣдавыи*, *грѣдыви*, *грѣдънии* 'неровный, комковатый' (о дороге) (Срезн. I, 599, 600). Значение 'куча, большое количество' получило наибольшее развитие в русском языке; а так как слово *груздь* — общее для всех восточнославянских языков, то следует говорить о связи *груда* — *груздь* по линии значе-

³³ Vasmer. REW, I, стр. 93.

³⁴ V. Machek. Etymologický slovník..., стр. 28.

³⁵ W. Budziszewska. Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, стр. 202.

³⁶ Vasmer. REW, I, стр. 312.

³⁷ А. Потебня. Заметки этимологические и о народной поэзии. — РФВ, 3, 1880, стр. 92.

ний 'ком' — 'гриб'. Возможность такой связи подтверждается аналогией со значением слова *гриб* в русских говорах. Ср. *грибки* 'замерзшая грязь' и *грудки* то же; *гриб* 'возвышение, гряда' и укр. *груд*, ст.-слав. *грудие* то же.

Значение слова *грудие* собственно могло быть более широким и затем уже было конкретизировано как название определенного вида.

Возможно предположение о связи слова *грудь* с лит. *gruzdūs* 'хрупкий, ломкий', *graudus* 'рассыпчатый', но оно менее правдоподобно, так как, по-видимому, *грудь* — самостоятельное образование на почве древнерусского языка.

о б а б о к

Это слово распространено во всех восточнославянских языках. Обычно им называют подберезовик (*Boletus scaber*), реже масленок (*Boletus granulatus*), а иногда грибы вообще.

Морфемное членение слова не вызывает затруднений. Фасмер, вслед за Р. Якобсоном и Кипарским, относит слово *обабок* к словообразовательному ряду *опенок*, *обоконок*, объясняя значение слова как 'гриб, растущий вокруг пней' при *баба* 'пень'. Это определение, абсолютно логичное по отношению к слову *опенок*, в данном случае менее правдоподобно. Ни подберезовики, ни масленики не растут вокруг пней по преимуществу. Кроме того, слово *обабок* может быть с не меньшим успехом включено в другой словообразовательный ряд: *обабок* как *огрызок*, *окурок* может быть отглагольным образованием. Глагол *бабиться*, *обабиться* в большинстве славянских языков значит 'сморщиться, обмякнуть'. Ср. укр. *бапчитися* (про части тела, зокрема пальці людини, що довго перебували в воді) 'морщиться, м'якнути'³⁸; болг. *бабици* 'морщины', *бабичасвам* 'покрываться морщинами, сморщиваться'³⁹; русск. *обабиться* 'распариться, обмякнуть' (вят. Зелен.,

³⁸ О. С. Мельничук. Словник специфічної лексики говірок села Писаревки (Кодімського р-ну, Одеської обл.). «Лексикогр. бюлет.», вип. II. Київ, 1952, стр. 72.

³⁹ С. Б. Бернштейн. Болгарско-русский словарь. М., 1953, стр. 23.

101); *обабня* (арх. Подв., 104) 'всякий большой гриб', т. е. уже не твердый, не крепкий, способен легко размякнуть.

Известно, что подберезовик — один из самых нежных грибов (в особенности вид *Boletus scaber* а. *candidus*), легко теряющий свою твердость, «пока донесешь до дому, он уж и размякнет»⁴⁰.

Обабок скорее всего образован от *обабиться* 'морщиться, дрябнуть' со значением 'нетвердый, быстро раскисающий гриб'.

б а б к а

Таково записанное в смоленских говорах название белого гриба, на Украине и в Польше так называют подберезовик (*Boletus scaber*). Как и в других случаях, когда есть возможность предположить метафору, трудно установить образ, который послужил отправным. Принимая во внимание, что и в Польше *бабкой* называют подберезовик, можно сблизить это слово с другим его названием — *обабок* и объединить их в этимологическом отношении, производя от корня *баб* — 'морщиться, дрябнуть, разбухать'. Название *бабка* именно в смоленских говорах наталкивает на предположение о влиянии украинского и белорусского языков. Мысль о самостоятельном возникновении этого слова на русской почве хотя и не исключена, но менее вероятна.

В случае, если это слово независимо, можно было бы связать название гриба с названием игровой кости *бабка*, так как именно белый гриб с его сильно утолщенной книзу ножкой, напоминает по форме игральную кость. Мне думается, что именно такого происхождения записанное в уломских и ваучских говорах Новгородской обл. название белых грибов *бойки*.

б о й к и

Боёк — так называется битка, *бабка* или *козна*, которою бьют в кон (Д I, 108). Возможно, что образы популярной игры послужили основой для местных наименований грибов.

⁴⁰ Д. Н. Кайгородов. Собирает грибов. СПб., 1891, стр. 58.

Вологодско-ярославское наименование белого гриба *пан*, мн. *паны*. Возможно, что белый гриб назван *паном*, потому что это лучший гриб (ср. хорватские названия грибов *gospa*, *knjeginja*), но, с другой стороны, возможны ассоциации со словом *панбк* (перм., вят.) 'бабка, битка, налитая свинцом' (Д III, 16).

к о р о в к а

Таково распространенное в большей части севернорусских говоров название белого гриба (яросл., волог., твер., влад., новг.). Это название, как и другие, подобные ему, представляет значительные трудности для объяснения. Но, принимая во внимание вышеописанные наименования белого гриба, его можно связать с названием одного из видов игральной кости *коровка*. «Коровка — двойная головка (сочленовая) пястная кости домашнего рогатого скота; у молодых индивидуумов она не сращена с телом пястья. Употребляется в качестве игральной кости (бабки), причем принимается как двойная, за две бабки. Вообще же считается за самую малоценную бабку (ценнее — „плюшка“, а самая ценная „панок“)»⁴¹.

Образуется любопытная семантическая связь:

'название игральной кости' → 'название белого гриба'

бабка	бабка
боёк	бойки мн.
панок	пан
коровка	коровка

с и т н и к

Это наименование зеленого моховика (*Boletus subtomentosus* Fr.), иначе *ситовик*, *ситуха*. Территория распространения слова — северно-западные говоры: псковские, тверские, смоленские. Если судить по данным словаря Маковского, на Украине этот термин встречается только в научной литературе; в Польше тот же гриб носит название *sitak*. Происхождение этого слова связано с реальными особенностями гриба: его шляпка нередко

⁴¹ А. М о л о т и л о в. Говор русского старожилого населения Северной Барабы (Каинского у., Томской губ.). Томск, 1913, стр. 131.

покрыта мелкими трещинами. По русским говорам прилагательные *ситный*, *ситовый* значат 'дряблый, трухлявый' (Д³ IV, 166), глагол *сётаться* значит 'трескаться, получать трещины' (о глиняных сосудах) (арх. Оп., 225).

Возможно, что название гриба образовано от названия сита, так же как другое название того же гриба *решетник* произведено от названия решета, тогда это слово значит 'имеющий трещины, отверстия, как сито или решето', но может быть оно связано непосредственно с приведенными выше словами в значении 'трескаться, быть трухлявым'.

д е р я б к а

Кимрское (Калининская обл.) название того же гриба — зеленого моховика, семантически аналогичное предыдущему. Слово образовано от глагола *дерябать*, 'драть, чесать, скрести'. Значение слова может быть передано как 'драный'.

н а г о л ь н и к и

Это слово — эпитет, даваемый рыжикам-боровикам. По-видимому, это производное от прилагательного *нагольный* 'настоящий, совершенный' (Д³ II, 1029). *Рыжики-нагольники* собственно «настоящие» рыжики, название аналогичное польскому *grzyb prawdziwy*, *grzyb szczyry* 'белый гриб'.

г л у х а р ь

глуховик — это тоже не собственные названия какого-либо вида гриба, а определения, которые, присоединяясь к другим названиям, придают им значение 'гриб, пластинки которого срослись, покрыты пленкой': *глухой рыжик*, *рыжик-глухарь*, *глуховик*, *глухой масленник* и т. д. Прилагательное *глухой* здесь выступает в одном из своих значений 'заделанный, не имеющий отверстий'.

и з г у б а

Таково приводимое Далем название груздя. Наличие приставки дает возможность предположить гла-

гольный корень. Непосредственная связь с глаголом *губить* в его современном значении должна быть отвергнута, так как речь идет о съедобном грибе. По-видимому, это производное от одной из ступеней чередования глагола *гнуть* (**gub-* / **gyb-*), **jъzъguba* при **jъzъgybati* (реконструкция в данном случае использована лишь для схематического показа отношений, а не для установления хронологии образования). Значение может быть передано как 'гриб с изогнутой, вдавленной шляпкой'.

бабу́ра

бабу́рка — названия сморчка во владимирских говорах. Эти слова интересны со словообразовательной точки зрения, так как содержат суффиксы *-ур(а)*, *-урк(а)*, редкие в славянских языках. Суффикс *-ур(а)* образует названия самцов (*жабур* при *жаба*, *самур* 'самец свиньи', *кочур* 'жеребец'), действующего лица *баху́р*, *баху́ра* 'распорядитель святочных игр' (смол. Добр., 24). Этот же суффикс выступает в функции уменьшительности *кошу́ра*, *кошу́рка* 'кошка' (влад. Оп., 92); *кочу́ра* 'кочка', *печу́ра*, *печу́рка* 'нора, углубление, ямка' (смол. Добр., 598), *бабу́рка* 'бабушка', *дочурка*, *бабу́ра* 'мотылек, стрекоза' (при *бабка* то же). С другой стороны, как будто бы без оттенка уменьшительности *боку́ра* 'бочка' (твер. Оп., 12) и *чапу́ра* 'цапля' (ворон. Доп. Оп., 297) — производное, так же как и *чапля* от глагола *чапать*.

Возможно, что *бабу́ра*, *бабу́рка* — такое же образование от основы *баб-*, как и *бабка*; может быть, отношения семантически иные, но связь с этой основой несомненна.

целы́к

целы́к, *целы́ш* — так в вологодско-ярославских говорах называют главным образом подберезовики. М. Фасмер, вслед за Далем, связывает это наименование со словом *целый*, а вариантность *ч/ц* объясняет свойственным этим говорам чеканьем (Vasmer III, 313). Вполне возможно, что первичным значением было 'молоденький гриб, шляпка гриба, которую не режут, а кладут в кушанье целыми'. Ср. *целы́ш* 'шляпка гриба': «Смотри-тко, в похлебке-то одне *целы́ши*» (яросл. Доп. Якуш., 130).

коно́вѣтѣи

коно́вѣи 'старый белый гриб' (новг.). С одной стороны, это может быть образование от слова *ко́нь* (названия грибов от названий животных очень распространены), ср. у Даля *ко́неватый* 'на коня похожий видом, по бежкой или тупотнею' (Д³ II, 395), но тогда ожидалось бы **ко́невѣтѣи*. Или же здесь оказали влияние названия типа *коровѣтѣи*?

С другой стороны, возможно объяснение, которое не вызывает структурных затруднений. Слово *коно́вѣтѣи* могло быть образовано от названия деревянной обручной кружки *ко́новѣ*, *ко́новѣка* (твер., влад., ворон.) (Д³ II, 385). Тогда *коно́вѣтѣи* значит 'похожий на коновѣ'. Ср. аналогичные названия грибов, образованные от названий различной посуды: *кринка*, *стакан*, *кубышка*, *кузбѣка* и др.

ко́бнюха

Это слово вызывает совершенно те же трудности, что и предыдущее. *Ко́бнюха* — ярославское название подгруздя. Оно может быть образовано от слова *ко́нь*, кстати в архангельских говорах этот же гриб называется *ко́нѣк*.

Но в то же время в тверских говорах есть *ко́бнюха* 'кружка, ковш' (твер. МДК, РФВ, LXXI, 344). Трудно сказать, какому решению следует отдать предпочтение.

алипа́н

Алипа́н 'масленик' (нижег. Даль). Это образование с довольно активным в восточных говорах суффиксом *-ан* от корня *лип-* 'липнуть'. Начальное *а* здесь может быть объяснено лишь наличием предположительной стадии **ьрап* > *l'rap* > *al'rap*. Это название находит себе основание в реальных свойствах гриба.

слизу́ны

слизу́ны — довольно широко распространенное в говорах Архангельской обл. название масленика: «Слѣ́йсѣије грѣ́бѣи — слѣ́изу́нѣамѣи и зовѣ́м». *Слѣ́зкий* 'скользящий, покрытый слизью' — северный и северо-

западный вариант слова *склизкий* 'то же' с упрощением группы согласных. Масленики названы так из-за покрытой слизью шляпки.

ф е т ю г а

Целая серия наименований гриба-дождевика связана с глаголами 'надуваться, увеличиваться в объеме'. *Фетюга* — экспрессивное образование со значением 'нечто надутое', однокоренное со словом *фетюк* 'угрюмый человек, брюзга, кто вечно дуется' (Д³ IV, 1137), *фетюй*, *фитюй* 'дурак' (яросл. Мельн., 208).

п ы х в а

пы́хка, *пыхалка* — это тоже наименования дождевика. Образования от глагола *пы́хать* 'тяжело дышать, пыхтеть, надуваться'. Ср. название воздушного пирога в тех же олонекских говорах *пыханник* (олон. Кул., 97) и чешское название дождевика *pusavka* ⁴².

Вызывает некоторое сомнение форма *пыхка* с несвойственным русскому языку сочетанием -хк-. Поскольку речь идет об олонекских говорах, здесь может иметь место обратное заимствование из западнофинских языков.

п у х á р к а

Название гриба-дождевика в русских говорах Прибалтики, в основе своей псковских. Оно абсолютно совпадает с хорватским наименованием того же гриба *puhara*. Но вряд ли этим совпадениям следует придавать серьезное значение. Корень **рих-* / **рух-* 'надуваться, распухать' исключительно широко и многообразно представлен в славянских языках. Экспрессивные образования от него могли возникать независимо в разных местах в разное время. Ср. укр. *пúшка* 'дождевик'.

п ы ж и к

Семантически аналогичное предыдущим нижегородское название гриба-дождевика. Это — производное

⁴² М. Ulehlova-Tilshova. Česká strava lidová. Praha, 1945, стр. 55.

от глагола *пы́жить* 'надувать', *пы́житься* 'надуваться' (ср. *пыжатай* 'пышный, полный, красивый' от глагола *пыжить* 'вздувать, взбивать' ⁴³).

б ó б к а

Образное наименование гриба-дождевика в приозерских говорах Архангельской обл. *Бобок*, *бобка*, мн. *бобки* в русских северных говорах значит 'шарик, нечто круглое'. Гриб назван так за свою шарообразную форму.

б р а з д а в к и

Имя того же дождевика в говорах Саратовской обл. Это слово, несомненно, связано с глаголом *бра́здаться* 'пачкаться'. Даль дает его с пометой — [вологодское], но на самом деле этот глагол распространен гораздо шире. *Браздавка* собственно 'пачкающий (гриб)', назван так за пылящие споры.

т у г и л á ж к а

Название гриба-дождевика (олон. Кул., 121) — единственный известный мне случай заимствования в названиях грибов. Финский пласт в олонекских говорах исключительно велик, этим объясняется редкий случай заимствования в группе совершенно самобытной лексики. *Тугилажка* из фин. *tuhkelo*, *tuhkiainen*, *tuhkulainen* 'гриб-дождевик', карел. *tuhma* 'то же', к **tuki laže*, *tuhista* 'пыхтеть, сопеть' ⁴⁴.

д у н и

Один из наиболее трудных случаев для этимологии — использование для номинации личных собственных имен. В этом смысле почему-то больше всего повезло свинушкам, их чаще других называют собственными именами. Мне не известна экспрессивная характеристика, связанная с именем *Дуня*, *Дунька*, хотя на возможность

⁴³ А. П у т и н ц е в. О говоре в местности Хворостань Воронежской губернии. — Ж. Ст., год 16-й, 1906, вып. I, стр. 121.

⁴⁴ J. K a l i m a. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 226—227.

ее существования указывают некоторые аналогичные примеры: *артюха* 'разухабистый человек, головорез' (смол. Добр., 14); *сазон* 'человек отменный по своим дурным качествам' (яросл. Мельн., 17, 179), *ульта* 'неопрятный' (там же), *огрофенка* 'девья красота, цветок' (яросл. Доп. Якуш., 115); укр. *ненила* 'высокий, неповоротливый человек' (Гринч. II, 552). Мы в состоянии лишь указать, что вологодское и воронежское название свинушки *дунька* (мн. *дуни*), по-видимому, связано с именем собственным в его оценочном употреблении. Так же трудно объяснить и последующие названия грибов.

матрена (матрежи)

Ассоциации многообразны: с одной стороны, деревянные игрушки, называемые «матрешками», с другой стороны, *матренками* называют в говорах Владимирской и Костромской обл. (Оп., 110) растение тысячелистник, в Ярославской — стебель тмина (яросл. Якуш., 19), в тех же говорах *разматрёнить* значит: а) 'изругать', б) безл. 'быть расслабленным, заболеть, дремать' (яросл. Мельн., 172). Это многообразие возможных связей лишь усложняет картину.

солопена

Это название свинушки связано, по-видимому, с глаголами *солопнуть*, *селепать* 'высунуть, высовывать язык' (смол. Добр., 810, 829), укр. *солопити* 'бессмысленно смотреть', *солопий* 'ротозей' (Гринч. IV, 167), ср. имя собственное *Солопий* у Гоголя. Для слова *солопёна* значение может быть реконструировано приблизительно как 'разиня, дуреха'. Мы увидим далее, что наименования грибов словами с подобной экспрессивной окраской довольно многочисленны. К ним относятся воронежские названия свинушки.

солоха

солбня, *соломаха*, одновременно все три слова в воронежских говорах значат 'вялая, нерасторопная женщина, неряха'. Названия эти могли возникнуть несколькими путями: непосредственно от значения 'вялая жен-

щина, неряха' к значению 'гриб-свиноушка', от имени собственного *Солоха* (уменьш. от *Соломея*), или независимо и названия гриба и названия нерасторопной женщины могли быть образованы от глагола *солодѣть* 'киснуть от жары, сна и лени' (Дз IV, 379), *солодить* 'расслаблять'. Ср. названия грибов *солодошки*, *солодний*.

ховробики

Название красных грибов (Дз III, 1204). Как и в предыдущих статьях, в основе здесь лежит имя собственное со свойственной ему эмоциональной характеристикой. Имя *Феврония* в его просторечном варианте *Ховря*, *Ховронья* популярно в качестве клички свиньи, а иногда выступает вместо последнего. Отсюда, по-видимому, развились производные значения *ховра* 'неповоротливая, неповятливая женщина', 'ротозей', 'неопрятный человек' (пск., твер. Дз III, 1204), *сховрить* 'соорудить или спить что-нибудь нескладно' (яросл. Мельн., 197). Возможные связи могут быть выражены следующим образом:

'имя собственное' → 'названия грибов'

<i>Дуня</i>	<i>дуни</i>
<i>Солоха</i>	<i>солоха</i>
<i>Солопий</i>	<i>солопёна</i>
<i>Ховря</i>	<i>ховрошки</i>

Такая прямая связь маловероятна, потому что для данного перехода необходимо вычленение как самостоятельного экспрессивно-оценочного значения. Возможны и такие отношения:

<i>свинья</i>	<i>свиноушка</i> (гриб)
<i>хвёря</i> (свинья)	<i>ховрошки</i> (грибы)

И последняя, скорее всего, наиболее близкая к действительности схема:

'неповоротливая, нескладная', 'названия грибов'
'неряха, ротозей'

<i>солбха</i>	<i>солбха</i>
<i>солоня</i>	<i>солоня</i>
<i>соломаха</i>	<i>соломаха</i>
укр. <i>солопий</i>	<i>солопена</i>
<i>хвёра</i>	<i>ховрошки</i>

Трудно сказать, какие особенности гриба породили эти названия. Его грязно-бурый цвет или что-нибудь другое?

а р и н а

Таково название гриба-чернушки в говорах Владимирской обл., тоже, несомненно, в первоисточнике содержит имя собственное. Даль замечает, что «имя Арина, Аришка бранное для калмыков» (Д II, 22). Носило ли оно и в русских говорах уничижительный оттенок?

о к у л и

Название, к сожалению, не имеет точной идентификации. Как и *солохи*, *дуни*, это может быть образование от экспрессивной формы имени собственного *Окуля* (Акулина). Ср. *акүля* (*окуля*), *акулина* 'рассеянный, нерасторопный, неумелый' (урал. Сл. 26).

В то же время это название может быть связано с глаголом *оку́лить* 'обманывать, плутовать, сплетничать' (Д³ II, 1731), тогда *грибы-окули* 'сплетники', как *говорушки*.

и в а н ч и к и

В качестве названия грибов данное слово Даль упоминает без указания места и уточнения значения. Но в говорах Среднего Урала есть *иванушко* 'название некоторых грибов': «Масленки-таки. У ево темная голофка» (урал. Сл. I, 197), в украинских говорах *иванець* 'название гриба'.

Объяснение этого названия лежит скорее всего в экспрессивном оценочном производном от имени собственного, но такое мне неизвестно. (Есть только *иванчики* 'человечки, мальчики в глазах, отражение в глазе окна и людей, или мушки' (Д³ II, 3) при *человечки* то же (яросл. Мельн. 213).

Интересен вопрос об обратном влиянии производных от личных имен слов на характер употребления этих собственных имен.

в е ш к а р ь

Это название различных видов грибов: белого, козляка, масленника. Суффикс *-арь* тот же, что и в названии грибов *сухарь*, *глухарь*. Возможно, что слово *вешкарь* связано с глаголом *вѣшѣть* 'ставить вехи', *вѣшка* 'веха'.

о с к б р

Название гриба, нарастающего на коре дерева. Слово сохраняет старую словообразовательную структуру: приставка *о* (<**ob-*) и корень *скор-* 'кора' (ср. *ско́ра* 'шкура').

п о д г р ё б

Это гриб-подгруздь, сходный с груздем. Название представлено довольно широко в северо-западных говорах (Новгородская, Псковская, Смоленская обл.). Все остальные названия этого гриба являются производными с помощью приставок *на-* или *под-* от слов *груздь* или *гриб* (ср. *подгруздь*, *подгруздок*, *нагрибень*, *подгруздень*). Возможно, что основа слова *подгрёб* связана со словом *гриб* и является его искаженной формой при нейтрализации фонем в заударном слог: **пбдгриб* (= *подгр'ьп*) > **подгрёб* (?). Связь с глаголом *гresti* неясна.

к а з а р у ш

Казарушек — тамбовское название подосиновика. Это — несомненный украинизм. В большинстве украинских говоров *козар* — название гриба подосиновика.

к у л ь н и к (мн. к у л ь н и к и)

Название вида съедобных грибов (пск., вят. Д³ II, 557). Это наименование, вероятно, связано со словом *кульнá* 'безрукий, беспалый'. Ср. название валуя *кулак*.

г у к а л к и

Так зовут шампиньоны в Смоленской обл. Возможно, название связано отношениями производности с глаголом *гукать* 'говорить'. Ср. семантически подобное название опять *говорушки*.

к о л ч а к

Таково литературное наименование гриба Нуд-пш. В большинстве русских говоров этот гриб, считаясь несъедобным, поганым, индивидуального названия не имеет. Слово *колчак*, по-видимому, полонизм (ср. польск. название того же гриба *kolczak* при *kolka* 'колючка, иголка', *kolczasty* 'колючий'). Этот термин отражает характерную особенность гриба, заключающуюся в том, что пластинки на нижней стороне шляпки имеют форму колючек.

о к л у б

По В. Далю, *оклубом*, кроме гриба, называется еще круглая крона дерева (Д³ II, 1711). Оба значения связаны со словом *клуб* 'шар, нечто круглое'.

п а х о в ы к

Это ярославское название гриба с бархатистой шляпкой (боровика?). Слово может быть образовано от *пах* 'запах' за приятный аромат белого гриба. Ср. укр. *zapax* 'Boletus luteus' и 'Boletus edulis' (Мак., 58).

п е с л ы к

Это белорусское слово, ср. блр. *песляк* 'старый гриб' (смол. тоже). Образование типа *козляк*, но от слова *пес*. Значение 'плохой, несъедобный гриб' (ср. *песы губы*).

* * *

Используя полученные данные, можно выделить в рассматриваемой лексической группе разные хронологические пласты. Культурно-исторические выводы, сделан-

ные на основании относительной хронологии образования лексем, могут быть только осторожной гипотезой.

Словообразовательный анализ доказывает поздний характер образования большей части названий грибов. Создание всей группы в целом должно быть отнесено к периоду самостоятельного развития отдельных славянских языков. Возможно, что к этому же времени следует отнести факт широкого употребления в пищу многих видов грибов.

Четкое разграничение названий видов *Agaricus* и *Boletus* по говорам и памятникам с постоянной устойчивостью наименований первых в говорах всех восточнославянских языков, возможно, вскрывает факт относительной древности. Может быть, именно виды грибов *Agaricus* раньше вошли в употребление, может быть, их раньше научились сохранять впрок. То, что в некоторых районах Болгарии не едят грибы *Boletus* и не различают их, но едят грибы *Agaricus*, возможно, есть сохранение древнейшего состояния, которое и может служить косвенным подтверждением нашего вывода.

В праславянском языке позднего периода мы вправе восстановить только восемь лексем. Из них четыре прекрасно поддаются словообразовательному анализу на праславянском уровне: ясна не только структура слова, но можно выделить производящую основу и продуктивные для того периода аффиксы (см.: **pečerica*, **směrčь*, **syrojědja*, **rydъ*). Для реконструкции характера использования самих предметов этимология этих слов дает разный материал. То, что слово **směrčь* / **směržь* на всей славянской территории обозначает только определенный вид грибов, может свидетельствовать о том, что в праславянский период этот вид грибов был известен, выделялся и обозначался, но употреблялся ли он в пищу, сказать невозможно. Обозначение многих видов грибов во всех славянских языках словом **syrojědja* с несомненностью говорит о том, что в поздний праславянский период многие недифференцированные виды грибов ели сырыми, как это делают и сейчас в ряде мест. Такое употребление грибов могло быть только случайным, вряд ли они играли существенную роль в питании. Устойчивое выделение и единое наименование во всех славянских языках гриба шампиньона свидетельствует о том, что этот вид в общеславянский период был известен, а правдоподобное произведение

слова **pešerica* от глагола *pečь* указывает и на способ употребления этого гриба. Возможно, что шампиньоны пекли на открытом огне, как это делают и сейчас в Словакии и на Украине.

Три лексемы **goba*, **gribъ*, **bъdla* не могут быть протимиологизированы на основании внутренних данных славянских языков. Словообразовательная структура этих имен уже в праславянский период была архаична. Внешнее сравнение позволяет установить, что местный западнославянский диалектизм **bъdla* наряду с балтийскими *budē*, *budis* значил 'вид гриба, гриб'. Никаких данных о существовании других значений для этой основы ни в славянских, ни в балтийских языках нет. В противоположность этому слову лексема **gribъ*, судя по материалам, имела довольно широкий круг значений: 'уступ, возвышение, складка, морщина, нарост' и т. п. В какой-то момент у этой лексемы возникло тоже в рамках группы диалектов значение 'гриб'. Слово **goba* обладало по диалектам довольно широкой семантикой, частично сохраненной до наших дней: 'лишай, короста, трут, нарост, гриб, часть лица'.

Восстановление этимологических признаков, лежащих в основе этих трех названий (независимо от того, возникли ли они путем метафорического переноса или непосредственным словопроизводством от несохранившихся корней), показывает, что все они образованы приблизительно по одному и тому же признаку и означают 'вздутие, нарост, нечто изогнутое'. Отсутствие в других индоевропейских языках для этих лексем родственных слов со значением 'гриб' говорит о том, что эти значения — местная славянская (а в одном случае балто-славянская) инновация.

Грибы вообще назывались, но никаких данных об их употреблении на этом этапе у нас нет. То, что в отдельных районах Хорватии грибов не едят, возможно, есть консервация архаичного явления.

Общий вывод может быть сформулирован следующим образом: судя по лингвистическим данным, широкое употребление славянскими народами грибов — явление сравнительно позднее, начало которому было положено в праславянский период.

абдѣѣха 'род грибов' (влад., ковр. Доп. Оп., 1).

алипѣн 'Boletus granulatus' (нижег. Д I, 394)

арина 'Agaricus nicator' (влад., покр., Оп., 3; Д I, 22)

бѣбка 'Boletus edulis' (смол. Д I, 33)

бабура, *бабурка* 'сморчок с низкой ножкой и толстой шляпкой, Morchella conica' (влад. Д I, 34; влад., переясл. Доп. Оп., 3)

бабье ухо 'уродливый гриб' (олон. Кул., 144; киров. Гор., 237; арх., ровд. Кимяг.; яросл., данил. Копор., 105; волог., вельск. Диал. сб., 46; яросл. Мельн., 27)

балуй 'гриб' (яросл. Доп. Якуш., 100)

балуйка, *балелюи* 'гриб, сходный с белым Russula foetens' (яросл., пошех. Копор., 84; яросл., молож. Доп. Оп., 5; яросл. Мельн., 28)

бѣбик 'Boletus edulis' (яросл., рост. Волоц., 20)

белевик 'белый гриб, боровик' (Сл. Средн. Урала, 1, 40)

белѣни 'Agaricus subdulcis' (смол., росл. Добр., 47)

белоголовник 'белый гриб' (урал. Сл., 1, 41)

белый гриб 'Boletus edulis' (влад., ковр. МДК 11, 40; волог., кадн. МДК 11, 85; волог., вельск. Диал. сб., 46; влад., собин. МГУ; арх., арх. МДК 11, 10; калин. Строг., 38; арх., белом. Федор. 27; киров. Гор., 322; калин., стариц. Флор., 98; перм., чусов. Каюр., 321; сарат. Моис., 72; костр., кологр. МДК 11, 158, кал., дзерж. В. М.; Д I, 394)

бель 'гриб-дождевик' (Фил., 2, 235)

беляк 'подгруздок Russula delicata Fr.' (пенз., пенз. Оп., 19)

белянка 'Agaricus subdulcis' (арх., ровд. Кимяг.; арх., приоз. Кимяг.; арх., виногр. В. М.; смол., пенз. Д I, 394; пенз. Зелен., 352; тобол. Зобн., 129; волог., волог. МДК 11, 75; яросл. Доп. Якуш., 100; костр., кологр. МДК 11, 158; кал., дзерж. В. М.; костр., лыгуг. Азарх; Анн. Прост. 104; Подвысоцкий ошибочно для слова *белянка* дает значение 'белый гриб')

берѣзник 'гриб-подгреб Russula delicata Fr.' (Д³ I, 203)

березовик 'Boletus scaber' (влад., ковр. МДК 11, 40; арх., арх. МДК 11, 10; олон. Барс. 89; волог., белоз. МГУ; Анн. Прост., 105).

бзднѣѣ 'Lycoperdon' (влад., ковр. Доп. Оп., 1; сарат. Моис., 72; Гринч. I, 54)

блица 'гриб вообще' (пск. Д I, 394; петерб., гдов., пск., великол., новоржев., опоч. Оп., 11; пск. Доп. Оп., 3; петерб., гдов. Кузнец., 236)

ббба 'Lycoperdon' (арх., ровд. Кимяг.)

бойки мн. 'белые грибы Boletus edulis' (новг. Ерем., 51)

болѣтовик 'козляк' (влад., переясл. Доп. Оп., 11; Д I, 111)

болотѣник 'гриб, растущий на сухом болоте' (яросл. Мельн., 34)

боровик а) 'белый гриб, растущий в бору' (смол. Добр., 37; кург., шадр. Сокол., 235; новг. Солов., 25; яросл., пошех. Копор., 104; Д I, 394; Анн. Прост., 105); б) 'вид рыжика, боровой рыжик' (калин. Строг., 41; олон., карг. Этн. оч., 38; олон. Барс.; вят., олон., карг. Оп., 13; кир. Гор., 322; с неверно указанным значением — перм. Проз., 353, ср. пример: «*боровикъ* красн'ѣе рыжикоф»); в) 'подосиновик' (твер., кашин. Смирн., 9; волог., волог. МДК 11, 75; Доп. Оп., 11; волог. В. г. в., 395); г) 'подберезовик' (енис. Кривош., 42)

боровой гриб (арх., красн. В. М.)

браздѣвка 'гриб-дождевик Lycoperdon' (сарат. Моис., 72)
 бытй 'грибы Russula foetens' (яросл., люб. Доп. Оп., 101; волог.,
 никол. Потан., 217; костр., вохом. Азарх)
 бытй 'вид грибов' (арх. ровд. Кимяг.; Д I, 394)
 валуй, волуй 'Russula foetens' (смол. бельск. Добр., 50, 144; калин.,
 кимр. Виногр., 395; тул., кал. Будде, 26; кал. Никол., 140;
 костр. Потан., 217; пск., новорж., порх. Доп. Оп., 17; Д I, 394)
 валуй 'гриб маслянка' (пск., новорж., порх. Доп. Оп., 17)
 валух 'вид гриба' (смол. ельн. Добр., 50)
 валуй 'род лесного гриба' (костр., перх. Оп., 21; Д I, 164)
 васыжи 'несъедобные грибы' (киров. Горев., 242)
 векшарь 'гриб-козляк Boletus granulatus' (новг., череп. Герас.
 Ж. Ст., 377)
 векошар 'вид гриба' (волог., белозер. МГУ)
 верёсовик 'гриб, который нарастает на вересовых пнях' (пск.,
 порх. Доп. Оп., 19)
 веешарь а) 'белый гриб боровик' (волог., белоз. МГУ); б) 'козляк'
 (новг., череп. Герас., 26); в) 'масленик луговой' (яросл.,
 пошех. Копор., 92; яросл. Мельн., 42)
 вилевы, вилевы (смол. Добр. 68; смол., росл. Добр., 50)
 вишй 'вид грибов' (волог., белоз. МГУ)
 вишбнки, вишбнки 'Pleurotus ostreatus' (тат. Чаг., 265; оренб.
 Сунг., 48)
 вишбнник, вишбнник 'Agaricus prunulus' (Д I, 209)
 вобденица, вобденица 'Agaricus torminosus' (волог. Сб. обл., 204)
 вонюшка 'Agaricus torminosus' (волог. Сб. обл. 204)
 вонюшки 'вид грибов' (тобол., усть-ниц. Зобн., 129)
 вобланица, вобланицы, вобленицы 'Agaricus torminosus' (арх., виногр.
 В. М.; арх., шенк. Нек. прост. 83; арх. Подв., 20; арх., перм.
 Оп., 27)
 вобленица, вобленицы, вобленица 'Agaricus torminosus' (арх. Подв.,
 20; вят., костр., кологр., перм. Оп., 27; арх. Рич. Дж., 76;
 пск., твер., осташ. Доп. Оп., 160)
 вобленка, вобленка, вобленка, мн. вобленки, вобленки 'Agaricus tor-
 minosus' (кал. Никол., 141; перм., чусов. Каюр., 322; вят.
 Гор., 322; кал., дзерж. В. М.; моск. Черн., 114; пенз. Иссерл.,
 151; моск., богор., Оп., 140; Урал. 88).
 воблены (смол., росл. Добр., 50)
 вобленицы 'вид грибов' (олон. Кул., 11)
 вобленка (яросл. Копор., 44)
 вобленицы 'вид грибов' (олон. Кул., 11)
 вобленица, вобленицы, вобленица (волог., кадн., яросл. Доп. Оп.,
 24; волог., кадн. МДК 11, 85; волог., волог. МДК 11, 75; яросл.
 Мельн., 44; урал. Сл., 88)
 вобленка, вобленка (ульян. Алекс., 188; пенз. Зелеп., 352; влад.,
 ковр. МДК 11, 40; яросл. Мельн., 44; костр., перх. Оп.
 27; урал. Сл., 88)
 вобленка, вобленка (Фил., 593)
 вобленка, вобленка 'вобленка' (урал. Сл., 88),
 волна 'Agaricus torminosus' (калин., кимр. Виногр., 395).
 волнѣйка 'вид гриба' (смол., пореч. Добр., 80; пск., опоч. Оп.,
 27)
 волнѣйка 'волнушка' (урал. Сл., 88)
 волнуха, мн. волнухи 'Agaricus torminosus' (арх., лекшм. МГУ;

калин., стариц. Флор. 99; арх., приоз. Кимяг.; волог., белоз.
 МГУ; арх., виногр. В. М. яросл., пошех. Копор., 104—105)
 волнушка, мн. волнушки 'Agaricus torminosus' (смол. Добр., 68;
 арх. пещор. Иваш., 96; волог., белоз. МГУ; калин., кимр. Ви-
 ногр., 395; арх., арх. МДК 11, 10; костр., пыщуг., межев.
 Азарх)
 вороньи яйца 'грибы-дождевики' (урал. Сл. I, 92)
 вохрякй, вохрякй 'грибы желтого цвета' (арх., виногр. В. М.;
 арх., белом. Федор., 27)
 гладыш 'Lactarius trivialis Fr.' (ряз. Строган, 258; яросл., люб.
 Доп. Якуш., 1031; яросл. Мельн., 51)
 гладыш 'Lactarius trivialis Fr.' (новг., тихв. МДК 11, 79; яросл.,
 пошех. Бал., калин., болог. Строг., 43; яросл., пошех. Копор.,
 105; яросл. Мельн., 51)
 глущарь а) 'вид белого гриба' (твер. Д I, 359; влад., ковр. МДК
 11, 40; твер. Оп., 37; Макал. Оп., 58); в) 'вид рыжика' (ка-
 лин. Строг., 42)
 глущовик 'всякий гриб, разрезы которого срослись' (пск., твер.,
 осташ. Доп. Оп., 33; пск., новг. Д I, 359)
 глущие сморчки (Акс., 596)
 говорюшки, мн. говорюшки 'опята' (смол., ельн. Добр., 116; стал.,
 ново-ани. Орл. 42; кур., пенз. Оп., 38; кур., пенз. Д I, 364;
 кур., орл. Кардаш, 238; орл. Сахар., 13)
 голубѣц 'Agaricus violaceus' (Д I, 370, 394)
 горянка 'Russula emetica Fr.' (пск., опоч. Оп., 41; калин., стар.
 Строг., 42; твер., осташ. Копор., 101; новг. Карин., 113; ленин.
 Борк., 136)
 горяшка 'Russula emetica Fr. (Agaricus rufus)' (пск., пущк. Иероп.,
 592; пск., новорж. Оп., 41; прибалт. Немч., 70; Д I, 394)
 горюшка, горюшка 'Russula emetica Fr.' (калин., кимр. Виногр.,
 395; Анн Прост., 104)
 горчанй 'грибы белые, буроватые, потом чернеющие, растут на го-
 рах' (смол., ельн. Добр., 123)
 горчуй 'вид грибов' (волог. МДК 11, 77)
 горховик, горховик 'желтый груздь, растущий в березовых ле-
 сах' (арх., виногр. В. М.; урал. Сл., 123)
 грабеники (Д I, 394)
 гречишница (смол., бельск. Добр., 144)
 гриб а) 'гриб вообще' (дон. Мирг., 68; стал. Орл., 42; костр., пок-
 ров. Ж. Ст., 1899, 348; кал., дзерж. В. М.), б) 'белый гриб'
 (кур., бобр.-двор. МГУ; сарат. Сирот., 214; ульян. Алекс.,
 188; арх., виногр. В. М.); в) 'рыжик' (?) (волог., белоз. МГУ);
 г) 'опенок' (тобол. Патк., 491)
 грибовик 'большой гриб' (смол. Добр., 144)
 грибан 'гриб вообще, чаще березовик' (яросл., дан. Доп. Якуш.,
 104; яросл. Строг., 38)
 груздь 'Agaricus piperatus (Lactarius resimus Fr.)' (арх., виногр.
 В. М.; арх., пинеж. МДК 11, 358; арх., ровд. Кимяг.; арх.
 МДК 11, 10; волог., вельск. Диал. сб., 46; волог. Виногр. 395;
 волог., белоз. МГУ; волог., волог. МДК 11, 75; калин. Строг.,
 42; калин., осташ. Копор., 101; калин., кимр. Виногр., 395;
 твер., кашин. Смирн., 33; влад., ковр. МДК 11, 40; перм., вер-
 хот. МДК 11, 116; сарат. Сирот., 214; сарат. Моис., 72; сарат.
 Чмых., 65; ульян. Алекс., 188; пенз. Зелеп., 352; тобол. Зобн.,
 129; костр., межев., пыщуг. Азарх; Анн Прост., 103)

грузь, мн. *грузи* (арх., онеж. Подв., 35; кал., дзерж. В. М.)
 груздь 'Agaricus piperatus' (пск., опоч. Оп., 42)
 груздень 'Agaricus piperatus' (яросл., пошех. Копор., 103)
 груздок, груздки (волог. В. г. в., 204, 406; сарат. Адлив., 493)
 грузель, мн. *груэли* 'Agaricus piperatus', иногда 'общее название грибов' (кир., медян. Гор., 322; 252; вят. Васн., 54; вят. Оп., 42; мар. Моисеен., 292; перм. Проз., 16; перм., чусов. Каюр., 321; костр., ветлуж. АН. ф. 174; костр., вохом. Азарх; волог., солвыч. МДК 9, 59; арх., красн. В. М.)
 грубы а) 'грибы вообще' (зап. Д I, 394; арх., лекшм. МГУ; арх., печор. Иваш., 96; арх., белом. Федор., 58; арх., арх., мезен. шенк. Оп., 43; арх. Подв., 35; вят. Васн., 55; вят. Оп., 43; кир., вожд. Гор., 351; 322; волог. Потан., 226, перм. Проз., 353; перм., ирбит., солик., усольск., черд. Оп., 43; перм. Алексан., 204; удм. Барашк., 272; мар. Моисеен., 293; арх. Рыч., Дж., 76; волог., ярен. Оп., 43; костр., чухл. Оп., 43; енис. Кривош., 45; сиб. Ануч., 44; дов. Мирт., 69; кур., орл. Кардаш., 270); б) 'волнушки' (нижег. Семен. Оп., 43); в) 'несъедобные грибы' (ряз. Строган., 255)
 губина а) 'общее название грибов' (волог., казн. Доп. Оп., 38; Д I, 394); б) 'нарост на дереве, трут' (пск., твер. Дсп. Оп., 38)
 губарь 'гриб' (яросл. Мельнич., 56)
 гукалки 'шампиньоны Agaricus campestris' (смол., ельн. Добр., 152)
 гулянки 'вид грибов' (Д I, 394)
 дерябка 'гриб-моховик Boletus subtomentosus Fr.' (калин., кимр. Виногр., 396)
 дождейки 'Lycoperdon' (волог., белоз. МГУ; волог., вельск. Диал. сб., 46)
 дрожженьки 'Lycoperdon' (олон. Кул., 20)
 дрожжево яйцо 'Lycoperdon' (олон. Кул., 20)
 дуни 'свинухи Paxillus involutus Fr.' (влад. МГУ), *дунька* (ворон. Ворош., 254)
 дубовика 'Boletus luridus Fr.' (моск. В. М.); б) 'старый белый гриб' (новг., череп. Герас., 36); в) 'ядовитый гриб' (Аксак.)
 дубяницы 'вид грибов' (арх., шенк. Борис., 84; арх. Д I, 499)
 дулянка, дулянка а) 'серушка Lactarius pexiosus Fr.' (калин., кимр. Виногр., 396; костр., нерех. Оп., 52; моск., моск. Черн., 120); б) 'свинуха' (влад. Доп. Оп., 44; яросл. Якуш., 9; влад. Бобр. АН. ф. 216 № 24); в) 'лиловый груздь' (Зуев, 102)
 дуляница 'гриб, нарост на дуплах' (пск. Доп. Оп., 44)
 елбеики 'рыжики, растущие в ельнике' (волог. Д I, 519)
 желтый 'масленик Boletus luteus' (волог. Мак. Оп., 81; влад. покр. Оп., 56; Д I, 394)
 желтуха, 'вид сыроежки Russula ochroleuca' (пск., твер. Доп. Оп., 49)
 желтушки мн. 'лисички Cantharellus cibarius Fr.' (волог., бабшк. Ж. В.; ряз., мещер. Осов.)
 желтый груздь 'Lactarius scrobiculatus Fr.' (калин. Строг., 42)
 желтаяка 'масленик', 'сыроежка', 'желтый груздь' (урал. Сл. I, 157)
 желтак 'старый белый гриб' (новг., череп. Герас., 38; перм. Каюр., 321; Киров. Гор., 322)

жиловатик 'белый гриб с длинным корнем, растущий во мху' (новг., череп. Герас., 38)
 забалдуи 'несъедобные грибы' (яросл. Якуш., 44)
 зайчушки 'лисички Cantharellus cibarius Fr.' (калин., кимр. Виногр., 396; калин., емельян. Флор., 99; Д I, 394)
 заячий груздь 'вид груздя' (волог. Потан., 214)
 заячьих ушек мн. 'съедобные грибки, растущие кучками у пней, тоненькие, черно-желтые' (нижег. Д I, 671)
 землянушка мн. *землянушки* 'Agaricus foetens' (Д I, 394; Киров. Гор., 264)
 иванчики 'вид грибов' (Д I, 394)
 ивишень 'Agaricus prunulus' (Д I, 394; Анн. Прост., 103)
 изгуба 'груздь Agaricus piperatus' (Д I, 394)
 индюк 'Agaricus procusus' (Д I, 394)
 казаруш, казарушек 'подосиновик Boletus versipellis Fr.' (тамб., лебед. МДК 10, 13; Д I, 394; Зуев, 50)
 кобыла 'гриб съедобный, но невкусный' (смол. Добр., 328)
 ковыль 'белый гриб Boletus edulis' (сарат. Моис., 72)
 козак 'Boletus scaber' (Д I, 394)
 козел, мн. *козлы* 'масленики' (смол. Добр., 331; яросл. Доп. Якуш., 109)
 козяк 'масленик' и 'козяк' (калин. Строг., 40; смол. Добр., 331; твер., кашин. Смирн., 72; калин., кимр. Виногр., 396; яросл., рост. Волоц., 40; новг. Солов., 36; твер., ошаш. Копор., 109; прибалт. Немч., 124)
 козяники 'масленик Boletus granulatus' (Д I, 394)
 козяк 'моховик, козяк и масленик Boletus bovinus, subtomentosus, variegatus' (калин., калин. Строг., 40; пск., твер. Доп. Оп., 83; петерб., сомр. Кузн., 236)
 кокуры 'сморчок Morchella' (влад. Добрын. АН № 31,3)
 колпак, колпакуша 'Agaricus comatus' (Д I, 394)
 колупаник 'масленик Boletus elegans' (яросл. Якуш., 45)
 колачок 'Hydnum' (Д I, 394)
 колосник, колосовик 'ранний гриб, который поспевает в то время, когда колосится рожь' (пск., твер. Доп. Оп., 85; волог., устюж. Волог. сб., 31; калин. Строг., 40)
 конёк, конёк белый 'вид гриба Russula delica Fr.' (Д³ II, 395; арх., пинеж. МДК 11, 10)
 коновыш, коновытик 'старый белый гриб' (новг. Герас. Мат., 395)
 конский гриб 'поганка серая Agaricus cinereus' (Д³ II, 395)
 кобноха 'подгруздь' (яросл., молож. Якуш., 45)
 копыты 'черные грибы' (пенз. Иссерл., 154)
 корнаух 'красный рыжик с белой внутренней стороной шляпки' (арх., карг. МГУ)
 корёвка 'белый гриб Boletus edulis' (яросл., рыбн. Водар., 400; влад., покр., костр., кинеш., нижег., семен., твер., кашин. Оп., 90; яросл., рост. Волоц., 41; яросл., пошех. Копор., 129; Д I, 394)
 корёвтик 'белый гриб Boletus edulis' (волог., волог. МДК 11, 75; новг., череп. Барс.; волог. Доп. Оп., 89)
 корёвятик 'масленик' (твер., весьегон. Оп., 90; Д I, 394)
 корёвятик 'белый гриб Boletus edulis' (яросл., рост. Волоц., 1)
 корёвик 'белый гриб Boletus edulis' (твер., кашин. Смирн., 75; влад. АН ф. 216 № 24)

корбеник 'белый гриб *Boletus edulis*' (новг., череп. Барс.; влад. АН. ф. 216 № 31; арх., красн. В. М.)
 коровьяк 'белый гриб' (пск., сольц. Доп. Оп., 89; петерб., сомр. Кузн., 236)
 коровяк 'белый гриб *Boletus edulis*' (калин., кимр. Виногр., 396; костр., чухл., перм., усол. Оп. 90; арх., ровд. Кимяг.; Д I, 394)
 крапивники 'опята' (?) (ульян. Алекс., 188; Д I, 394)
 красавка 'гриб-поганка' (киров. Гор., 276)
 красик а) 'красный рыжик' (олон. Кул., 42); б) 'подосиновик' (новг., тихв. Доп. Оп., 91; кал., дзерж. В. М.)
 красный гриб 'подосиновик' (костр., мавсур., вохом. Азарх.; Д I, 394)
 краснухи 'вид грибов' (волог., волог. МДК 11, 75)
 краснушка а) 'красный рыжик' (калин., кимр. Виногр., 396); б) 'вид сыроежки' (арх., карг. МГУ)
 красовик 'подосиновик' (яросл., рост. Волоц., 109; влад., ковр., МДК 11, 40)
 красовиц 'вид грибов' (костр., вохом. Азарх)
 красотка 'вид сыроежки' (тобол., тюм. Патк., 497)
 красуля 'волнушка' (арх. Подв., 74)
 красульки 'вид грибов' (арх., ровд. МГУ)
 красуца 'красная сыроежка' (калин., болог. Строг., 43; волог., белоз. МГУ)
 красяк 'подосиновик' (арх., приоз. Кимяг.).
 красногубчики 'подосиновик' (киров. Гор., 322, 277; волог., белоз. МГУ; калин., кимр. Виногр., 396; твер., кашин. Смирн., 78; костр., вохом., пышуг. Азарх.), красны головки (арх., виногр. В. М.)
 кринка '*Agaricus violaceus*' (Д I, 394)
 кубарь, кубарик 'вид грибов' (волог. В. г. в., 431)
 кубышки 'вид грибов' (киров. Гор., 322)
 кузбека мн. кузовки (костр. Оп., 95; Д I, 394)
 кулак 'волуй' (ворон. Ворош., 255)
 кульпики 'вид грибов' (пск., вят. Оп., 96; Д I, 394)
 курочка 'съемобный гриб' (прибалт. Немч., 139)
 лубешка, лубешка 'гриб из породы солонух, синеватый с фиолетовым отливом' (пск., твер. Доп. Оп., 104)
 лисичы '*Cantarellus cibarius* Fr.' (смол., ельн. Добр., 376).
 лисичка, мн. лисички '*Cantarellus cibarius* Fr.' (калин., стариц. Флор., 99; кал., дзерж. В. М.; ряз. Мак. Оп., 145; волог., вельск. Диал. сб., 46; яросл. Якуш., 18)
 лиска, лисочка '*Cantarellus cibarius* Fr. (*Agaricus flabellatus*)' (Д I, 394)
 лозянки 'вид грибов' (новг. Чагищ., 384)
 масляник, масляник, мн. масленики, масленки (твер., осташ. Копор., 115; арх., белом. Федор., 27; киров. Гор., 322; перм. Проз., 353; ульян. Алекс., 188; яросл. Строг., 41; арх., виногр. В. М.; костр., боговар., пышуг. Азарх)
 масленок (сарат. Чмых, 65; калин., стариц. Флор., 99; пенз. Зелеп., 352; калин., осташ. Строг., 41; Анн. Прост., 105)
 масленка, маслянка (сарат. Моис., 72; смол. Добр., 401; волог. кадн. МДК 11, 85; калин., кимр. Виногр., 395; пск., опоч. Оп. 111; влад., ковр. МДК 11, 40)

маслуца (волог. В. г. в., 432; волог., белоз. МГУ; волог., волог. МДК 11, 75)
 масляк '*Boletus luteus*' (олон. Строг., 41)
 масляк (смол. Добр., 401; арх., арх. МДК 11, 10; арх., приоз. Кимяг.; олон. Кул., 54; арх., карг. МГУ; пск., твер., осташ. Доп. Оп., 110)
 масляты мн. (влад., гусь-хруст. МГУ)
 матрёна '*Agaricus rufus*' (Д I, 394)
 матрёхи 'вид грибов' (смол. Добр., 402)
 медвежники, медвежники 'белый гриб *Boletus edulis*' (олон. Кул., 54; олон. Барс. 94, 20; твер., весьгон. Оп., 112; Д I, 394)
 молокоанка '*Lactarius volemus* Fr.' (моск., подол. В. М.)
 молокоитник 'вид грибов' (пенз. Зелеп., 352)
 молокобеник 'заячий груздь' (костр. Потан., 214)
 молокоёдка '*Lactarius volemus* Fr.' (костр., перех. Оп., 115; Д I, 394)
 мохнушки 'волнушки' (калин., кимр., Виногр. 395)
 моховик '*Boletus subtomentosus*' (твер., осташ. Копор., 116; калин., кимр. Виногр., 396; волог., белоз. МГУ; яросл. Доп. Якуш., 113; Анн. Прост., 105; Д I, 394)
 моховник '*Boletus subtomentosus*' (новг., старорусск. Доп. Оп., 118)
 мочёники 'белянки, которые перед засолом мочат' (калин., осташ. Копор., 116)
 мочушка 'волнушка' (калин., емел. Флор., 99)
 мухомор '*Amanita muscaria* (Fr.)' (волог., волог. МДК 11, 75; арх. МДК 11, 10; волог., белоз. МГУ; влад., судогод. МГУ; калин., кимр. Виногр., 396; кир. Гор., 322; тобол. Скал., 13; Д I, 394)
 мухоморка (калин., осташ. Копор., 116)
 мухоморник (арх., лекшм. МГУ)
 мушмарик (киров. Гор., 289)
 мышьяк 'собачий гриб' (яросл., рыбин. Водар., 402; яросл. Мельн., 114)
 навбзник '*Agaricus campestris*' (Д I, 394)
 навбзный гриб 'несъедобный гриб' (чкал. Моис., 71)
 нагельники 'красные рыжики, боровики' (олон. Кул., 60)
 обабка 'подберезовик *Boletus scaber*' (новг. Солов., 42)
 обабок, мн. обабки а) 'грибы вообще' (арх., приоз. Кимяг.; костр., солиг., чухл. Оп., 131; пск., опоч. Оп., 131; костр., межев. Азарх.); б) 'масленики' (олон. Оп., 131; олон. Кул. 65; арх. Подв., 104; арх., холм. Гранд., 213); в) 'подберезовики *Boletus scaber*, черные грибы' (киров. Гор., 322; перм. Проз., 51; пск., новорж. Оп., 131; смол., бельск. Оп., 131; олон., карг. Этн. оч., 38; смол., росл., пореч. Добр., 1; ряз. Писк., 689; свердл. Глаз., 46; калин., осташ. Копор., 120; костр., пышуг., межев. Азарх.; прибалт. Немч., 183); г) без указания значения (арх. Неск. прост., 86; волог. В. г. в., 286; арх., виногр. В. М.)
 обабки-чилики (волог., волог. МДК 11, 75)
 обабня 'всякий крупный съедобный гриб' (арх., онеж., холм., шенк., пинеж., мез. Подв., 104)
 овечки мн. 'козяк *Boletus bovinus* Fr.' (влад., покр., Оп., 136; Д I, 394)
 оклуб '*Agaricus procerus*' (Д I, 394)

окули 'вид грибов' (киров. Гор., 304)
 олений (гриб.) 'белый гриб *Boletus edulis* Fr.' (Д. I, 394)
 ольховики '*Lactarius trivialis* Fr.' (?) (новг., тихв. Оп., 141)
 ольхушка '*Lactarius trivialis* Fr.' (?) (яросл., пошех. Копор., 104)
 омховик 'моховик *Boletus subtomentosus* Fr.' (смол., бельск. Добр., 144; смол., бельск. Оп., 141)
 опёнка (смол., ельн. Добр., 530)
 опёнок, мн. опёнки, опята '*Armillaria mellea* (Fr.) Quel. (*Agaricus fragilis*)' (киров. Гор., 322; перм. Проз., 54; сарат. Чмых., 65; волог., волог. МДК 11, 75; волог., кадн. МДК 11, 85; кур., рахит. МГУ; кур., бобр.-двор. МГУ; кур., белг. МГУ; кал., мешов. Черн., 161; сарат. Сирот., 214; стал., нов.-анн. Орл., 9; ульян. Алекс., 188; пенз. Зелеп., 352; тобол. Зобн., 129; калин., кимр. Виногр., 396; вят. Васн., 179)
 опёночка (смол. Добр., 12; сарат. Моис., 72)
 опутник (яросл. Доп. Якуш., 116; яросл. Мельн., 134)
 ореховы грибы '*Lactarius volemus* Fr.' (влад., судог. МГУ)
 осенники '*Agaricus melleus*' (Д. I, 394)
 осиновы грибы 'вид грибов' (арх., онеж. Кораб., 53; влад., судог. МГУ)
 осиноватик 'вид грибов' (арх., виногр. В. М.)
 осиновик '*Boletus rufus*' (арх., арх. МДК 11, 10; арх., пинеж. МДК 11, 40; арх. виногр. В. М.)
 осинник 'волнуха' (?) (арх., шенк. Подв., 111)
 бскор 'гриб, выросший на коре дерева' (тул. Оп., 144)
 отваруха, отварушка мн. отварухи (костр., перех. Оп., 146; волог., белоз. МГУ; яросл. Доп. Якуш., 116)
 пдгруздъ '*Russula delica* Fr. (*Agaricus velleus*)' (твер., каш. Смирн., 125)
 пан 'белый гриб *Boletus edulis*' (волог., бабуш. Ж. В.; яросл., пошех. Якуш., 25)
 пальцы, пальчики 'вид грибов' (киров. Гор., 307)
 пашовик 'гриб с бархатистой шляпкой' (яросл., молож. Якуш., 45)
 песляк 'старый гриб' (смол. Добр., 597)
 пеньки, мн. 'опенки' (смол., росл. Добр., 530)
 пердунёк, пердунница 'вид грибов' (смол. Добр., 579; кур. путив. Халап., 372)
 петушки 'лисички *Cantarellus cibareus* Fr.' (влад., ковр. МДК 11, 40; моск., егорьев. В. М.; Зуев, 63)
 пестрѣц '*Boletus squamosus*, *Agaricus dentalis*' (Д. I, 394; Анн. Прост. 103, 105)
 печерика, печерница 'шампиньон' (дон. Мирт., 230; стал., серг. Серг., 14; орл. Сахар., 33; кур., сужд. АН ф. 126, № 98)
 печурица 'шампиньон *Agaricus campestris*' (брян. Тихан., 66)
 печёрка 'шампиньон *Agaricus campestris*' (прибалт. Немч., 217)
 печура 'старый белый гриб' (калин., вышневол., осташ., пск. Струг., 39)
 поганниш 'поганка' (прибалт. Немч., 223)
 поганый гриб (сарат. Моис., 72)
 поганка, мн. поганки (Д. I, 394; арх., арх. МДК 11, 10; арх. Подв., 124; волог., белоз. МГУ; вят. Васн., 216; арх. Гранд., 237)
 поганцы мн. (арх., виногр. В. М.)
 подберезовик '*Boletus scaber*' (пск., опоч. Оп., 162; волог., волог.

МДК 11, 75; калин. Струг., 38; смол., ельн. Добр., 1004; калин., кимр. Виногр., 397; волог., вельск. Диал. сб., 46)
 подволяхбеки '*Lactarius trivialis*' (яросл., пошех. Копор., 105)
 подгребъ 'подгруздь *Russula delica* Fr.' (новг., новг. Солов., 46; смол., пореч. Добр., 621; смол., бельск. Добр., 144; пск., опоч. Оп., 163; новг. Карин., 114; новг., старо-русс. В. М.; прибалт. Немч., 226)
 подгруздень '*Russula delica* Fr. (*Agaricus scrobiculatus*)' (Д. I, 394; Анн. Прост., 104)
 подгруздок, мн. подгрузки '*Russula delica* Fr.' (Д. I, 394; влад., ковр. МДК 11, 40)
 подгруздъ '*Russula delica* Fr.' (моск., моск. Черныш., 63)
 подгрибень '*Russula delica* Fr. подгруздъ' (твер., кашин. Смирн., 125)
 подорбжа, поддорбжа 'вид сыроежки' (калин., стариц. Фрол., 100)
 поддубень '*Boletus luridus* Fr.' (орл., тул. Будде, 131; Д. I, 394)
 поддубешка '*Agaricus velleus*' (?) (Д. I, 394)
 поддубовик, поддубовник '*Boletus luridus* Fr.' (новг. Солов. 46; моск., моск. Черныш., 133; Д. I, 394)
 подёльши 'вид рыжиков' (арх., приоз. Кимяг.; калин. Струг., 41; олоя., карг. Этн. оз., 39; калин., кимр. Виногр., 397)
 подъяльшики 'вид грибов' (Д. I, 394)
 подкоровник 'белый гриб *Boletus edulis*' (тгеп., стариц. Оп., 163; Д. I, 394)
 подмолочник '*Lactarius volemus* Fr. (*Agaricus velleus*)' (смол., пореч. Добр., 628; Д. I, 394)
 подолёшница 'гладыш *Lactarius trivialis*' (смол., бельск. Добр., 144)
 подолёшники 'гладыш *Lactarius trivialis*' (волог., кадн. МДК, 11, 85)
 подольховатики 'гладыш *Lactarius trivialis*' (волог., волог. МДК 11, 85)
 подорёховик 'съедобный гриб с темной головкой, напоминающий боровик' (прибалт. Немч., 229; калин., осташ. Копор., 127)
 подорёшник '*Agaricus procerus*; *Agaricus velleus*, *Agaricus mutabilis*' (Д. I, 394; Зуев, 104)
 подосиновец '*Boletus rufus* (*Boletus versipellis* Fr.)' (яросл. Якуш., 104)
 подосинники (сарат. Чмых., 65; калин., стариц. Флор., 98)
 подосинки мн. (сарат. Моис., 72)
 подосиновик '*Boletus rufus*' (киров. Гор., 322; волог., кадн. МДК 11, 85; сарат. Чмых. 65; яросл. Доп. Якуш., 119; калин., стариц. Флор., 98; калин., осташ. Копор., 127; перм., чусов. Каюр., 322)
 подрешетник 'моховик' (смол., пореч. Добр., 631; смол., бельск. Добр., 144)
 полукоровка 'вид грибов' (яросл. Доп. Якуш., 120)
 поплавочки 'вид грибов' (калин., осташ. Копор., 129)
 поплавуки 'вид грибов' (арх., шенк. Неск. прост., 87)
 поплаушка '*Agaricus procerus*' (Д. I, 394)
 попутник 'род груздя, который употребляется соленый' (нижег., семен. Оп., 171)
 порбся 'белый состарившийся гриб' (яросл., пошех. Копор., 170)

порхивка 'гриб-дождевик Bovista' (орл., болх. Сахар., 33)
порхойца 'дождевик Bovista' (новг. Герас. Ж. Ст., 170; вят. Васн., 239; арх., онеж., шенк. Подв., 133)
пороховица 'дождевик Bovista' (вят. Васн., 239)
порховка 'дождевик Bovista' (вят. Оп., 172)
почерик, мн. *почарики* 'шампиньон Agaricus campestris' (ворон., дмитр. Листр., 50; терск. Караул., 104)
пупыр, мн. *пупыры* 'общее название грибов' (пенз. Д III, 539)
пүтик (киров. Гор., 327; волог., вельск. Диал. сб., 46)
пүтник 'вид грибов' (яросл. Мельн., 170; киров. Гор., 322; волог., вельск. Диал. сб., 46; перм., чувов. Каюр., 322)
пүтінка 'вид грибов' (яросл. Мельн., 170)
пүзарка 'дождевик Bovista (Lycoperdon)' (прибалт. Немч., 267)
пыжики 'вид грибов, которые идут в засол' (симб. Федор., 257)
пйхалка 'круглый дождевой гриб' (ворон. Путин. 121)
пйхка, пйхва, пйхма 'дождевик Bovista (Lycoperdon)' (олон. Кул., 97)
распёрсницы 'вид грибов' (киров. Гор., 324)
решетник, решетка 'зеленый моховик Boletus subtomentosus' (Зуев, 86)
рйжика 'Agaricus (Lactarius) deliciosus' (волог., казн. МДК 11, 86; волог., белоз. МГУ; калин., кимр. Виногр., 397; Анн. Прост., 103; Д I, 394; калин. Строг., 41; сарат. Моис., 72; перм., чувов. Проз., 353; сарат. Чмых., 65; киров. Гор., 322; тобол. Зобн., 129; калин., старич. Флор., 99; кал., дзерж. В. М.; костр., межев., пыщуг. Азарх.); б) 'общее название грибов' (волог., чароз. Диал. сб. I, 111; арх., виногр. В. М.)
рйжовик 'рыжик' (новг., череп. Строг., 40)
свинарь, мн. *свинари* 'свинуха Lactarius necator (Paxillus involutus Fr.)' (перм., чувов. Проз., 89; вят. Васн., 287; Д I, 394)
свйнка 'Lactarius necator' (прибалт. Немч., 288)
свинурй 'Lactarius necator' (?) (арх., виногр. В. М.)
свинух 'свинуха Lactarius necator' (прибалт. Немч., 288)
свинуха, свинухка 'Lactarius necator' (тул., кал. Будде, 65; Д I, 394; Анн. Прост., 103)
сёрый гриб 'вид грибов' (волог., казн. МДК 11, 85)
серуха, мн. *серухи* 'Lactarius flexiosus Fr.' (волог., белоз. МГУ; яросл., пошех. Копор., 104; яросл. Мельн., 183)
серушки 'иногда так называют подберезовики' (калин., кимр. Виногр., 397)
серйк 'серушка Lactarius flexiosus Fr.' (калин. кимр. Виногр., 396; арх., виногр. В. М.)
серйнка 'серушка Lactarius flexiosus Fr.' (калин., болог. Строг., 42; яросл. Доп. Якуш., 125; арх., холм., мезен. Подв., 170; яросл. Мельн., 183)
сизйк 'Agaricus tremellus' (Д I, 394)
синевйцы 'сыроежки с синеватой кожицей шляпки Russula virescens Fr.' (костр., вохом. Азарх.)
синекорёшка 'гриб белый с синеватыми корешками' (терск. Караул., 107)
синйеки 'вид сыроежки Russula virescens Fr.' (киров. Гор., 322; перм., чувов. Проз., 353; свердл. Глаз., 70; новосиб. В. М.; тобол. Патк., 509; прибалт. Немч., 294; Д I, 394)

синбха, мн. *синбхи, синбшечки* (калин. Строг., 42; волог., волог. МДК 11, 75; арх., пещор. Иваш., 96; Д I, 394)
синбга 'вид сыроежки' (влад., покр. Оп., 203)
синйчки 'вид грибов' (влад., ковр. МДК 11, 40)
синйкй 'вид грибов с синей шляпкой' (арх., виногр. В. М.)
ситник 'моховик Boletus subtomentosus' (Д IV, 189)
ситбвик 'моховик Boletus subtomentosus' (смол., пореч. Добр., 832; пск., твер. Д IV, 189)
ситуха 'моховик Boletus subtomentosus' (калин., кимр. Виногр., 396)
скрипйца 'Agaricus procerus (Lactarius vellereus Fr.)' (влад., ковр. МДК 11, 40; яросл. Доп. Якуш., 125; Анн. Прост., 103; Д I, 394)
скрипун (скрыпун) 'подгреб' (новг. Солов., 46)
слизун, мн. *слизуны, слизунки, слизуны* 'масленок Boletus luteus' (арх., арх. МДК 11, 10; арх., белом. Федор., 27; арх., виногр. В. М.)
сморчйк, мн. *сморчки* 'Morchella' (сарат. Чмых., 65; Д I, 394; арх., арх. МДК 11, 10; влад., судогод. МГУ; вят. Васн., 294; сарат. Моис., 72; пенз. Зелен., 352; твер. Пуп., 218; костр., пыщуг. Азарх.)
снегарй мн. «гр'ибы, как картёшка, кор'шоч'к, так jedvá jivó и výкопаш» (арх., красн. В. М.)
собачьи губы 'несъедобные грибы' (киров. Гор., 322, Д I, 394).
собачий гриб а) 'несъедобный' (сарат. Моис., 72); б) 'шампиньон' (сиб. Доп. Оп., 249)
собачник 'шампиньон' (олон. Кул., 110)
собачьяки 'вид грибов' (арх., приоз. Кимяг.)
соеики 'вид грибов' (Д I, 394)
солоднй 'Russula delicata Fr., подгруздь' (смол., ельн. Добр., 810)
солодбхи, мн. солодбшки 'подгруздь, Russula delicata Fr.' (Д IV, 380)
солодуха 'вид грибов' (яросл. Доп. Якуш., 126; Ворон., 254)
солодйги 'вид грибов' (волог., волог. МДК 11, 75)
соломаха 'свинуха Paxillus involutus' (ворон. Ворон., 254)
солонуха 'гриб, употребляемый в пищу преимущественно соленым (грузди, волнухи, рыжики)' (новг. Солов., 52)
солопёна 'свинуха, Paxillus involutus' (ворон. Ворон., 254)
солбхи 'вид грибов' (смол., ельн. Добр., 810)
сопливики 'валуи Russula foetens' (влад., ковр. МДК 11, 40)
соснбейки 'вид грибов' (влад., ковр. МДК 11, 40)
сплоень 'лисичка Cantharellus cibarius Fr.' (Д I, 394)
стакан 'валуй, Russula foetens' (яросл., пошех. Копор., 104)
стольчй 'черные грибы' (костр., кинеш. Оп., 216)
струень 'Boletus esculentus' (Д I, 394)
суравёга 'сыроежка Russula' (орл., малоарх. МДК 10, 93)
сураёшка 'сыроежка' (твер., клин., моск., моск. Черн. 63)
сухой груздь, сухой грузель 'подгруздь' (волог. Диал. сб., 46; киров. Гор., 322; сиб. Д I, 394)
сухарка 'вид грибов' (яросл., пошех. Копор., 104)
сухарь, мн. *сухарй а)* 'подгруздь' (Д I, 394; волог., волог. Оп., 222; волог., волог. МДК 11, 75; волог., белоз. МГУ; волог. В. г. в., 335; костр., вохом. Азарх.; яросл., кубен. Копор., 104); б) 'сыроежки' (волог., тотем. Потан., 264)

сухуши 'название грибов, идущих в сушку' (калин., болог., удом., Строг., 41)
 сухонба 'гриб желтого цвета на тонкой ножке' (калин., болог., удом. Строг., 41)
 сыроежки 'сыроежки' (калин., емельян. Строг., 42; калин., кимр., Виногр., 397; кал., дзерб. В. М.)
 сыроежка, мн. сыроежки а) 'Russula' (сарат. Чмых., 65; арх., арх. МДК 11, 10; смол. Жак., 82; сарат. Моис., 72; Д I, 394; Анн. Прост., 103); б) 'рыжик' (твер., кашин. Смирн., 170); в) 'волнуха' (арх. Подв., 169; арх., холм. Гранд., 279)
 толокняники 'вид грибов' (арх., виногр. В. М.; киров. Гор., 338)
 толкач а) 'Agaricus comatus' (Д I, 394); б) 'белый гриб' (кал. Наум., 37)
 толстокоренник 'подосиновик' (арх., белом. Федор., 196)
 толстуха 'вид грибов' (влад., ковр. МДК 11, 40)
 троповик 'вид грибов, то же, что путник' (яросл., в.-кубен. Копор., 104)
 трютовик, трютник 'Boletus hepaticus, buglossum' (Д I, 394)
 тузилажка 'дождевик Lycoperdon' (олон. Кул., 121)
 фетяга 'вид грибов' (костр., нерех. Оп., 244; Д I, 394)
 ховербушки мн. 'красные грибы' (нижег. Оп., 249)
 хрустальки мн. 'вид. грибов' (киров. Гор., 347)
 хрустюшка то же, что бычок (вят. Зелен., 86)
 целйк, цилйк, мн. целйкий, чиликий а) 'боровик' (волог. Сб. обл., 226; волог. В. г. в., 474; волог. Суров., 282); б) 'молодой гриб' (волог. Оп., 252); в) 'серый гриб, подберезовик' (костр., чухл. Покр., 348; костр., пышуг., Азарх; волог., волог. МДК 11, 75)
 целйш, чельш, мн. целйшш, чельшш а) 'подберезовики' (влад., мелен. МДК 9, 38; Д I, 394); б) 'боровик' (яросл., рост. Волоц., 114); в) 'шляпка гриба' (яросл. Доп. Якуш., 130)
 чернуха, чернушка, мн. чернухи, чернушки 'Agaricus (Lactarius) pector' (Анн. Прост., 103; смол., ельн. Добр., 978; влад., ковр., МДК 11, 10; Д I, 394; пенз. Иссерл., 162)
 черный гриб 'подберезовик Boletus scaber' (Д I, 394)
 чернопузик 'вид грибов' (ворон., бобр. Тороп., 34)
 чертов табак 'высохший дождевик' (яросл. Мельн., 214)
 чертовы пальцы 'вид грибов' (киров. Гор., 352)
 шампиньоны 'Agaricus campestris' (сарат. Чмых., 65; Д I, 394; Анн. Прост., 103)
 шпшон 'шампиньон' (яросл. Мельн., 219)
 щитовик 'вид грибов' (костр., мантур. Азарх.)

III

НАЗВАНИЯ ЯГОД

Названия ягод в русском языке образуют небольшую по объему группу, немногим более полусотни слов, не содержащую большого числа синонимичных образований. Определенную близость имеет эта группа с названиями кустарников и деревьев, что определяется отчасти характером называния ягодных кустиков (ср. *брусничник*, *голубичник* и т. д.) и реальной постепенностью перехода от кустарника к деревьям.

Структура группы названий ягод напоминает структуру группы названий грибов. Та же прямая соотношенность слова и вещи, близкая к терминологической; то же построение — незамкнутый ряд с обобщающим словом во главе или с отсутствием его, когда обобщающее слово выступает как название конкретного вида. Большая часть элементов группы сохраняется устойчиво во всех говорах, изменения и сдвиги касаются части менее значащей, второй степенной¹.

В первой главе я частично касалась вопроса о диалектном словообразовании и его особенностях. Ненормированность диалектной речи, непрерывающийся и доступный наблюдению процесс развития сказываются на всех сторонах языка, в том числе и на словообразовании. Значительная часть слов не имеет устойчивой словообразовательной формы, они могут выступать с разными синонимичными суффиксами. Существуют, вернее сосуществуют, многочисленные дублетные формы. Это явление встречается в литературном языке исключительно редко (примером могут служить два варианта названия гриба *масле-*

¹ См.: Н. П. Гринкова. О названиях некоторых ягод в восточнославянских языках. «Славянская филология», III. М., 1958.

ник и маслёнок). В говорах такая словообразовательная вариация наблюдается постоянно.

Группа названий ягод в данном случае очень показательна. Анализ облегчается тем, что набор лексем и суффиксов ограничен; обычно не более десяти лексем в словообразовательном ряду, суффиксы: *-ица / -ика / -ига / -ка*, *-ина*, *-иха*, редко *-уха*. Указанные вначале три формы *-ица / -ика / -ига* являются вариантами одного суффикса, *-ица* и *-ка* выступают как суффиксы синонимичные. Суффикс *-ина* стоит особняком, он оформляет большей частью старые и имеющие соответствия в других славянских языках основы.

О синонимии суффиксов *-ка / -ица* уже неоднократно говорилось (под синонимией я понимаю функциональное тождество).

Взаимозаменяемость суффиксов *-ка / -ица* прослеживается по всем говорам русского языка, имеет место в украинском и белорусском и, как показывает материал других славянских языков, явление достаточно древнее. Причем эта словообразовательная синонимия наблюдается не только в образовании демунитивов, но и в образовании апеллятивов вообще. Ср., например, в русских говорах: *прялица / прялка*; *мялица / мялка*; *каменица / каменка*; *кисленица / кисленка*; *дупленица / дуплянка*; *волвеница / /волвянка*; *полица / полка*; *галица / галка*; *чаица / чайка*; *дельница / деленка* и мн. др.

Вариантность же *-ица / -ика / -ига* характерна только для русского языка в его говорах, причем она отнюдь не связана только с названиями ягод. Есть достаточное количество слов в южнорусских говорах, которые оформляются с суффиксом *-ика*, тогда как в других говорах ему соответствует *-ица*. Ср., например: *молодiка* 'шерсть с ягнят', *пояснiка* 'поясница', *тупiка* 'затупленный топор', *кленовiка* 'кленовый сок', *леснiка* 'яблоко или груша, сорванные с лесных деревьев', *толстiка* 'толстая пряжа', *старiка* 'весенняя шерсть с овец', *дублянiка* 'нечто твердое', *жерлiка* 'жерлица', *жидiка* 'нечто жидкое', *повилiка*, *кислiка* 'очески с овчины после ее дубки' и др. Суффикс *-ика* выступает как словообразовательный вариант *-ица* только в сочетании с основами имен прилагательных. А так как эта модель (забегая вперед) основная в названиях ягод, то синонимия суффиксов *-ица / -ика* в названиях ягод не может вызывать удивления. Суффикс *-ига*,

выступающий тоже как вариант *-ица / -ика*, ограничен говорами восточных областей. Объяснение этому явлению следует искать скорее всего в процессах фонетических, а не словообразовательных (возможно, даже субстратного характера). То, что в русском литературном языке суффикс *-ика* закрепился за названиями ягод и тем самым сделался как бы чисто «ягодным» суффиксом, определяется не особенностями этого суффикса или этой лексико-семантической группы, а теми говорами, которые в конечном счете легли в основу русского литературного языка. Памятники письменности вплоть до конца XVIII в. фиксируют названия ягод с суффиксом *-ица*.

Анализ словообразования названий ягод в русских говорах приводит к выводу о резком противопоставлении северных говоров южным по двум основным пунктам: наличие или отсутствие единого словообразовательного ряда и наличие или отсутствие синонимичных форм.

Материалом послужили ответы на вопросы программы по VI тому «Атласа русских народных говоров» (говоры Вологодской, Костромской, Ярославской и Калининской обл.) и VIII тому «Атласа» (говоры Курской, Орловской, Брянской и западной части Калужской обл.).

Статистический анализ ответов из 1458 пунктов в северных говорах показывает, что пункты, где в группе названий ягод выступал бы один вариант суффикса *-ика* или *-ица*, составляют небольшой процент: 175 случаев, где наблюдается устойчивый словообразовательный ряд с суффиксом *-ика*, и приблизительно столько же случаев с суффиксом *-ица*. Сплошных территорий с каким-либо одним вариантом нет, нет изоглоссы, разделяющей эти два варианта.

Во всех остальных случаях наблюдается отсутствие единого словообразовательного ряда: он осуществляется в форме: *чернiца*, *бруснiца*, но *землянка*; *чернiца*, *земленiца*, но *брусiна* и т. д.

Напротив, материалы южных говоров говорят о наличии устойчивого словообразовательного ряда с суффиксом *-ика*.

Противоречие в словообразовательных отношениях в северных говорах разрешается возникновением дублетных форм, т. е. нарушением словообразовательной нормы слова: *земленица* и *земленика*, *земленица* и *землянка* как равноправные варианты. Присутствие одновременно трех

вариантов (*земленица, земляника и землянка*) — случай наибольшего ослабления словообразовательной нормы. Эти варианты существуют не только в речи одного коллектива, но и одного индивидуума. Наличие синонимичных форм в южных говорах — явление исключительное (я говорю только о названиях ягод).

Вопросы хронологии создавшегося положения в северных говорах очень сложны и могут быть установлены только косвенно. Есть указания (к сожалению, их немного), что наиболее архаичным вариантом является *землянка*, потом стали говорить *земленийца* (пункт № 773), что вариант *земляника* появился после варианта *земленица*. Картина развития очень ориентировочно может быть представлена следующим образом: наименование ягоды возникает из первоначального описания *черная ягода, земляная ягода* (такого рода названия присутствуют в большинстве славянских языков). Возникшие цельнолексемные определения *землянка* и *черница* заключают в себе внутреннее противоречие, так как в этом случае отсутствует лексико-словообразовательный ряд. В то же время ограниченный набор слов и постоянное их употребление в едином контексте вызывает необходимость выравнивания. Как правило это выравнивание проходит по модели с суффиксом *-ица*: *черница, земляница, голубица, брусница* и т. д., очень редко по модели с суффиксом *-янка*: *брусъянка, костъянка, голубъянка, полудъянка* (№ 809 — 948) при наличии слова *черница*. Тенденция к установлению устойчивого лексико-словообразовательного ряда может осуществляться путем возникновения дублетных форм, сосуществующих со старыми формами, и путем устранения старой формы и замены ее новой. Все этапы этого процесса отражены в северных говорах.

Вариант *-ика* в южных говорах широко используется для образования имен существительных. Поскольку он встречается в словенском и болгарском языках, можно говорить о его достаточной древности. В северных говорах он выступает только как дублер *-ица*. Время и характер его появления на севере мне не совсем ясны.

Я остановилась лишь на двух возможных аспектах анализа словообразования названий ягод: наличие словообразовательного ряда и дублетных форм. Самостоятельный интерес представляет вопрос о варианте *-ига*, а также вопрос об употреблении форм множественного числа

Таблица 7

-ика	-ица	-ига	-ка	-еница	-еница	-ени/-яни/-ка
голуб/-ика журав/-ика ежев/-ика кисл/-ика коман/-ика земл./ян/-ика черн/-ика кост./ян/-ика пьян/-ика дурн/-ика дурн/-ика клубн/-ика княж/-ика брусн/-ика ворон/-ика	голуб-ица журав-ица ежев-ица кисл-ица коман-ица земл./ян-ица черн-ица кост/ян-ица пьян-ица клубн-ица княж-ица брусн-ица ворон-ица костр-ица снежн-ица вешн-ица	голуб-ига журав-ига ежев-ига земл./ян-ига черн-ига кост/ян-ига клубн-ига брус-ига	кисел-ка коман-ка земл./ян-ка кост/ян-ка пьян-ка княж-ка брус-ка	черн-еница княж-еница	кисл-еница княж-еница состр-еница	голуб-ени-ка кисел-ени-ка княж-ани-ка брус-ени-ка состр-ян-ка

для обозначения ягод в западных говорах, которое может быть поставлено в связь с аналогичным явлением в соседних языках (напр. в эстонском) и многое другое.

Анализ материала по всем говорам показывает наличие большого числа словообразовательных вариантов одного названия (см. табл. 7, стр. 207). Основы имен прилагательных могут иметь суффикс *-н-*, а могут и не иметь его (*голубой*). Это явление дает толчок для двух противоположных процессов: возникновение наряду с *-ица/-ика/-ига* сложных суффиксов *-ница/-ника/-нига*, *-еница/-еника/-енига* и присоединение суффикса *-ица/-ика* непосредственно к корню (ср. *костика*, *дурика*, *снежница* наряду с *костяника*, *дурника*, *снежника*). Процесс выравнивания иногда приводит к возникновению даже таких патологических образований, как *черненка* по типу *земленка*, *черненка* по типу *брусенка*.

Слова *малина* и *смородина* не имеют суффиксальной вариации (если не говорить о бессуффиксной форме *сморода*). Во всяком случае они стоят вне описанных выше процессов.

* * *

Если в словообразовательном отношении группа названий ягод представляет поразительное единство и стройность, то с точки зрения семантических моделей, напротив, никакого единства нет. Каждое название по сути дела индивидуально и отражает какой-то признак, характерный именно для данного вида. Симптоматично, что аналогичные семантические модели повторяются во многих индоевропейских и угро-финских языках: клюква называется «журавлиной» ягодой, земляника «земляной» (ср. нем. *Erdbeere*), черника «черной» (фин. *mustikka*), голубика «голубой» (нем. *Blaubeere*), ежевика «колючей» и т. д.

* * *

На территории русских говоров наиболее устойчивы, постоянны, однолексемны названия *Rubus idaeus* (малина), *Ribes nigrum* (смородина), *Vaccinium myrtillus* (черника) и *Vaccinium vitis idaea* (брусника). Слова *малина* и *смородина* не имеют и словообразовательных вариантов по говорам. Лексема *черника* имеет типичные

для большинства названий ягод в русском языке варианты: *черница*, *черника*, *чернига*, *черненка*. Число суффиксальных вариантов у слова *брусника* еще больше: *брусница*, *брусника*, *бруснига*, *бруска*, *брусена*, *брусенка*, но основа остается неизменной. Такая устойчивость названных лексем по говорам может быть, хотя и косвенно, поставлена в связь с постоянством и устойчивостью употребления: «... широкое географическое распространение и ценность растения находятся в каком-то соотношении с устойчивостью и самого названия»².

Для *Vaccinium oxycoccos* широко по говорам представлено название с основой *жерав-*, а его синоним *клюква* занимает незначительную территорию.

Доминирующим названием для *Fragaria vesca* L. следует признать *земляника* (и варианты: *земляница*, *землянига*, *землянка*), в ряде говоров отмечено в качестве названия *Fragaria vesca* слово *ягода*. Название *сунница* (*суника*) принадлежит только белорусским говорам. Для южнорусских говоров характерны и некоторые более частные наименования: *пазобника*, *поземка*, *полевишник*.

Основным названием для *Fragaria moschata* служит слово *клубника* (с вариантами *клубнига*, *клубенига* и искажениями: *глубенига*, *бублянига*), в ряде южных говоров ее называют *ягода* (орл. пенз.).

Относительной устойчивостью по говорам обладает и название *Rubus saxatilis*: *костеница* (*костеника*, *костенига*, *костянка*). В архангельских говорах наряду со словом *костеница* сосуществует слово *костёра* (являющееся этимологическим вариантом той же основы), а в олонекских говорах синоним *каменика*.

Rubus caesius L. не достигает крайнего севера, самая северная ее граница — Новгород — Вятка. Основным для всех русских говоров названием *Rubus caesius* является слово *ежевика* (и его варианты: *ежевика*, *жевика*, *жевнига*, *жавика*, искаженное — *жеваника* и др.). Вторым названием *Rubus caesius* служит слово *комоника* (*комоница*, *комонига*, *команка*) с довольно обширной территорией распространения. *Ожина* — основное название для *Rubus caesius* на Украине, на территории России слово отмечено только в пограничных с Украиной обла-

² Н. П. Гринкова. Указ. соч., стр. 101.

стях (курск., дон.) и должно расцениваться как украинизм.

Vaccinium uliginosum L. имеет два основных синонимичных названия: *голубица* (*голубика*, *голубина*) и *гоноббля* (с вариантами: *гонобббель*, *гоноббб*, *голоббб*, *гоноббй*). География этих терминов такова: все говоры восточных областей знают только слово *голубица* и его варианты, западные говоры главным образом *гоноббля*, хотя нередко случаи, когда оба названия сосуществуют или перекрещиваются.

Выход за пределы русского языка почти не меняет картины устойчивости или неустойчивости тех или иных лексем. Так, слово *малина*, как название *Rubus idaeus*, обладает той же устойчивостью во всех славянских языках, что и на территории русского. Та же однолексемность характерна и для названия *Vaccinium vitis idaea* L. (польск. *brusznica*, *bruśnica*, чеш. *brusnice*, с.-хорв. *брусница*, укр. *брусниця*, блр. *брусница*) и *Ribes nigrum* L. (укр. *смородина*, блр. *смородина*, польск. *smrodynia*, чеш. *smradinka*).

Широко распространено слово *черница* в качестве наименования *Vaccinium myrtillus* L.: укр. *черниця*, блр. *черница*, польск. *czarna jagoda*, *czernica*, чеш. *černa jahoda*, словц. *černica*, словен. *črnica*. Наряду с этим в части западославянских и южнославянских языков существует синоним *borovica* (болг., с.-хорв., словен., н.-луж. и в.-луж. языки).

Общим для восточнославянских и западославянских языков является и название *Oxycoccus palustris* Pers: укр. *журавина*, *журавлина*, блр. *журавины* мн., польск. *żurawina* (-у, мн.), н.-луж. *šerawina*. На территории южнославянских языков само растение отсутствует.

Общеславянским явлением следует признать и употребление слова *ягода* для называния клубники или земляники. Существующие наряду с этим наименования этих растений носят узкоместный характер (зап.-слав. *truskawec*, вост.-слав. *земляница*, *клубника* и др.), исключение составляет лишь слово *сунница*, которое представлено в большинстве славянских языков, кроме русского.

Слово *ежевика*, хотя и сохраняет семантическую модель и основу, словообразовательно является новым, ср. польск. *jeżyna*, *ożyna*, чеш. *ježina*, укр. *ожина*. В славянских языках также существует синоним *ostružina*.

Рассмотрение всего славянского материала в целом неизбежно приводит нас к выводу, что для праславянского периода можно признать существовавшими устойчиво и на всей территории праславянского языка лишь три лексемы: **jagoda*/**jaga*, **malina* и **smorda*, **smordina*. Были распространены на большей части славянской территории лексемы **brusnica* и **žeravina* (**žeravica*). Более поздними по времени возникновения, диалектными по своему характеру, но получившими также широкое распространение, следует считать лексемы **spnica* и **ježina*, как вторые и классифицирующие названия для реалей, ранее подходивших под более обобщенные термины **jagoda* и **malina*.

Основным суффиксом в названиях ягод этого периода можно назвать суффикс *-ina*: **malina*, **smordina*, **žeravina*, **ezina*. Суффикс *-ica* имел меньшее распространение. Преобладающее положение суффикса *-ica* в названиях ягод (с его вариантами) — явление уже собственно русское.

* * *

Приступая к собственно этимологическому анализу лексем этой группы, следует иметь в виду большую разнородность исследуемого материала: от древнейших образований с широкими индоевропейскими связями до поздних узкодиалектных слов и поздних заимствований. Хронологический разрыв между отдельными образованиями огромен. И методика исследования, и результаты не могут быть едиными.

я г о д а

Слово *ягода* одно из самых древних в этой лексической группе. Все славянские языки без исключения сохранили его в устойчивой словообразовательной и семантической форме: русск. *ягода*, укр. *ягода*, блр. *ягода* 'ягода', болг. *ягода* 'земляника', с.-хорв. *jagoda* то же, словен. *jagoda* 'ягода', чеш., словц. *jahoda*, польск. *jagoda*, полаб. *jogōdoi* мн. 'ягоды'. Праславянская форма **jagoda* (**agoda*). Наличие в старославянских текстах и в словенском языке слова *виняга*, словен. *vinjaga* 'виноградная лоза', по мнению некоторых этимологов, позволяет реконструировать для праславянского и бес-

суффиксную форму *jaga (*aga). Суффикс -oda сохранился лишь в очень небольшом числе слов в славянских языках. Так, Славский приводит лишь следующие: *loboda*, *svoboda* и *lagoda*. Ср. еще *жгода* 'тоска на сердце, непонятная грусть' (пск. Доп. Оп., 48).

Абсолютно достоверно родство праслав. *agoda, *aga с балтийскими формами: лит. *uoga* то же. Ф. Славский даже восстанавливает балто-славянскую праформу *ōgā³, а Покорный на основе балто-славянского материала включает в свой словарь статью *ōg- 'плод, ягода'⁴.

Все остальные индоевропейские связи очень интересны, но менее доказательны, и в результате одними исследователями принимаются, а другими — нет. Покорный в качестве примера того же корня *ōg-, но в положении редукции, привлекает большой германский и кельтский материал⁵; Фасмер ссылается на германские примеры лишь как на возможно родственные⁶, тогда как Ключево вообще не упоминает о балто-славянских словах, а связывает гот. *akran* с греч. *ἄκρος*⁷.

Выдвинутая и поддержанная многими лингвистами мысль о связи балто-славянского элемента *ōgā с лат. *lūva* 'побег' < *ūg^u-, *ō(u)g^u- или *ōg- нашла сторонника в лице Махека⁸.

Со стороны семантики можно лишь подчеркнуть повторяемость семем: 'расти', 'росток, побег', 'плод'. Ср. ст.-сл. *винкага* и лит. *uoglis* и др.

малина

Праславянское *malina* — единственный в славянских языках рефлекс и.-е. корня *mel-*, *melə-*, *melə-no* со значением разных оттенков цвета, главным образом темных. Ср. др.-инд. *malinā* 'черный', греч. *μέλας* 'чер-

³ F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I. Kraków, 1952—1956, стр. 488.

⁴ J. Pokorný. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1955, стр. 773.

⁵ Там же.

⁶ Vasmer. REW, III, стр. 481.

⁷ F. Kluge, A. Götz. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1951, стр. 156.

⁸ A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910, стр. 864; V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 169.

ный', *μίλος* 'красный', алб. *mjerë* < **mel-ro* 'черный', лат. *mulleus* 'красноватый', лтш. *mēlns* 'черный', *mēlene* 'голубой', лит. *mėlynas* 'голубой', *mulvas* 'красный, желтоватый', брет. *mēlen* 'желтоватый', кимр. *melyn* 'золотистый, рыжий'.

Основное слово со значением цвета дало по разным индоевропейским языкам многочисленные производные со значениями 'пачкать, грязь, осквернять, пятно', с одной стороны, и 'шрам, рубец, синяк, кровоподтек', с другой, а также целый ряд названий растений: праром, *melix* 'лиственница', алб. *mel-enë* 'илм', лит. *mėlynė*, *mėlėnė* 'черника'⁹.

Для праславянского **malina* значение может быть восстановлено лишь таким образом: 'название обобщенное рода *Rubus*, в котором как-то отражен цвет ягод'. Производящая форма со значением цвета в славянских языках утрачена, все они сохраняют лишь значение вида ягодного растения и плодов его: русск. *малина*, укр. *малина*, болг. *малина*, с.-хорв. *mālina*, словен. *malina*, также в значении 'тутовая ягода', чеш. *malina*, польск. *malina*, в.-луж. *malina*, *malena*¹⁰.

смородина

В большинстве русских говоров словом *смородина* называется только черная смородина, также в старопольском; в части русских говоров, в кашубском и чешском *смородиной* называют все виды *Ribes*.

Южнославянские языки дают значительное разнообразие форм и значений: словен. *smrdež* 'крушина', с.-хорв. *smrdljika* 'фисташка', *smrdljika bijela* 'калина', макед. *смрдлика* 'оливковое дерево', болг. *смадлика* 'черемуха' (ср. др.-прусс. *smorde* 'черемуха').

Растение получило название за сильный запах, аналогичная семантическая модель в н.-нем. *stinkstruck*, нов.-в.-нем. *Stinkbaum* 'черная смородина' при *stinken* 'вонять'¹¹.

⁹ J. Pokorný. Указ. соч. Lfg. 8, стр. 720—721; E. Fraenkel. Litauisches Etymologisches Wörterbuch. Lfg. 6, стр. 430, 431.

¹⁰ См.: Vasmer. REW, II, стр. 91; R. Trautmann. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923, стр. 178.— Махек считает слав. *malina* словом «праевропейским» и связывает с лат. *mōrum*; нем *mure*, *moren*, *muren* (V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 101).

¹¹ Vasmer. REW, II, стр. 676.

Западнославянские и восточнославянские формы позволяют восстановить для праславянского **smorda*, **smordina* 'Ribes', 'Ribes nigrum'. Первый вариант отмечен широко в русских диалектных материалах: *смо-рбда* (арх., виногр. В. М.; смол. Добр., 849; новг., новг. В. М.; калин. Строг., 45; новг., тихв., пск., велик, опоч. Оп., 108), *смброд* 'смородина' (волог. Оп., 208).

Южнославянские языки позволяют восстановить форму с основой **smord-* и значением 'растение с сильным запахом'.

Слово **smordъ* 'сильный запах, вонь' сохранилось во всех славянских языках.

б р у с н и к а

Слово *брусника* неразложимо с точки зрения современного языка, тем не менее оно имеет ясную и полную этимологию, не вызывающую возражений или сомнений у этимологов. Это слово этимологически связано со словом *брус* 'точильный камень', ст.-слав. *обрусити* 'точить'; ягоды названы так потому, что «они легко сдвигаются со стебля»¹². Попробуем более полно представить картину возникновения слова.

Все русские говоры дают устойчиво для *Vaccinium vitis idaea* названия с корнем *брус-*. Наиболее распространенная форма *брусница* (твер., каш. См.; олон. Кул. 6; арх. Подв. 11; яросл., пошех. Копор., 89; калин. Строг., 45; новг., белоз. МДК, 113; волог., вельск. Оп., 46; арх., виногр. В. М.); *бруснига* в говорах к востоку и северо-востоку от Москвы (вят., вожг. Гор. 403; перм., чувов. Каюр., 322; моск., руз., Дурн.; моск., моск. Черн.); *брусника* в части московских говоров; *брушница* (смол. Добр., 41). Н. Гринкова справедливо замечает, что «белорусский и смоленский фонетический варианты... вероятнее всего находятся в определенном взаимодействии с польским названием»¹³; *брусёна* (ряз., мецкер. Строг., 255); *брусена* (костр., кинеш. Оп., 15; арх., волоч. Гринк., 110); *брусеня* (твер., осташ. Доп. Оп., 13; Д. I, 131); *брусана* (костр., нижег. Д. I, 131); *брусенка* (волог. МГУ); *бруска* (олон. Кул., 6); *бурсена* (ряз., влад. Гринк., 110).

¹² V a s m e r. REW, I, стр. 128.

¹³ Н. П. Г р и н к о в а. Указ. соч., стр. 112—113.

Вариант *брусница* имеет общеславянское распространение: укр. *брусниця*; блр. *брушница*, *брусніцы*; польск. *bruśnica*; чеш. *brusnice*; серб. *брѹсница*; болг. диал. *брусница*. Таким образом, для праславянского мы вправе восстановить форму **brusъnica*.

Второе название для *Vaccinium vitis idaea* *боровица*, *боровка* имеет менее широкое распространение по славянским языкам, и значение его не так устойчиво, слово обозначает различные ягоды, растущие в бору¹⁴.

Теперь попытаемся восстановить родственное окружение слова *брусника*. Русские говоры дают следующие слова: *бросить*, *брбснуть*, *обрбснуть*, *брѹснуть* и *обрѹснуть*. Значение этих глаголов таково: 'очищать стебель растения от листьев или плодов движением руки, плотно прижатой к стеблю, стирать со стебля листья или плоды' или, как пишет Даль: «ошмыгивать руками». Чаще всего этот глагол употребляется в специализированном значении: 'обивать или ошмыгивать руками махалку, семя (конопли); обивать со льна колоколки и головки' (ДЗ I 320); *броснуть* 'отделять кострицу ото льна' (арх. Подв. 11); *обрбснуть* 'вымать из земли конопле и оброснуть мне самой' (волог. Яренск. столбцы, 201).

Употребляется этот глагол и по отношению к ягодам, чаще всего бруснике: «пойдем *броснуть* ягоды» (олон. Кул. 6); *обрѹснуть* 'собирают ягоды' (олон. Шайж. 8); *брѹснуть* 'срывать с ветки листья, ягоды' (новг., белоз. МДК 11, 38), *обруснить* 'ободрать с куста ягоды' (урал. Доп. Оп., 152).

Обивать лен и коноплю можно и специальным приспособлением, *броснухой*, употребление глагола в этом случае сохраняется. Сходным приспособлением (нечто вроде маленьких грабель) собирают бруснику в наших северных областях¹⁵.

В диалектах болгарского гл. *брус* значит 'обивать плоды с деревьев'¹⁶. Типичными для южнославянских языков значениями этого глагола можно считать 'брить' и 'тереть': болг. *брѣсна* 'брить', серб. *брѣсати* 'стирать, вытирать'. То же в старославянских и древнерусских

¹⁴ См. с.-хорв. *боровица* 'черника, брусника, голубика, клюква'.

¹⁵ Н. П. Г р и н к о в а. Указ. соч., стр. 114.

¹⁶ «Речник на съвременния български книжовен език». Св. 1. София, 1954, стр. 84.

памятниках: *брѣснути, обрѣснути, побрѣснути* 'брить, обрить, побрить' (Срезн. I, 183—184), *сѣбрѣснути* 'стереть, соскоблить' (Срезн. III, 653). Развитие значений шло, вероятно, таким образом: 'тереть, скоблить' и как специализация термина 'брить'. Общеславянскими являются слова *брус* 'точильный камень' и *брусить* 'точить на камне, шлифовать'.

Таким образом, для праславянского мы вправе восстановить следующие глаголы: **brēsngti, *brusiti, *brysati*.

Тогда слово **brusnica* следует признать или образованным непосредственно от основы глагола, или от основы прилагательного с суффиксом *-n*. Последнее предположение более правдоподобно, так как оно включает слово *брусница* в типичную словообразовательную модель названий ягод. Ягода названа так потому, что ее *бруснут*, т. е. сдергивают с ветки, проводя по ней рукой.

Так как праславянские глаголы **brēsngti, *brusiti, *brysati* считаются вариантами глаголов **brēsngti, *brukati, *brykati* с аналогичным значением, то особый интерес начинает представлять аналогия к славянскому материалу в балтийских языках; лит. *braũkti* 'тереть' (ср. приводимые выше многочисленные примеры, показывающие, что и в славянских языках скорее всего именно это значение было первоначальным) и название брусники *bruknė, bruklėne*. В этом случае балтийский и славянский дают единую семантическую и словообразовательную модель.

ж е р а в и ц а

Vaccinium oxycoccos — растение северное, поэтому и название его не распространяется далеко на юг. Основным для русских говоров следует признать слово *жеравица* с различными суффиксальными вариантами. Варианты распределяются следующим образом:

а) с основой *жарав-*: *жаравица* (арх. виногр., красн. В. М.; арх. Подв., 43; арх., белом. Федор., 47; арх., холм. Гранд., 143; олон. Кул., 22; волог. Оп., 55); *жаравіка* (новг. Д. I, 526; волог., костр., кинеш., перм., усол. Оп., 55; новг., белоз. Доп. Оп., 48; яросл., молож. Якуш., 133); *жаравіха* (арх., мезен. Данил., 6; перм., чусов. Каюр., 322; вят. Зелен., 53; волог. АН ф. 174, № 12; костр. Д. I, 526); *жарáва* (костр. Д. I, 526; костр., кинеш. Оп., 55);

б) с основой *жерав-*: *жеравіка* (нижег., семен. Оп., 56); *жеравіха* (вят. Зелен., 53); *жерава* (костр. Д. I, 526); *жеравіна* (новг. Карин., 113; новг., старорусск., пск., твер., осташ. Доп. Оп., 50); *жиравины* (смол., бел. Оп., 57);

в) с основой *журав-*: *журавіка* (новг., череп. Герас., 38; яросл., рост. Волоц., 32; яросл. Доп. Якуш., 106); *журавіца* (новг., череп. Герас., 38); *журавіха* (яросл. Мак. Оп., 85; яросл. Оп., 58; яросл. Якуш., 10); *журавіны* (пск. Оп., 58);

г) с основой *журавл'-*: *журавліка* (волог., белоз. МГУ); *журавліха* (волог. Мак., 85; волог., никол. Потан., 2; волог. Суровц., 199).

Схематическое распределение основ и суффиксов может быть представлено следующим образом: *жарав-* — арх., олон., костр.; *жерав-* — смол., новг., яросл., перм.; *журавл'-* — волог.; *-ица* — самый север; *-ика* — юг северных областей; *-иха* — северо-восток; *-ина* — северо-запад.

Украинский, белорусский, польский языки имеют в названиях клюквы вариант *žeravina*, что дает нам право считать этот вариант более архаичным и восстановить для праславянского **žeravina*.

Этимологически название клюквы связано с названием журавля. Наименование этой птицы по говорам дает то же колебание гласного основы с тем же распределением вариантов. Семантическая модель этого типа отражена в германских и балтийских языках: нем. *Kranz-beere* при *Kranich* 'журавль', шв. *tranbär*, англ. *cranberry*, лит. *gervuogė* при *gėrvė* 'журавль'¹⁷; ср. еще словен. *jerebika* 'клюква'.

Суффикс *-ina* в славянских языках в этом слове может быть воспринят как суффикс притяжательности.

Н. П. Гринкова связывает слово *жеравица* со словом *жар* (ср. *жаркий* 'оранжевый, красный')¹⁸.

с у н и ц а

В русских говорах слово *суница* как название земляники имеет ограниченное распространение (говоры Смоленской и Брянской обл., в основе своей белорусских)

¹⁷ V a s m e r. REW, III, стр. 46.

¹⁸ Н. П. Г р и н к о в а. Указ соч., стр. 114.

и должно считаться белорусизмом. Далее география слова такова: укр. *суниця*, блр. *суница*, польск. *sinica*, *sonica*, *sumnica*, полаб. *sauneitsa* 'земляника', серб. *sinica*, болг. диал. *zinica* 'малина'. Широта распространения слова (все группы славянских языков) позволяет нам считать его праславянским и восстановить форму **sp-nica*.

По поводу слова *суниця* было высказано много различных этимологических гипотез, но наиболее правдоподобной представляется мысль, высказанная Бернекером и поддержанная Брюкнером и Фасмером о связи слова *суниця* с глаголом *никнуть*¹⁹. *Суниця* собственно 'сникающая ягода, наклоненная к земле'. Ср., например, *ничая лоза* 'наклоненная' (смор. Добр., 299). Такого типа названия земляники не единичны, близки по значению и другие ее наименования, называющие ее земляной ягодой, так как плоды никнут к земле.

Мысль о связи слова *суника* с санскр. *śōpas* 'красный', высказанная Потембей, не нашла многочисленных сторонников²⁰. Другие этимологии этого слова обладают значительно меньшей силой доказательности.

е ж е в и к а

Это слово интересно в двух отношениях. Во-первых, оно — яркий пример одной из характернейших особенностей диалектного словообразования. В говорах наблюдается активный процесс замены устаревших архаичных словообразовательных моделей новыми, живыми, продуктивными, причем процесс осуществляется на материале уже существующих слов (например, *увязь*, бытующая в речи стариков, заменяется на *увязка* и т. д.).

Слово *ежевика* существует только в русском языке. Оно образовано по устойчивой для русского языка модели названий ягод: основа им. прилаг. + *-ица/-ика*. С другой стороны, представленное в русских окраинных говорах, в белорусском и украинском языках название *ожина*, несомненно, более архаичный словообразовательный вариант, во-первых, потому, что сохраняет старую форму

¹⁹ A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1926, стр. 526.

²⁰ А. А. Потембей. Этимологические заметки. — РФВ, 1885, № 4, стр. 283.

основы (ср. др.-русс. *ожь*, *ожикъ* 'еж'), во-вторых, потому, что содержит суффикс *-ина*, имеющийся и в других славянских языках в этом слове: укр., блр. *ожина*, чеш. *ježina*, польск. *jeżyna*. Само существование слова *ежевика* (а не другой какой-либо лексемы) доказывает, что в русском языке было слово **ожина*, а затем оно было преобразовано или создано вновь в соответствии с живыми словообразовательными нормами.

Праславянское **ežina* как название колючего растения могло быть связано со словом **ežь* 'еж', но могло быть и независимым образованием от и.-е. корня **egh-* 'колоть' и только впоследствии сблизиться со словом **ežь* и восприниматься уже не как 'колючая', а как 'ежовая (ягода)'.²¹

к л у б н и к а

Слово восточнославянское, не имеющее соответствий в других славянских языках. Оно несомненно связано со словами *клуб*, *клубень* 'нечто круглое' (*клубок* ниток, *клубень* картофеля), *клуб*, *клубок* 'кочан капусты' (яросл., углич. Русин., 22, арх. Подв., 67, новг. Пооз. Овчин., 236). Причем, по-видимому, значение слова *клуб* сводится к представлению не только о чем-то круглом, но еще и увеличивающемся в объеме, откуда такой глагол, как *клубнѣться* 'наливаться' (о ягодах) (твер., осташ. Копор., 109). Вероятно, здесь следует искать семантическую связь слов *клуб* и *клубника*: *клубника* 'растение, ягоды которого увеличиваются в объеме, делаются круглыми, клубнятся'²¹.

к л ю к в а

Как название ягоды это слово тоже отмечено только в русском языке. Судя по материалам памятников, слово вошло в литературный язык довольно поздно, но, уже став литературным, оно активно вытесняет в говорах старый славянский термин *жеравица*. Этот процесс многократно отмечался в диалектологической литературе: носители старшего поколения еще говорят *жеравица*, а молодежь уже употребляет слово *клюква*.

²¹ М. Фасмер так определяет связь *клуб* — *клубника*: «клубника как грядочная земляника» (Vasmer. REW, II, стр. 573).

Как название ягоды это слово возникло в результате наиболее характерного ее употребления. Данные других славянских языков показывают, что первоначально значение слова *клюква* было 'отжатый сок, сок из ягод'. Ср. польск. *диал. kłukwa* 'сок брусники и клюквы', с.-хорв. *кљуќ* 'отжатый виноградный сок', *кљукати* 'жать, отжимать сок'. Глагол *кљукать* так же, как и *клектать*, *клокотать* (о воде), носит звукоподражательный характер. Ср. еще название родника *кључ* того же корня.

к о м о н и к а

Комоница, *комоника* как название ягоды — явление чисто русское. В других славянских языках слово той же структуры выступает с иным значением и, по-видимому, является самостоятельным образованием со своими семантическими связями: укр. *комониця*, *комана* 'клевер'; серб. *комоњика* 'чернобыльник'; польск. *komonica* 'донник' и т. д.

В русском языке значение слова довольно общо, в разных говорах оно выступает как названия красной смородины, ежевики, поленики и морошки.

Слово *комоница* производное от *комонь* 'конь' ²² и значит собственно 'конская ягода'. Это определение станет совершенно понятным, если мы обратим внимание на то, что *комоницей* называются второсортные ягоды: не малина, а ежевика, не черная смородина, ценность которой стала известна давно, а красная. Вероятно, значительно позднее *комоницей* называли неизвестные до тех пор морошку и поленику. Ср. повторенное уже позднее название поленики *кобылика*, *кобылица* (олон. Кул., 38). Это название входит в обширный ряд парных наименований растений типа *щавель* — *конский щавель*.

Время возникновения этого слова трудно определить. О древности его говорят как будто бы два момента: наличие основы *комонь* —, в современных языках утраченной, и наличие инославянских параллелей. Думается, это слово возникло в праславянский период в одном из его диалектов по активной словообразовательной модели независимо от аналогичных образований, но с другим значением в других говорах. Подобные процессы очень

ярко отражены в лексике современных говоров, особенно в отглагольных существительных. Многозначность глагола и возможность образовать корневое имя приводят к образованию в разных говорах единых по форме имен, но с разным значением. Они могут возникать в разное время, независимо друг от друга.

Возвращаясь снова к названию *комоница*, мы должны обратить внимание на активный процесс деэтимологизации, происшедший в этом слове в результате утраты производящей основы. Потеряв опору в однокоренных словах, слово как правило подвергается искажению, устанавливаются новые связи с созвучными живыми словами. Так появились такие формы, как *куманька* и даже *каменька*.

к н я ж и ц а

Это название принадлежит к словам прозрачной этимологической структуры и поэтому не рассматривается в этимологических словарях. Этим словом называют в значительной части севернорусских говоров смородину, реже поленику. *Княжийца*, *княжика*, *княжка*, *княженийца*, *княженника*, *княжанка*, *княжница*, *княжнька* (яросл. Мельн. 88; Д³ II, столб. 316. арх. Подв., 67; олон. Кул., 37; яросл., рост. Волоц., 40) — разнообразные варианты этого названия, показывающие различные примеры выравнивания по словообразовательному ряду. Первоначальная словообразовательная модель проста: основа имени прилагательного плюс суффикс *-ица*. *Княжица* значит «княжья ягода», но неясно, почему красная смородина называется княжьей.

Можно предположить, что в основе имени прилагательного лежит не основное значение слова *князь*, а одно из его производных значений.

Известно, что *князьком* принято называть животное необычной для данного вида масти: белую куницу, белого соболя, мышь и т. д., а также колос необычных размеров.

«Промышленники утверждают, что бывают соболи, хотя и чрезвычайно редко, совершенно белые; их, как вообще выродков, здесь промышленники называют соболинами князьками; они ими очень дорожат и, по суеверному обычаю, держат их в домах» ²³.

²³ А. А. Черкасов. Записки охотника-натуралиста. М., 1962, стр. 74.

²² Vasmer. REW, I, стр. 609.

Возможно, что именно таким вырождением воспринималась смородина, белая и красная, в отличие от черной. Почему такие предметы носили название *князька* или *княжьего*, — трудно сказать: в результате своей незаурядности, необычности, или потому, что шкуры животных редкой масти в первую очередь сдавались в качестве дани, как думает Соболевский²⁴. Но это уже этимология другого слова.

поленика

Это одно из названий северной ягоды *Rubus arcticus*. Членение слова допускает многочисленные варианты. Мне представляется наиболее вероятной связь со словом *поле*, т. е. *поленика* 'полевая ягода, ягода, растущая на открытых местах'. Ср. аналогичное название клубники, *полевишник*. Аналогия словообразовательная — древнерусский термин *поленица* 'богатырь', при *полевать*, *пблнычатъ* 'охотиться', ср. выражение *с полем* 'с охотничьей добычей'. Образование может быть таково: *поле* → *пблный* → *поленика* по типу *земляника*, *княженика* и др.

кострица

костёра архангельское название костяники. Слово образовано от основы *костр-*, вариант к *кост-*. Вариантность этих основ при семантическом тождестве проходит по всем говорам: жесткая часть стебля льна и концы *костица* и *кострица*, *костика* и *кострика*, *костига* и *кострига*; сорная трава в хлебных посевах *костец* и *кострец*, *костер*, *костерь*. Ср. еще *кострецы* 'ребра у лошади' (ворон., задон. Камен., 65) и *кострёнок* 'молодой осетр' (казан., тетюш. Доп. Оп., 78).

Аналогичная вариантность основ в словах *зубить* и *зубить*.

Таким образом, названия одной и той же ягоды костяники: *костица* и *кострица* дают лишь варианты одной и той же основы.

²⁴ А. А. Соболевский. Еще мелочи. — РФВ, т. XVII, 1912, стр. 214—215.

хохляница

Хохлянка, *хохлуша* — местный вологодский диалектизм, название поленики. Словообразовательная модель та же, что и в других названиях ягод. Семантически слово подобно польскому названию клубники *kosmatka*.

гоноболь

Второе широко распространенное название голубики *гоноболь* в формальном отношении стоит совершенно особняком в названиях ягод. Многочисленные варианты этого названия указывают на затемненность этимологических связей в этом слове: чаще всего встречается форма *гоноболь*, затем *гонобббель*, *гоноббб*, *голоббб*, *гоноббй* и даже *конббки*. Центром, откуда происходит движение этого слова, по-видимому, следует считать псковско-новгородские говоры с их формой *гоноболь*.

М. Фасмер считает слово *гоноболь* сложным, состоящим из *гон-* 'гнать' и *боль*, со значением 'вызывающий боль', так как при сборе голубики обычно кружится и болит голова от одуряющего запаха багульника, растущего вместе с ней²⁵. Отсюда такие названия голубики, как *пьяника*, *дурника*. В. Махек считает слово *гоноболь* стяжением из первоначального *голубоболь*²⁶.

Это простое объяснение, имеющее основание и в реальной действительности, тем не менее вызывает сомнения. Слово *гоноболь*, как уже говорилось, по своему словообразовательному оформлению выделяется из всех других названий ягод. Фасмер считает эту форму табуистической, но в названиях растений табуистическим заменам подвергались лишь наименования колдовских, магических растений, каковым голубика никогда не была. Названия же многих ядовитых растений, таких, как дурман, белена, сохраняются очень устойчиво и без искажений. Необычна и сама форма слова с глагольной основой в начале (ср. типы сложений такие, как *водовоз*, *самолет*, но *болиголов*, *свербигуз* и т. д.), не говоря уже

²⁵ V a s m e r. REW, I стр. 292.

²⁶ V. M a c h e k. [Рец.] Max Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. Ers. Bd. Heidelberg, 1953. — «Slavia», 23, seš. I. Praha, 1954, стр. 65.

о том, что отсутствует соответствующее словосочетание «гнать боль». Косвенным доказательством того, что слово на русской почве непонятно, служат многочисленные искажения, которым оно подверглось в говорах, вплоть до установления совершенно случайных созвучий (ср. такую форму, как *голубоб*). Все эти факты как будто говорят о том, что на русской почве это слово неисконно.

Я затрудняюсь указать непосредственный источник заимствования, хочу лишь высказать некоторые соображения на этот счет. В основе этого слова, вероятно, лежит финский элемент, как и во многих других севернорусских названиях ягод. По-видимому, это слово, действительно, сложное; его вторая часть, вряд ли случайно, совпадает с общефинским названием брусники: лив. *būrīgān*, эст. *rohī*, фин. *ruolukka*, коми *пуе* < *пул*, вепс. *bol*, карел. *bol*, *buolu*. Правдоподобнее всего, что именно вепсские и карельские формы легли в основу новгородско-псковского диалектизма.

Для финских языков очень характерны сложения, в том числе и в названиях ягод, причем второй частью сложения выступают обычно или слова со значением «ягода», или же одно из видовых названий ягод. Ср. фин. *mansikka* «земляника», *ukkomansikka* «клубника», *tuurain* «морозка», *maamuurain* «поленика»; мар. *пӧчыж* «брусника», *когопӧчыж* «клюква» и т. д. По-видимому, такой производный характер носят названия клюквы в западнофинских языках: фин. *karpalo*; лив. *gārban*; карел. *garbalo*; вепс. *garbō*, *gal'bol* ²⁷, где во второй части сложения ощутим элемент *bol* «брусника». Вполне возможно, что и голубика носит название «какой-то» брусники.

Характерно, что именно голубика во многих языках носит производные наименования. Ср. нем. *Sumpfbeere* «голубика» при *Heidelbeere* «черника»; англ. *great bilberry*, *bog whortleberry* «голубика» при *bilberry*, *whortleberry* «черника».

Возможно, что в первой части слова *гоноболь* лежит элемент со значением «опьяняющий, одуряющий». Ср. вепс. диал. *gönikäine* «голубика» (с. Пондола Вологод-

²⁷ L. Kettunen. Livisches Wörterbuch mit Grammatischer Einleitung. Helsinki, 1938, стр. 56; M. M. Namalainen i F. A. Andrejev. Vepsä-venähine vajehnik. Moskv., 1936, стр. 14; Успенский. Русско-чудский словарь. СПб., 1913.

ской обл.) ²⁸ (g данного диалекта соответствует j в других западнофинских языках: фин. *juolukka*, *juomikka*, *juotikka*, *juorikka*; карел. *juomiggañe*, *juomuggañe*, олон. *juotoi*, вепс. *d'eñukqäñe*, *joñikäñe*, лив. *jūoimki* «голубика») ²⁹.

Можно предположить, что в основе русск. *гоноболь* лежит вепсское название типа **gön-bol*. На русской почве части сложения стали ассоциироваться со словами *гон* и *боль*, но отсутствие реальных связей привело к возникновению большого числа искажений.

мамура

Финские заимствования в названиях ягод многочисленны, появление их вполне закономерно. Особенно это характерно для названий двух видов северных ягод — поленики и морошки (*Rubus arcticus* и *Rubus chamaemorus*). В качестве названия поленики в говорах б. Олонецкой и Архангельской губ. было взято финское слово: *мамура* из олон. *tuamuroi*, фин. *maamurain* ³⁰, ср. *suoturain* «морозка».

сестреница

Это новгородско-олонецкое название красной смородины. *Сестреница* (олон. Кул., 106), *сестрянка* (новг. Д. IV, 179). Несмотря на свой славянский облик и типично «ягодную» словообразовательную структуру, слово заимствовано из финских языков. Непосредственным источником, по-видимому, послужил вепсский. Ср. вепс. *šestrikäñe* «красная смородина», фин. *siehtarlainen*, *siestan*, эст. *sõster*, род. *sõstra* то же ³¹. Взяв основу чужого слова, русские включили ее в устойчивый словообразовательный ряд названий ягод.

²⁸ Материалы по вепсскому языку любезно сообщены мне сотрудницей Петрозаводского ин-та языка, литературы и истории АН СССР М. И. Зайцевой.

²⁹ J. H. Toivonen. Suomen kielen etymologinen sanakirja, I. Helsinki, 1955, стр. 125.

³⁰ J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 162.

³¹ J. Kalima. Указ. соч., стр. 216 и след.

Водянистая, употребляемая в пищу только на севере, ягода *Empetrum nigrum* носит названия *сѣха* (арх. Подв., 157), *сѣйха* (там же, 162); *сѣйха* (там же, 169); *стиха́* (арх., белом. Федор., 187); *сѣкса* (камч. И. С., 259); *чекá* (олон. Кул., 132), *шѣкша* (камч. И. С., 259). По мнению Махека, в основе этого названия лежит финский элемент: «Z rozmanitosti ruských slov se zdá, že to je slovo cizí, sřv. konec finského nazvu harakanhaasikka»³², ср. еще элементы в эстонских названиях клубники и земляники: *metsmaasikas*, *aedmaasikad*, фин. *mansikka*, *ikkomansikka*. Второй элемент этих слов был воспринят как самостоятельный и послужил названием ягоды. Передача финского *k* через *x* вполне закономерна.

Вариант *чекá*, по-видимому, отражает чоканье в слове типа **чикá*. Как правило олонечские формы по звучанию ближе к первоисточнику. Другие варианты этого названия отражают попытки этимологизации слова на родной почве.

рожкачи

Это архангельское онежско-кемское название незрелой морошки (Подв., 149), *ровкач* то же (олон. Кул., 101) заимствовано из западнофинских языков: олон. *ruohka*, люд. *ruohk*, фин. *rohko*, *rohka* 'неспелая ягода'³³.

рыхлица

Таково название спелой морошки в тех же говорах (онеж. кем. кол. Подв., 150). Лежит на поверхности связь со словом *рыхлый*, словообразовательная структура слова прозрачна. Но в то же время возможно, что это слово калькирует определение спелой морошки в финских языках: ср. фин. *murakka* 'хрупкий, рыхлый, ломкий', эст. *mure* 'рыхлый', *murakad* 'морошка'.

³² V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 140.

³³ J. Kalima. Указ. соч., стр. 205 и след.

Название северной ягоды, вошедшее в литературный язык. В говорах это слово выступает в форме *морбха*, *морбшка* в значении 'поленика' и 'морошка'; *мурошка* (Сл. Оби 2, 161). Территориально оно четко противопоставлено второму названию морошки — *глажй*. *Мороха* в северо-восточных говорах (арх., костр., волог., перм., вят.), *глажи* в северо-западных (новг., пск., ленингр.).

Как и *сестрянкa*, слово *морошка* имеет русский облик, но тем не менее наиболее логично и правдоподобно его финское происхождение. Морошка в финских языках носит следующие названия: фин. *tuurain*, *tuurama*, *suomtuurain*; карел. *tuuroan*, *tuuroi*; олон. *mũfoi*; вепс. *tuurt*, *mũrikẽie*, *mũraš̄k*, *turaš̄k*; эст. *murakas*, *murak*; коми *m̄r*, *m̄r-rom*, *m̄r-rop*, манс. *m̄raḥ*, *m̄arḥ*, *m̄oraḥ*, хант. *m̄l̄r̄əḥ*, *m̄ḡr̄əḥ*³⁴. Наиболее близки мансийские формы. Соприкосновение с мансийским языком произошло довольно рано, и заимствованное слово приобрело славянский облик: *m̄oraḥ* было передано как *морбха*. О том, что заимствование имело место в северо-восточных говорах из восточнофинских языков, говорит не только форма слова, но и его география в русских говорах³⁵.

О том, что оформление слова *морошка* имело некоторые колебания на русской почве, говорит зафиксированная в памятнике XVII—XVIII вв. форма *морушка*³⁶.

моклаки

Мохлакй — местное костромское название морошки. Возможно, что это название заимствовано из марийского *маклáка*, *моклáка* 'комоч, кусок'. Морошка названа ягодой как бы состоящей из комочков.

³⁴ См.: J. H. Toivonen, Erkki Itkonen, Aulis J. Jokinen. Suomen kielen etymologinen sanakirja, II. Helsinki, 1958, стр. 355.

³⁵ Славянские этимологии этого слова (Брандт, Преображенский) мало доказательны и объяснялись отсутствием финно-угорского материала.

³⁶ Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках 1685—1725 гг., т. I—IV. Изд. Археограф. комисс., стр. 114.

Это название морошки имеет очень компактную территорию распространения: северо-западные говоры (Новгородская, Псковская, Ленинградская обл. и б. Олоонецкая губ.). М. Фасмер производит слово *глажй* от прилагательного *гладкий*, предполагая значение «гладкая ягода»³⁷. Это объяснение не кажется убедительным, так как морошка менее других ягод заслуживает название «гладкой». Неясно, в каком отношении находится это слово с лтш. *glazene* 'голубика'. Ср. вариантность формы русского слова: *глажй*, *глажи* (новг., тихв. Сокол., 295); *глыжй* (пск. Оп., 37); *глазбове* (новг., боров. Доп. Оп., 32).

* * *

Своеобразие группы названий ягод наиболее отчетливо видно при сравнении ее с группой названий грибов. Если там мы видим совершенно самобытное явление, в древности возникшее, а впоследствии получившее мощное развитие, давшее значительный пласт лексики, богатый и разнообразный с точки зрения словообразования и семантики, полный живых образных наименований, отражающий в своей структуре разные этапы культурно-исторического процесса, то здесь совсем иная картина. Названия ягод объединяют не сорок-пятьдесят, а всего немногим более десяти видов растений. Уже в праславянскую эпоху эти названия представляют собой совершенно сложившуюся группу, семантическими и словообразовательными связями смыкающуюся с той же лексикой в балтийских языках. Для группы характерна определенная словообразовательная стройность, оформление большей части слов при помощи двух суффиксов *-in (a)* и *-ic (a)*; число диалектных расхождений с точки зрения словообразования незначительно. Общность семантических моделей отсутствует, по сути дела каждое название индивидуально, но отражает определенную семантическую модель, характерную для обозначения данного вида во многих языках.

В дальнейшем группа обогащается за счет названия ягод или неизвестных ранее, или неразличавшихся;

³⁷ V a s m e r. REW, I, стр. 271.

возникают новые названия, связанные уже с использованием (см. *клюква*). Словообразовательная структура подвергается изменению, в русском языке, в отличие от других славянских, в названиях ягод побеждает суффикс *-иц(a)* (и его варианты), теперь оформляющий почти всю группу.

Продвижение русских на север на территории финских племен приводит не только к знакомству с новыми видами ягод (морошка, поленика, вороница), но и к образованию значительного финского пласта в названиях (ср. *морошка*, *мамура*, *сестреница*, *ссиа* и др.), получившего широкое распространение в говорах.

ажина 'ежевика' (дон. Сокол., 25)

боровика 'брусника' (арх. Подв., 10)

броснуца 'брусника' (Атлас. с I/116, 341)

бружница, *бружница* 'поленика' (арх. Подв.; 11, Д I, 131)

брусена 'брусника' (костр., нижег. Д I, 131)

брусина 'брусника' (Д I, 131; твер., осташ. Доп. Он., 13)

брусина, *брусенка* то же (ряз., межер. Строган., 255; волог., ряз.

Мак. Оп., 33; волог. МГУ; новг., тихв. МДК 11, 79)

брусина (Атлас, с II/116, 1276)

бруска 'брусника' (олон. Кул., 6)

бруснига 'брусника' (пенз. Зелеп., 352; влад. МГУ; кир., вожд.

Гор., 403; перм., чувов. Какор., 322; кир., медян. Прозор.

353; влад., мелен. МДК 9, 42; моск., рузск. Дурн.; моск.,

моск. Черныш., 165)

брусника (арх., виногр. В. М.; смол. Добр., 41; кир., медян. Про-

зор., 353; том. Палаг., 5; моск. Черныш., 165)

брусица (Атлас, с II/116, 765)

брусица, мн.-цы (костр., мантур. Азарх.; арх., ровден. Кияг.;

арх., виногр. В. М.; твер., кашин. Смирн., 11; волог. МГУ;

олон. Кул., 6; арх. Подв., 11; кир., медян. Прозор, 353; ка-

лин., кимр. Виногр., 393; калин., болог. Строг., 45; новг.,

белоз. МДК 9, 174; яросл., пошех.-вол. Копор., 89; новг.,

тесов. Карин., 115)

брутуца 'кислица' (олон. Кул., 6)

брушница 'вид ягод, брусника, поленика' (костр., богов., вохом.,

пыщуг. Азарх.; смол. Добр., 41)

бубляница 'полевая клубника' (влад. МГУ)

весианки 'подснежная клюква' (пск., холм. Оп., 24; Д I, 187)

вешница 'подснежная клюква' (калин., кимр. Виногр., 393)

вороняга, *вороняжки* 'Solanum nigrum' (Д I, 244; яросл., рост.

Волоц., 23; симб. Мотов., 18)

вороника 'Empetrum nigrum' (арх., онеж. Корабл., 30; волог.,

вельск. Диал. сб., 46)

воронийца 'Empetrum nigrum' (арх. Д I, 244; арх. Подв. 22; арх.

Данил., 5; арх., белом. Михайл., 124; арх., белом. Федор.,

190; арх., холм. Гранд., 114)

гла́жий мн. 'морощка *Rubus chamaemorus*' (петерб., сомр. Кузн., 236; пск. Оп., 37; новг., белоз., олон., лодейноп., пск., опоч. Оп., 37; олон. Кул., 15; олон. Барс., 94; новг., новг. Солов., 28; новг., тесов. Карин., 113)
глажѣвина 'ягода морощки' (пск., новорж., опоч., остров., порх., Доп. Оп., 32)
глажѣвник, *глажовник* 'кустики морощки' (новг., пск. Д I, 353; новг., тивх. Оп., 37)
глажйна 'кустики морощки' (новг., пск. Д I, 353)
глажйник 'кустики морощки' (Д I, 353)
глажйник 'кустики морощки' (новг., боров. Евдок., 155)
глазбѣе соб. 'морощка' (новг., боров. Доп. Оп., 32)
гла́жий 'морощка' (новг., тивх. Сокол., 295)
глубѣника 'клубника' (иркут. Оп., 37; Д I, 357; слб. Ануч., 43)
глубйга 'клубника' (кург., галк. Старц., 179)
глубйга 'клубника' (Д I, 357)
глубянка 'клубника' (Д I, 357)
глыжай 'морощка' (пск. Оп., 37)
голубѣ 'голубика' (тамб. Д I, 370; ряз., касим., тамб. Оп., 39)
голубѣль 'голубика *Vaccinium uliginosum*' (арх., виногр. В. М.; Д I, 370; арх. Подв., 33; арх., печор. Ивашк., 38; колым. Богор., 40; арх. Гранд., 126)
голубенка 'голубика' (твер. Д I, 370; твер., ржев. Доп. Оп., 34)
голубѣнь 'голубика' (арх., белом. Федор., 34)
голубига 'голубика' (перм., чусов. Каюр., 322)
голубика (Д I, 370; олон. Кул., 16)
голубйны (Атлас, с I/116, 52, 208, 236, 381).
голубица, -цы мн. 'голубика' (арх., виногр. В. М.; волог. МГУ; Д I, 370; перм., чусов. Каюр., 322; кир., медян. Проз., 353; олон. Кул., 16; волог., вельск. Диал. сб., 46; новг. Колос. 32; яросл. молог. Якуш. 44; вят. слобод. МДК 11, 131; новг. тивх. МДК 11, 78; арх. верхнетоем. МДК 11, 172)
голубйнка 'голубика' (атлас, с II/116, 809)
гонобоб 'голубика' (ряз., межер. Строган., 256; влад., судог. МГУ)
гонобббель 'голубика' (калин., кимр. Виногр., 394; костр., волог., ряз. Мак. Оп., 53; твер., кашин. Смирн., 29; яросл., рыбин. Водар., 393; волог. Суровц., 257; влад., вязн. Добрын. РГО)
гонобобер 'голубика' (влад., гусь-хруст. В. М.)
гонобѣй 'голубика' (пск., холм. Оп., 40)
гоноббѣль 'голубика *Vaccinium uliginosum*' (новг., пооз., борович., калин., болог. Строган., 49; новг., тивх.; пск., великол.; опоч. твер., вышневолоц. Оп., 40; олон. Кул., 16; новг., новг. Солов., 29; яросл., пошех.-вол., Копор., 103; новг., тесов. Карин., 113; ленингр., лычк., полав. Борк., 1936; волог., устюж. Диал. сб., 30; новг. Колос., 32; пск., пущк. Иероп., новг., тивх. МДК 11, 79)
готовик 'впд ягод' (волог., кадн., МДК 11, 85)
готбѣник 'ягода синего цвета с маленькими желтыми косточками, поспевающая раньше других ягод' (яросл., рыбин. Водар.); 'жмолость' (урал. Сл., 124).
деревянная кислица 'красная смородина' (перм. Александр., 204)
деревяшка 'красная смородина' (перм. Александр., 204)
дѣряба 'ежевика' (ряз., межер. Осов.)
ду́рава 'голубика' (ряз., межер. Осов.)

ду́раха 'голубика' (ряз., касим. Оп., 53; орл., ряз., смол., тамб. Д³ I, 1251)
ду́рика 'голубика' (ряз., межер. Осов.)
ду́рига 'голубика' (Д³ I, 1251)
ежевейга 'ежевика *Rubus caesius*' (моск., руз. Дурн.)
ежовйга (яросл. Колос., 19)
ежевика (пенз. Оп., 53)
ежовика (влад. МГУ; влад., ковр. МДК 11, 40)
ежевица (перм., чусов. Каюр., 322)
жавйга 'ежевика *Rubus caesius*' (сарат. Адлив., 495; стал., новонан. Орл., 53; дон. Мирт., 89)
жара́ва 'клюква *Oxycoccus palustris*' (костр. Д I, 526; костр., кинеш. Оп., 55)
жаравйга 'клюква *Oxycoccus palustris*' (новг. Д I, 526; волог., костр., кинеш., перм., усол. Оп., 55)
жаравйна 'клюква *Oxycoccus palustris*' (олон. Кул., 22)
жаравйга 'клюква' (костр. Д I, 526)
жаравйца 'клюква' (арх., виногр. В. М.; арх. Д I, 256; олон. Кул., 22; арх. Подв., 43; волог. Оп., 55; арх. Гранд., 143)
жаравлига 'клюква' (костр., межев. Азарх.)
жаровйга 'клюква' (яросл., молож. 133; новг., белоз. Доп. Оп., 48)
жаровйна, мн. *жаровины* 'клюква' (смол. Кустар., 138; арх. Д I, 526; арх. Подв., 43)
жаровйга 'клюква' (перм., чусов. Каюр., 322; вят. Зелен., 53); 'поленика *Rubus arcticus*' (арх., мез. Д I, 526; арх., мез. Данил., 6) *жаровйца* 'клюква' (арх., приоз. МГУ; арх., белом. Федор., 47; арх. Доп. Оп., 150)
жевейга 'ежевика *Rubus caesius*' (тат. Чаг., 270)
жевейка 'ежевика *Rubus caesius*' (сарат., чкал. Моис., 58)
жевиника 'ежевика *Rubus caesius*' (калин., болог. Строг., 50)
жерáva 'клюква' *Oxycoccus palustris*' (костр. Д I, 526)
жеравйга 'клюква' (нижег., семен. Оп., 56)
жеравйна 'клюква' (новг., тесов. Карин. 133)
жеравица 'клюква' (вят. Зелен., 53)
живйга 'ежевика *Rubus caesius*' (дон. Мирт., 89; брян. Тихан., 47; урал. Карп., 20)
жировины мн. 'клюква' (смол., бельск. Оп., 57)
жуковник 'ежевика' (брян., навлин. Родион., 10)
журавица 'клюква' (нижег., балахн. Доброзр., 154)
журавица 'клюква' (новг., череп. Герас., 38; яросл., рост. Волоц., 32; яросл. Доп. Якуш., 106)
журавица, мн. *журавицы* 'клюква' (волог. Д I, 526; пск. Оп., 58; пск., твер. Осташ., Доп. Оп., 51)
журавица 'клюква' (яросл. Мак. Оп., 85; перм., верхот., 44; яросл. Оп., 58; волог., тотем. Потан., 2; яросл. Якуш., 10)
журавица, мн. *журавицы* 'клюква' (петерб., сомр. Кузн., 236; новг., череп. Герас., 38)
журавлика 'клюква' (волог. Белор., 282)
журавлика 'клюква' (волог. В. г. в., 204; волог. Мак. Оп., 85; волог., тотем. Потан., 2; волог. Тр. Общ. Росс. сл., 199; волог., Суровц., 240)
земйга 'земляника' (Атлас, VIII, 440)
земляна 'земляника *Fragaria vesca*' (вят. Зелен., 60)

земляная малина 'поленика *Rubus arcticus*' (яросл., молог. Якуш., 44)

земляника 'земляника *Fragaria vesca*' (костр., мантур. Азарх, пенз. Зелеп., 352; ульян. Алекс., 188; влад. МГУ; новг., новг. В. М.; перм., чусов. Каюр., 322; вят. Зелен., 60; влад., покр. МДК 9, 42; моск., руз. Дурн.; новг., новг. Овчин., 349; влад., мелев. МДК 11, 45)

земляника 'Fragaria vesca' (костр., пыщуг. Азарх; калин., стариц. Фрол., 97; кур. МГУ; калин., кимр. Виногр., 394; влад., мелев. МДК 9, 42; ворон., земл. Трост., 11; твер., клин. Черныш., 123; моск., моск., Черныш.)

земляника 'земляника *Fragaria vesca*' (костр., вохом., мецев. Азарх; арх., приоз. Кимяг.; вят. Васн., 89; новг. Д I, 679; арх. Подв., 56; смол. Добр., 267; перм., чусов. Каюр., 322; киров., медян. Проз., 353; калин., кимр. Виногр., 394; калин., болог., удом. Строг., 45; вят. Зелен., 60; волог., вельск. Диал. сб., 46; новг., тихв., перм., усол. Оп., 70)

земляника 'земляника *Fragaria vesca*' (кург., шадр. Сокол., 235; костр., боговар. Азарх; арх., ровд. Кимяг., удм. Барашк., 274; арх., виногр. В. М.; арх., красн. В. М.; волог., МГУ; волог., арх., сиб. Д I, 679; олон. Кул., 29; киров., медян. Проз., 332; влад., яросл. Мак. Оп., 91; енис. Кривош., 48; арх., белом. Федор., 63; волог. Суровц., 41; волог., вельск. Диал. сб., 46; волог., пск., яросл., тороп. Оп. 70; яросл. Якуш., 11)

каличина 'брусника' (новг., тихв. МДК — РФВ, 71, 330)

каманика 'ежевика' (кал. Ханык., 117; ворон., нижедев. Полик., 607)

каманица 'морoshка' (твер. Мак. Оп., 107; калин., болог. удом. Строг., 49)

каменика 'костяника' (олон. Кул., 33)

каменица 'морoshка' (твер. Оп., 79)

киселка 'красная смородина' (пск. Д II, 110)

киселица 'красная смородина' (арх. Д II, 110; арх., белом. Федор., 94)

кислик 'красная смородина' (олон. Кул., 37)

кислика 'красная смородина' (олон. Кул., 37)

кислица 'красная смородина *Ribes rubrum*' (арх. Шренк., 157; арх., красн. В. М.; Д II, 110; олон. Кул., 37; арх. Подв., 66; камч. И. С., 243; алт. Верб., 103; колым. Богор., 66; сиб. Ануч., 51)

кислиница 'красная смородина' (камч., иркут., перм., усол., том. Оп., 83)

кислянка 'красная смородина' (том. Оп., 83)

клубеника 'клубника' (вят., уржум. Магн., 28; перм., чусов. Каюр., 322)

клубника 'клубника' (ульян. Алекс., 188; пенз. Зелеп., 352; новг., новг. В. М.; моск., руз. Дурн.; новг., новг. Овчин., 349)

клубника 'Fragaria viridis Duch.' (кур. МГУ; твер., твер. Черныш.)

клубница 'клубника' (костр., кинеш. Оп., 84; Тр. Любч. Зм., 8)

клубница 'клубника' (яросл., муром. Колос., 19; влад., юрьев. Черныш., 12; твер., клин. Черныш., 12)

клюква 'Oxycoccus palustris Pers.' (калин., болог., удом. Строг., 48; волог., белоз. МГУ; калин., ошаш. Копор., 108; смол. Добр., 324; вят. МДК 11, 131; чуваш., чебокс. Лебед., 253)

клюкма 'клюква' (вят. Васн., 107)

княжбанка а) 'красная смородина *Ribes rubrum*' (новг., череп., кирил., белоз., тихв. Эрдм., 129; яросл., рост. Волоц., 40; новг., тихв. Доп. Оп., 82; яросл. Якуш., 14); б) 'поленика' (Д II, 126)

княжесвица 'вид ягод' (арх., шенк. Подв., 67)

княжесница 'поленика' (свердл. Чиж.-Пол., 66)

княжесница а) 'поленика' (яросл., вят. Д II, 126; яросл. Оп., 85); б) 'красная смородина' (яросл. Якуш., 14)

княжика а) 'красная смородина' (влад., ковр. Доп. Оп., 82); б) 'поленика *Rubus arcticus*' (влад., волог. Д II, 126)

княжйга 'красная смородина' (Оп., 85)

княжйца а) 'красная смородина' (яросл. Мельн., 88; новг. череп., кирил., белоз., тихв. Эрдм., 129; арх., шенк. Подв., 67; волог. МГУ; олон. Кул., 37; волог., белоз., Бувальц., 286; яросл., пошех. Копор., 126); б) 'поленика' (влад., волог. Д II, 126; волог. Доп. Оп., 82)

княжика 'поленика *Rubus arcticus*' (арх., красн. В. М.)

княжика 'красная смородина *Ribes rubrum*' (яросл. Мельн., 88; костр., богов. Азарх.)

княжйца 'красная смородина' (яросл. Мельн., 88; яросл., рыб. Водар.; киров., медян. Проз., 353; вят. Оп., 85)

княжйца 'красная смородина' (яросл. Мельн., 88)

кобылика 'поленика *Rubus arcticus*' (олон. Кул., 38)

кобылица 'поленика *Rubus arcticus*' (олон. Кул., 38)

команка а) 'красная смородина' (никол. Сл. р. яз. IV, 1697); б) 'поленика' (волог., каргоп. Сл. р. яз. IV, 1697); в) 'морoshка' (устуж. Сл. р. яз. IV, 1697)

команйца 'красная смородина' (солиг., чул. Сл. р. яз. IV, 1743)

команйца а) 'ежевика' (арх., приоз. Кимяг., ворон., ряз., кур. Сл. р. яз. IV, 1743); б) 'морoshка' (твер., весьегон. Сл. р. яз. IV, 1744); в) 'поленика' (Сл. р. яз. IV, 1744); г) 'красная смородина' (кологр. Сл. р. яз. IV, 1744)

команйца а) 'ежевика' (арх., приоз. Кимяг.); б) 'красная смородина' (галич., кинеш. Сл. р. яз. IV, 1744); в) 'морoshка' (вышне- в., твер., ошаш. Сл. р. яз. IV, 1744); г) 'поленика' (тихв., тотем. Сл. р. яз. IV, 1744); д) 'костяника' (твер. Сл. р. яз. IV, 1744)

конббик 'голубика *Vaccinium uliginosum*' (яросл., верх.-куб. Копор., 103)

костера 'костяника' (арх., приоз. Кимяг.; арх., виногр. В. М.)

костика 'костяника' (Атлас, VIII, 506)

костица 'костяника' (вят., урж. Магн., 29)

кострица 'костяника' (олон. Кул., 42)

костяйга 'костяника' (ульян. Алекс., 188; перм. Горст., 11; перм., чусов. Каюр., 322; киров., медян. Проз., 353; влад., покр. МДК 9, 42; моск., руз. Дурн., 80)

костяйга 'Rubus saxatilis' (волог., вельск., Диал. сб., 46; волог., белоз. МГУ)

костяйца 'костяника' (твер., кашин. См., 77; новг., тихв. МДК 12; вят. Васн., 112; калин., кимр. Виногр. 395; арх., холм. Гранд., 177)

костянка 'костяника' (кург., шадр. Сокол., 235; арх., холм. Гранд., 177; волог., белоз. МГУ; арх., пещор. Ивашк., 160)

красйха 'клюква' (арх., холм., пинеж., мез. Подв., 74)

крупляйга 'клубника' (нижег., балахн. РФВ, 64, 277)

крупник (г) 'садовая крупная клубника' (каз., Будде, 168)
куманика а) 'поленика' (яросл., молож. Якуш., 45); б) 'морозка' (волог., устюж. Доп. Оп., 31); в) 'ежевика *Rubus caesius*' (орл., ливен., елец., ворон., задон. Данил., 9; новг., новг. Солов., 38)
куманица 'морозка' (калин., осташ. Копор., 112; твер., осташ. Оп., 96; яросл., молож. Якуш., 45)
ледунец 'красная смородина' (новг., череп. Герас., 52)
ледунешник 'красная смородина' (новг., череп. Герас. Мат., 381)
лебянки (Атлас, с I/116, 255)
лядунца 'красная смородина' (твер., весьег. Оп., 108; яросл. Мельн., 103)
малина '*Rubus idaeus*' (общерусское)
мамура а) 'поленика *Rubus arcticus*' (арх., холм. Данил., 10; Анн. Б. сл., 302); б) 'морозка' (Соболев.)
махлак мн. 'морозка' (костр., чухл. Ж. Ст. 1899, 347)
мохлак мн. 'морозка' (костр. Мак. Оп., 161)
морозка 'морозка' (арх. Подв., 92)
морозика а) '*Rubus chamaemorus*' (арх., красн. В. М.; волог. МГУ; перм., чусов. Каюр., 322; волог., вельск. Диал. сб. 46; Д³ II, 911; Норстедт 1780 г.; вят., слоб. МДК 11, 131); б) 'поленика *Rubus arcticus*' (костр. чухл. Покр., 347)
ожин 'ежевика' (кур., судж. Никол. ф. 126, № 98)
ожина 'ежевика' (дон. Мирт., 212; южн. Д I, 516)
пазабник 'земляника' (кур. Халан., 370)
пазабника 'земляника' (ряз., спас. Оп., 151; брян. Тихан., 65)
паземка 'земляника' (Грот. Доп., 101)
пазобника 'земляника' (ряз. Дитт., 219; орл., болх. Сахар., 34)
пазонка 'земляника' (ряз. Сл. Оссов.)
пазубник 'земляника' (кур., одоев. Машк. ф. 216, № 93)
пазубника 'земляника' (кур., ряз., скоп. Оп., 151; кур. Робуш; ф. 216, № 87)
пазыеника 'земляника' (брян., навл. Родион., 225)
поленика '*Rubus arcticus*' (волог. Потан., 53; Д³ III, 651)
полуденица 'поленика *Rubus arcticus*' (волог. В. г. в 1840, 298; волог., тотем. Оп., 168)
полунца 'земляника' (Потебн. О миф., 54)
поляника (Атлас, с I/116, 330).
поречка 'красная смородина' (смол. Кустар., 147)
порички мн. 'красная смородина' (кур., судж. Оп., 171; южн., кур. Д III, 318)
прутовца 'красная смородина' (арх., лекшм. МГУ)
прутовая кислица 'красная смородина' (перм., чусов. Каюр., 320)
пьяная ягода 'голубика *Vaccinium uliginosum*' (олон. Кул., 97)
пьяника 'голубика' (ряз. Дитт., 221)
пьяница 'голубика' (калин., осташ. Копор. 30)
пьянки мн. 'голубика' (новг. Эрд., 152)
розжач мн. 'незрелая морозка' (арх., онеж., кем. Подв., 149)
рыжлица 'вполне спелая морозка' (онеж., кем., кол. Подв., 150)
сарабалина 'ежевика' (пск., велик. Оп., 198)
сеишурá 'вид ягод' (арх., лекшм. МГУ)
сестреница 'красная смородина' (олон. Кул., 106)
сестрянника (Атлас, с I/116, 80)
сестрянка 'красная смородина' (Д IV, 179)
сикса '*Empetrum nigrum*' (камч. И. С., 259)

сйха '*Empetrum nigrum*' (арх. Подв., 157)
слепцы 'недозрелая морозка' (волог., бабуш. Ж. В.)
смброд 'смородина *Ribes nigrum*' (волог. Оп., 208)
сморбод 'смородина' (арх., приоз. МГУ; волог. МГУ; новг., новг. В. М.; арх., красн. В. М.; калин., болог., удом., Строг., 45; новг., тихв., иск., велик., опоч. Оп., 208; новг., тихв. МДК 11, 79)
сморбдина а) 'черная смородина *Ribes nigrum*' (смол. Добр., 849; кал., мешов. Черныш., 79; вят. Васн., 266; перм., чусов. Каюр., 320); б) не указано, обозначает ли это слово смородину вообще или только черную смородину (волог. МГУ; влад. МГУ; кур. МГУ; ворон., бобр. Гороп., 345; сарат. Чмых., 65; калин., кимр. Виногр. 395; влад., муrom. Тагун., 215; вят., слоб. МДК 11, 131; костр., кологр. МДК 11, 158; влад., ковр. МДК 11, 40)
снежнойца 'красная смородина' (киров., вожд. Гор., 331)
сноборйца 'ежевика' (ряз., мешер. Строган., 258)
ссиха '*Empetrum nigrum*' (арх., холм., кем. Доп. Оп., 115; арх., печор. Ивашк., 163; арх. Подв., 162)
стиха '*Empetrum nigrum*' (арх., белом. Федор., 187)
сунька 'земляника' (брян., навл. Родион., 225)
суньца 'земляника' (южн., зап. Д IV, 311; смол., росл. Добр., 889)
сциха '*Empetrum nigrum*' (арх. Подв., 169)
сцыха 'голубика' (?) (арх. Булич., 35)
тйтъки 'толокнянка *Arctostaphylos uva ursi*' (олон. Кул., 119)
толбкница 'толокнянка' (арх. Оп., 230)
толокнянка '*Arctostaphylos uva ursi*' (Д IV, 413)
толобнка '*Arctostaphylos uva ursi*' (Д IV, 413)
тйбхтя 'белая смородина' (новг., боров. Эрдм., 161)
хохлуша 'поленика *Rubus arcticus*' (волог. Оп., 249; Д³ III, 651)
хохляница 'поленика' (волог., тотем. Сб. обл. сл., 226; Д³ III, 651)
чекá '*Empetrum nigrum*' (олон. Кул., 132)
черненига 'черника *Vaccinium myrtillus*' (костр., мантур., вохом. Азарх.)
чернёнка 'черника' (Атлас, VIII, 410)
чернига 'черника' (пенз. Зелеп., 352; мар. Моисеен., 325; ульян. Алекс., 188; влад. МГУ; новг., новг. В. М.; перм., чусов. Каюр., 322; влад., мелен. МДК 11, 45)
черника '*Vaccinium myrtillus*' (арх., лекшм. МГУ; смол., ельн. Добр., 982; кур. МГУ; ряз., мешер. Строган., 256 (ц'ар'ника); вят., слоб. МДК 11, 79)
черница 'черника *Vaccinium myrtillus*' (арх., лекшм. МГУ; вят., урж. Магн., 69; калин., кашин. Смирн., 188; вят. Васн., 343; арх., холм., пинеж., мез. Подв., 188; арх., виногр. В. М.; ряз., мешер. Строган., 256; яросл., пошех.-волод. Копор., 29; твер., кимр. Виногр., 395; калин., болог., удом. Строг., 45; арх., верхнетоем. МДК 11, 142; костр., вохом. Азарх.)
шабань 'ягоды *Empetrum nigrum*' (олон. Кул., 135)
шйкша '*Empetrum nigrum*' (камч. И. С., 259)
ягода а) 'ягода вообще' (смол. Добр., 1017; калин., болог., удом. Строг., 44); б) 'земляника' (вят. урж. Магн., 73; кал. Ханьк., 1017; вят. Васн., 356); в) 'клубника' (кур. Халан. кем. ср. кузн. Пан., 287; пенз. Иссерл., 162); г) 'ежевика' (дон. Мирт., 373); д) '*Empetrum nigrum*' (камч. И. С., 259)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Завершая анализ происхождения части народной ботанической лексики, мы можем представить себе хронологически ее становление и развитие. Возможно, что при рассмотрении других групп ботанической лексики конкретные связи и отношения будут иными, но думается, что общие тенденции развития останутся теми же. Для того, чтобы картина была полной, необходимо было бы рассмотреть с этих же позиций ту же часть ботанической терминологии во всех славянских языках и, совместив результаты, делать выводы. Но мне кажется возможным, пусть условно, представить становление того лексического пласта, который отражен только в русском языке.

Часть слов, самая архаическая, существовала, по-видимому, в раннепраславянский период или протославянский. Это те слова, которые имеют устойчивые связи в других индоевропейских языках и не могут быть объяснены средствами праславянского. Это, в первую очередь, названия дикорастущего лука (*черемша*) и название пшеницы, в русском языке отраженное лишь в производной форме (*пырей*). Представляя собою уже на этом уровне слова с неясной этимологической структурой, эти слова являются наследием индоевропейского: *черемша* ← **čermš-a* ← **kermusja*; *пырь* ← **pyrō* ← **pūr-*. Внешние связи этих слов многочисленны и охватывают разнообразные группы индоевропейских языков. Вторая группа слов на этом же уровне представляет собою единичное отражение индоевропейских корней и не имеет родственных связей на славянской почве; это слова *ягода* ← **agoda* ← **ōg-*, отражающее корень с вероятным значением 'расти, плод'; *малина* ← **malina* ← **mela-no*, отражающее

старый индоевропейский корень со значением разнообразных оттенков цвета; название чего-то вздущегося, изогнутого, лишая, нароста, гриба — *губа* ← **gōba* ← **gombh-*; единичное и только славянское производное от индоевропейского корня **ger-* 'изгибаться' со значением 'морщина, складка, уступ', впоследствии получившее в части славянских языков значение 'гриб': *гриб* ← **gribъ* ← **gre-i-b-*; узкодиалектное название гриба, — также отражающее представление о чем-то вздущемся *блица* ← **bŕdla*, **bŕdlica*, **bŕdľka* ← *bŕd-* (даже если в русском это заимствованный элемент, он может быть реконструирован на основании западнославянского материала); название тростника *треста*, *тросла*, *трестъ*, *тросъ*, *тросник* ← **tr̥sta*, **tr̥sta*, **tr̥stb̥*, **tr̥stb̥*, **tr̥stb̥-nikъ* ← **tr̥st̥s̥*. Третья группа на том же хронологическом уровне представляет собою осуществленные архаическими словообразовательными средствами и за пределами славянских языков имеющие параллельные образования названия растений, существующие в рамках большого гнезда родственных слов. Это в первую очередь названия озерных растений, используемых для плетения: *сита*, *сита* ← **sitъ*, **sita*, отражающие индоевропейский корень **sei-*, **si-* 'плести' и имеющие родственные формы в таких словах, как *сеть*, *силок*; *черем*, *очерем* (диалектная славянская форма) ← **čertъ*, **občertъ* ← **kert-*, отражающие индоевропейский корень **ker-* 'резать', 'плести' и имеющие родственные образования в словах *черта*, *чертить* и др.; название колючки, остря и колючего растения *осот* ← **ostъ* ← **āsūt-*, отражающее индоевропейский корень **ak'-* 'быть острым' и имеющее однокоренные образования в словах *остъ*, *острый*, *оселок* и др.; название папоротника, продолжающее индоевропейский корень в значении 'перо, крыло' (образное название растения), имеющие многочисленные родственные образования как внутри славянских языков, так и за его пределами *перо*, *парить*; лит. *parārtis* 'папоротник' и др.

На позднепраславянском уровне эта группа лексики представлена уже значительно: это съедобные растения или растения, в названиях которых отражены вкусовые качества: **medunica*, **kyslica*, **goruxa* / **gorupa* / **gorčica* / **žeruxa*, **pelunъ* / **pelyni*, **mana* / **manьka*, **ščavъ*, **bŕščъ*, **syrojěda* / **syrojědja*, **pečerica* / **pečerьka*; ле-

карственные растения: **derstь* / **drěstь*, **devesitь*, **odo-lěnъ*, **bedrěnъsь*, **deglь*; растения, в названиях которых отражены их внешние свойства, форма, цвет, запах и т. д.: **lorixъ*, **rogozъ*, **bodlь*, **leboda* / **lboda* / **olboda*, **kropiva*, **rěpъ* / **rěpъjь*, **čьrnobyль*, **kyprъjь*, **svьrbigozъ*, **bukovica*, **melčъ*, **kьkolь*, **lototъ* / **lotaj*, **palъka* / **palica*, **sverěpъ* / **sverěpa*, **koničina*, **xvoščь*, **kosatъsь*, **lědvenъsь*, **kuprъ*, **rydъjь*, **vьlněnъka* / **vьlněnica*, **smъrčъ* / **smъrčъjь*, **brusъna* / **brusъnica*, **čьrnica*, **žeravina*, **sq-nica*, **smorda* / **smordina*, **ežina*; своеобразным образом отражает несъедобность для человека **detelina*. Большая часть из представленных наименований имеет общеславянское распространение, другая представляет диалектные образования, но с архаической структурой. Таким образом, примерно четверть рассматриваемой части современной русской ботанической лексики составляет лексика архаическая, праславянская.

Следующий хронологический этап, который может быть назван восточнославянским или древнерусским, представляет собою сложную картину. Характеризуют этот период несколько моментов: общевосточнославянские образования, существование ряда диалектизмов и постоянные контакты и общие тенденции развития с западнославянскими языками. Реально говоря, с VIII по XIV в. мы имеем единый язык с диалектно-племенной дифференциацией. Отношения диалектов очень сложны. Какие бы то ни было далеко идущие выводы на основании только нашего материала сделать невозможно. Бросается в глаза лексическое своеобразие новгородского говора, связи севернорусских говоров с говорами, которые впоследствии легли в основу украинского языка.

Восточнославянский период можно проиллюстрировать на группе названий грибов, которая в это время получила окончательное оформление. В рамках восточнославянских языков оформляются такие названия, как *груздь*, *белый гриб*, *волуй*, *белянка*, *подберезовик* и др.; общими для восточных и западных славян являются такие названия, как *ситник*, *обабок*, *боровик* и др.

Современное состояние, понимая его широко, как период самостоятельного развития русского языка, характеризуется окончательным оформлением русской ботанической терминологии. Для нее характерна большая дробность и многообразие даже в пределах одного

говора. Постоянные и длительные контакты с иноязычными народами приводят к активному проникновению финской лексики на севере (*кържла*, *ханьга*, *къртега*, *пъчка*, *вахта*, *морôшка*, *мамъра*, *сестренйца*, *гонобълъ* и др.) и тюркской на юге и юго-востоке (*кугъа*, *камъш*, *сусък*, *буркун*, *батлачик*, *бодрън*, *тукмачи* и др.). Заимствованная лексика может быть разделена на разные группы: а) слова узкоместные, иногда характерные только для обрусевшего населения, типа *кържла*, *ханьга*, *къртега*, *тукмачи*; б) слова, получившие широкое распространение в говорах, типа *пъчка*, *гонобълъ* и в) слова, вошедшие в литературный язык и тем самым получившие большую устойчивость и тенденцию к повсеместному употреблению, такие, как *морôшка*, *камъш*.

В отношении лексики русские говоры распадаются на две большие группы (северные и южные). Южнорусские говоры подвергаются очень активному воздействию украинского языка, через который в них проникает польская, тюркская, а с польским немецкая и латинская лексика. Происходит разрыв между украинизированной южнорусской терминологией и севернорусской, оставшейся вне активных путей. Поскольку именно на территории южнорусских говоров находились основные сельскохозяйственные районы, исключительно велико значение южнорусской лексики в формировании ботанической терминологии русского литературного языка (ср. судьбу таких слов, как *чйна*, *буркун*, *батлачик*, *кугъа*, *пизма* и др.). Отчасти этим объясняется наличие большого числа тюркизмов в русском литературном языке при почти полном отсутствии финских слов, хотя территория распространения их по говорам иногда исключительно велика.

И уже как заключительный процесс — мощное влияние литературного языка на говоры, сбивающее старую картину, приводящее к активному вытеснению диалектных слов литературными: так постепенно общеславянское название *жеравица* вытесняется словом *кляква*, старое название грибов вообще или грибов, идущих в засол, *губы* заменяется литературным словом *грибы*, место праславянского *rogъz* занимает заимствованное *камъш* и т. д.

2. Словообразование названий растений в какой-то мере отражает тенденции или процессы, присущие диа-

лектному словообразованию вообще. Я останавлиюсь лишь на некоторых типичных явлениях. С одной стороны, разные суффиксы (речь идет только об именном словообразовании) обладают неодинаковой степенью активности в говорах, это явление, как и всякое другое диалектное явление, имеет свою географическую приуроченность, поэтому можно говорить об определенных словообразовательных изоглоссах. Активность определенного суффикса бывает исключительно высока, он обслуживает очень большое число словообразовательных моделей. Такова судьба суффикса *-ица* в северных говорах, *-ка* в южных, *-ина* в северо-западных и т. д. (см. раздел, посвященный словообразованию, во второй главе). С другой стороны, имеет место процесс как бы противоположный вышеописанному, но в то же время несомненно сосуществующий с ним. Это процесс словообразовательной синонимии (см. статьи *пéстик*, *молочáй*), создающий исключительное богатство равнозначных словообразовательных средств не только в речи одного коллектива, но и одного индивидуума. Словообразовательная структура слова в говоре подвижна, аморфна, колеблется в пределах возможных синонимичных вариантов. Ср. такие синонимичные образования, как *мáсленик*, *маслѐнок*, и записанные мною в речи одного объекта: *земляница*, *земляника*, *землянка*, — в смысловом отношении не имеющие никакого различия. Эта подвижность оформления позволяет выравнивать слова по активно действующей словообразовательной модели. Так возникают формы *черненига*, по типу *земляника*, причем предшествующая форма слова может существовать наряду с вновь образованной, как в данном случае, или же может утратиться.

Эти черты диалектного словообразования имеют определенное значение для этимологии. Слово, оказавшееся в сфере действия определенного активного суффикса, может получить его, причем время такого образования установить трудно. Часто возникавшая в древности словообразовательная модель в определенный момент начинает пользоваться большой популярностью, а затем ее продуктивность затухает.

Реконструируя словарный материал на праславянском уровне, следует учитывать возможность и для того периода определенного числа словообразовательных вариантов. Наличие таких синонимичных вариантов не

удаляет, а приближает реконструкцию к реальной действительности. Возможность замены словообразовательной модели в рамках одного слова позволяет в некоторых случаях говорить о наличии этой лексемы в ее архаичном оформлении на данной территории. Такова, на мой взгляд, судьба слов *ежевика* и *ушняк* в русском языке. В масштабах всех славянских языков в качестве названий ягоды ежевики существуют лишь три возможных: *черная малина*, *остружина* и *ежина* (*ожина*). Первые два на территории русского языка не отмечены, существование же в русском языке именно слова *ежевика*, а не какого-либо иного, указывает на то, что в русском языке было слово **ežina*, которое затем было изменено по активно действующей модели названий ягод в *ежевица/ежевика*. Точно так же в ином облике, но с тем же значением, живет в современных говорах древнерусское слово *ушь*.

Главным образом в названиях растений существует еще явление, когда регулярный словообразовательный процесс приводит к разрушению семантических связей слова. Словообразовательное действие заключается в упрощении словосочетания в одно слово. В том случае, когда этот процесс касается словосочетаний со своеобразной семантикой (ср. *гусиный горox*, т. е. 'дикий, несъедобный для человека горox' и потому равный словосочетанию *мышинный*, *журавлиный* и т. д. *горox*), упрощение приводит к возникновению ложных семантических связей, определяемых внешним сходством слов. Слово *гусинец*, возникающее из словосочетания *гусиный горox*, вторично и неправомерно начинает соотноситься со словом *гусь*. В случае утраты промежуточного звена, типа *гусиный горox*, такие слова, как *гусинец*, представляют серьезные трудности для этимологии (см. статью *дятелина*).

И еще один момент очень характерен для диалектного словообразования — использование уменьшительных суффиксов в качестве словообразующих. Возможно, в этом отражается более древняя неуменьшительная функция этих суффиксов. Примеры данного явления столь часто встречаются в работе, что их не имеет смысла повторять.

3. Семантические характеристики названий растений тоже достаточно своеобразны. Структура семантического поля в названиях растений может быть как простой, так и сложной. Простой, если члены поля приближаются

по степени терминологичности к названиям культурных растений (ср. названия ягод), усложненной, когда мы имеем двухрядную структуру (ср. названия грибов во многих говорах) и сложной, как в организации большей части названий травянистых растений, где поле организуется одной очень общей единицей значения. В конкретных полях деление может быть более или менее дробным, единицы выражения могут перемещаться внутри поля, и само поле есть не что иное, как границы перемещения этих единиц. (Ср. поля колючих, озерных, зонтичных и др.)

На основании набора единиц конкретных полей и всей совокупности связей этих единиц можно построить, несомненно очень обобщенную и абстрактную, но необходимую для практических нужд, общую схему выражения данного поля в каком-либо языке. Таковы схемы семантических полей, приводимые в начале анализа многих групп.

Для этимологии понимание общей схемы семантического поля, в которое входит исследуемое название, имеет большое значение, поскольку позволяет уточнить семантическую сторону предполагаемого происхождения слова — возможность или невозможность определенных сдвигов значений.

Кроме того, в рамках группы наименований, принадлежащих к одному семантическому полю, обычно имеется ограниченный набор семантических моделей, которые постоянно воспроизводятся новыми средствами на новом материале, в новых условиях, но семантическая структура остается той же. Это напоминает надписи, сделанные на нескольких языках, когда разными средствами передается одно и то же содержание (ср. схемы в конце анализа групп 2,4 и др.).

В случае такой устойчивости и повторяемости определенной семантической модели для выражения определенного понятия, наблюдаются многочисленные типологические схождения даже между языками различных лингвистических групп (ср. название клюквы «журавлиной ягодой» во многих индоевропейских языках, выражение сходства хвоща с хвостом в славянских и угрофинских языках и т. д.).

Роль семантической аргументации в современном этимологическом исследовании, несомненно, стала более зна-

чительной. Ощущается необходимость не только в сопоставлении формально родственных структур, но и в показе путей складывания значения слова. Для этого используется и семантическое окружение, и реконструкция значения на основании внешних данных. Как правило это оказывается необходимым для внесения коррективов в уже признанные этимологии (см. статьи *пырей*, *брусника*, *сморчок*, *гриб* и др.).

Представляет интерес семантическая и формальная реконструкция, проводимая в словах с затемненной этимологической структурой, когда слово по каким-либо причинам теряет связи с родственным окружением и подвергается искажениям, контаминации, происходит установление новых семантических связей, основанных на внешнем подобии. Восстановление первичного состава в этом случае не всегда возможно, но в некоторых случаях его все же удается произвести (см. статью *гарлуна*).

Исключительные сложности для анализа представляют слова, образованные путем семантического способа словообразования, создания слов-омонимов. В этом случае по выражению Куриловича, «экспрессивные формы и стилистические варианты... могут являться независимыми от контекста самостоятельными словами»¹. Сложность заключается в установлении этих экспрессивных и стилистических оттенков значения, которые, становясь самостоятельными, начинают играть основную значимую роль в слове. Работа по выявлению и определению этих значений по сути дела не проведена не только для лексики ономастической, но и для большей части апеллятивов (см. этимологический раздел второй главы).

¹ Е. Р. Курилович. Заметки о значении слова. — ВЯ, 1955, № 3, стр. 76.

Языки

алб. албанский
алт. алтайский
англос. англосаксонский
арм. армянский
афг. афганский
болг. болгарский
вепс. вепсский
в.-луж. верхнелужицкий
гот. готский
греч. греческий
груз. грузинский
дат. датский
др.-в.-нем. древневерхненемецкий
др.-инд. древнеиндийский
др.-ирл. древнеирландский
др.-исл. древнеисландский
др.-польск. древнепольский
др.-прусс. древнепруссский
др.-сев. древнесеверный
и.-е. индоевропейский
ирл. ирландский
каз. казанский диалект татарского языка
казах. казахский
калм. калмыцкий
караим. караимский
карел. карельский
кирг. киргизский
крым.-тат. крымский диалект татарского языка
лапл. лапландский
лат. латинский
лив. ливский
лит. литовский
лтш. латышский
луж. лужицкий
макед. македонский
мар. марийский
монг. монгольский

нем. немецкий
н.-в.-нем. нововерхненемецкий
н.-луж. нижнелужицкий
н.-нем. нижненемецкий
норв. норвежский
общегерм. общегерманский
полаб. полабский
польск. польский
прагерм. прагерманский
праром. прароманский
праслав. праславянский
прусс. прусский
сван. сванский
серб. сербский
слав. славянский
слвц. словацкий
словен. словенский
ср.-ирл. среднеирландский
ср.-н.-нем. средненижненемецкий
ср.-перс. среднеперсидский
ст.-слав. старославянский
ст.-чеш. старочешский
с.-хорв. сербско-хорватский
тат. татарский
тур. турецкий
турк. туркменский
удм. удмуртский
укр. украинский
умбр. умбрийский
фин. финский
фр. французский
хант. хантыйский
хорв. хорватский
чаг. чагатайский
чеш. чешский
чуваш. чувашский
швед. шведский
шор. шорский
энец. энецкий
эст. эстонский

алт. алтайский
арх. архангельский
астрах. астраханский
ачин. ачинский
бабуш. бабушкинский
балахн. балахнинский
башк. русские говоры на территории Башкирской АССР
белг. белгородский
белоз. белозерский
белом. беломорский
белояр. белоярский
бельск. бельский
берез. березовский
бобр. бобровский
богат. богатовский
богор. богородский
боговар. боговарский
бологов. бологовский
болх. болховский
боров. боровичский
брян. брянский
вауч. ваучский
великол. великолуцкий
вельск. вельский
верховаж. верховажский
верхот. верхотинский
весьегон. весьегонский
ветлуж. ветлужский
виногр. виноградский
влад. владимирский
вожг. вожгальский
волог. вологодский
ворон. воронежский
воскр. воскресенский
вост. восточный
вохом. вохомский
вышневол. вышневолоцкий
вязн. вязниковский
вят. вятский
галич. галицкий
галк. галкинский
гусь-хруст. гусь-хрустальный
гдов. гдовский
грозн. грозненский
дан. даниловский
дзерж. дзержинский
дмитр. дмитровский
дмитр. дмитряшевский
дон. донской
егорьев. егорьевский
елец. елецкий
ельн. ельнинский
емел. емельяновский
енис. енисейский
жиздр. Жиздренский
задон. задонский
зап. западный
земл. землянский
ильм. ильменский
ирбит. ирбитский
иркут. иркутский
ишим. ишимский
кадн. кадинковский
казан. казанский
кал. калужский
калин. калининский
камч. камчатский
кашир. каширский
карг. каргопольский
карс. карсвайский
касим. касимовский
каш. кашинский
кем. кемский
кемер. кемеровский
кимр. кимрский
кинеш. кинешемский
киров. Кировский
клин. клинский
ковр. ковровский
кологр. Кологривский
кол. кольский
колым. колымский
костр. костромской
красн. краснорский
кубен. кубенский
кузн. кузнецкий
куйб. куйбышевский
кург. курганский
лебед. лебедянский
лексм. лексморский
ленингр. Ленинградский
ливен. ливенский
лун. лунинский
лычк. лычковский
люб. любимский
малоарх. Малоархангельский
мантур. Мантуровский
мар. русские говоры на территории Марийской АССР
медян. медянский
межев. межевский
мезен. мезенский

меленк. меленковский
 мешер. мешерский
 мецов. мецовский
 минус. минусинский
 молож. моложский
 мосал. мосальский
 моск. московский
 муром. муромский
 навлин. навлинский
 перех. перехтский
 нижег. нижегородский
 нижедевр. нижедевицкий
 никол. никольский
 новг. новгородский
 ново-анн. ново-анненский
 новорж. новоржевский
 новосиб. новосибирский
 обоян. обоянский
 одоев. одоевский
 олон. олонечский
 онеж. онежский
 опоч. опочечский
 оренб. оренбургский
 орл. орловский
 остап. останковский
 остров. островской
 пенз. пензенский
 переясл. переяславский
 перм. пермский
 петерб. петербургский
 печор. печорский
 пинеж. пинежский
 подол. подольский
 покр. покровский
 полав. полавский
 пооз. поозерский
 пореч. пореченский
 порх. порховский
 пошех. пошехонский
 прибалт. русские говоры При-
 балтики
 приоз. приозерский
 пск. псковский
 пушк. пушкинский
 пыщуг. пыщутский
 ражит. ражитянский
 ржев. ржевский
 ровд. ровдинский
 роман. романовский
 росл. рославльский
 рост. ростовский
 руз. рузский
 рыбин. рыбинский
 ряз. рязанский

самар. самарский
 сарап. сарапульский
 сарат. саратовский
 свердл. свердловский
 сев. северный
 семен. семеновский
 сергач. сергачевский
 сиб. сибирский
 симб. симбирский
 скоп. скопинский
 слоб. слободской
 смол. смоленский
 собин. собинский
 солиг. солигалицкий
 солик. соликамский
 сольвыч. сольвычегодский
 сольц. сольцкий
 сомр. сомринский
 спас. спасский
 средн. урал. среднеуральский
 ставр. ставропольский
 стал. сталинградский
 стариц. старицкий
 ст.-русс. старорусский
 сужж. сужжанский
 судогод. судогодский
 тамб. тамбовский
 тат. русские говоры на террито-
 рии Татарской АССР
 твер. тверской
 терск. терский
 тетюш. тетюшский
 тихв. тихвинский
 тобол. тобольский
 том. томский
 тороп. торопецкий
 тотем. тотемский
 тул. тульский
 тур. туринский
 тюкал. тюкалинский
 тюм. тюменский
 углич. угличский
 удм. русские говоры на террито-
 рии Удмуртской АССР
 удом. удомельский
 улом. уломский
 ульян. ульяновский
 урал. уральский
 урж. уржумский
 усол. усольский
 усть-ниц. усть-ницинский
 устюж. устюжский
 уфим. уфимский
 холм. холмогорский

чароз. чарозерский
 черд. чердынский
 череп. череповецкий
 чкал. чкаловский
 чуваш. русские говоры на тер-
 ритории Чувашской АССР
 чувов. чувовской
 чухл. чухломской

шадр. шадринский
 шенк. шенкурский
 юж. южный
 южн.-сиб. южносибирский
 юрьев. юрьев-польский
 ярен. яренский
 яросл. ярославский

Источники

- А д л и в. С. У. Адливанкин. Говоры бассейна р. Карай в Балаховской области. Канд. дисс. (рукопись). Саратов, 1954.
- А з а р х. Материалы по говорам Костромском и Кировской областей, сообщенные автору сотрудником Института русского языка АН СССР Ю. С. Азарх.
- А к с. С. Аксаков. Записки охотника братья грибы. Собр. соч., т. 5. М., 1966.
- А л е к с. Д. И. Алексеев. Говор с. Архангельского Чердаклинского района Ульяновской области. Канд. дисс. (рукопись). Куйбышев, 1953.
- А л е к с а н д р. Д. А. Александров. Слова простонародной речи в Пермской губ., пословицы, поговорки и приметы. «Записки Уральского общества любителей естествознания», т. XV, вып. 1—2. Екатеринбург, 1895.
- А н н. Б. сл. Н. И. Анненков. Ботанический словарь, или собрание названий как русских, так и многих иностранных растений на языках латинском, русском, немецком, французском и других, употребляемых различными племенами, обитающими в России. Изд. 2. М., 1878.
- А н н. Прост. Н. И. Анненков. Простонародные названия русских растений. М., 1858.
- А н у ч. Д. Н. Анучин. Материалы к областному словарю сибирского наречия. «Изв. Красноярского подотдела РГО», т. 1, вып. 6. Красноярск, 1904.
- А р х. АН Материалы Архива Академии наук СССР в Ленинграде.
- Б а л. А. В. Балов. Очерки Пошехонья. 1—6. М., 1898—1899.
- Б а р а ш к. В. Ф. Барашков. Русский говор северной части Каровского района Удмуртской АССР. Канд. дисс. (рукопись). М., 1957.
- Б а р с. Е. В. Барсов. Причитания Северного края, ч. I.—II. М., 1878—1882.
- Б е л о р. Н. Белорусов. Об особенностях в языке жителей Вологодской губ.—РФВ, т. XVIII, № 4, 1887.
- Б е н с к. Э. Я. Бенская. Говор станицы Старый Щедрин Грозненской области. Автореф. канд. дисс. Л., 1955.
- Б е р н. С. Б. Бернштейн. Болгарско-русский словарь. М., 1953.
- Б о б р. Областные слова Владимирской губ., собранные Бобровым.—Архив АН, фонд 216, № 24.
- Б о г о р. В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901.

Бойк. М. Байкоў і С. Некрашэвіч. Беларуская-расійскі слоўнік. Менск, 1925.

Борк. В. И. Борковский. Из наблюдений над языком д. Вольная Березна и Кирилловщина (Лычковский р-н) и д. Рыкалово (Полацкий р-н) Ленинградской области. «Уч. Зап. Ярославского ГПИ», 1944.

Борис. Н. Борисов. Несколько простонародных слов, употребляемых в Шенкурском уезде. «Отечественные записки», т. XXXII, 1844.

Бувал. М. Н. Бувальцева. Говоры Белозерского района Вологодской области в современном состоянии и истории. Канд. дисс. (рукопись). М., 1955.

Будде. Е. Ф. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей Рязанского говора. Варшава, 1892.

Будде. Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах в Тульском и Калужском губ. СПб., 1897.

Бул. С. К. Булич. Материалы для русского словаря. «Изв. ОРЯС», т. 1. СПб., 1896.

Варш. сл. J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. I—VIII. Warszawa, 1900—1925.

Васн. Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1908.

В. г. в. «Местные слова и выражения, употребляемые между простым народом в разных уездах Вологодской губ.» — «Вологодские губернские ведомости». 1839, № 14, 22, 25, 45; 1840, № 19, 20, 37, 39; 1841, № 46, 48; 1842, № 42, 43.

Верб. В. Вербицкий. Сотня областных слов, употребляемых близалтайскими крестьянами. «Томские губернские ведомости», 1862, № 7, 48; 1863, № 26.

Вержб. Т. И. Вержбицкий. Некоторые лекарственные растения, употребляемые простым народом в Курской губ., «Живая Старина», т. VIII, 1898.

Виногр. Л. И. Виноградова. Говоры Кимрского района Калининской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1953.

В. М. Сведения, собранные автором в Архангельской, Новгородской, Калужской и Московской областях.

Водар. В. Водарский. Областные слова Рыбинского у. Ярославской губ. «Живая старина», т. XII, 1902.

Волоц. В. Волоцкий. Сборник материалов для изучения Ростовского (Яросл. губ.) говора. — Сб. ОРЯС, т. 72, № 3. СПб., 1902.

Ворош. Т. С. Ворошилова. Из наблюдений над областной лексикой. «Уч. Зап. Шуйского ГПИ», 1959, вып. 8.

Воскр. Воскресенский. Словарь простонародного языка, употребляемого в Жиздринском и Мосальском уездах Калужской губ. — Архив АН СССР, фонд 216, № 69.

Герас. М. К. Герасимов. Словарь уездного череповецкого говора. СПб., 1910.

Герас. М. т. Герасимов и Кедров. Материалы лексикографические по Новгородским говорам. «Живая Старина», т. VIII, 1898.

Глаз. Э. В. Глазырина. Словарный состав говора Полев-

ского района Свердловской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1952.

Голуб. М. Д. Голубых. Говоры Белоярского района Свердловской области. Канд. дисс. (рукопись). Свердловск, 1952.

Гор. Л. И. Горева. Говоры Вожагальского района Кировской области. Канд. дисс. (рукопись). Киров, 1952.

Горст. М. Горст. Материалы для исследования народных лекарственных растений Томской губ. Томск., 1894.

Гранд. А. Грандильевский. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор. — Сб. ОРЯС, т. 83, № 5, СПб., 1907.

Гринч. Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, т. I—IV. Киев, 1907—1909.

Гриш. И. П. Гришина. Из диалектной лексики флоры Рязанской области. «Уч. Зап. Рязанского ГПИ», т. 25. Рязань, 1959.

Грот. Доп. Я. К. Грот. Дополнения и заметки к «Толковому словарю Даля». «Записки АН», прилож. к XVII т., 5, 1898.

Гул. Гуляев. Словарь областных речений, употребляемых русским народонаселением в южной Сибири. — Архив АН СССР, фонд. 216, № 17.

Данил. Н. Я. Данилевский. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1869.

Диал. сб. «Диалектологический сборник». Под ред. А. С. Ягодинского, вып. 1—3. Вологда, 1941—1946.

Дитт. Диттель. Сборник рязанских областных слов. — «Живая Старина», т. VIII, 1898, вып. II; т. IX, 1899, вып. I.

Добр. В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Доброзр. И. Доброзраков. О катунском наречии. «Нижегородский сборник», т. III. Н. Новгород, 1870.

Добрын. Н. Г. Добрынкин. Вязниковский уезд Владимирской губернии. «Владимирские губернские ведомости», 1868, № 27, 28, 30, 31.

Доп. Оп. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

Доп. Як уш. Дополнения к Материалам для словаря народного языка в Ярославской губернии. Ярославль, 1926.

Дурн. Н. Дурново. Описание говора д. Парфенок Рузского уезда Московской губернии. — РФВ, т. XLVII, XLVIII. Варшава, 1902.

Д. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.

Д³. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка под редакцией Бодуэна де Куртенэ. СПб. — М., 1905—1909.

Евдок. П. М. Евдокимов. Боровичский говор. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1946.

Ерем. С. А. Еремин. Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии. — Сб. ОРЯС, т. 99, № 5, 1922.

Жак. З. И. Жакова. Восточно-смоленские говоры в их истории и современном состоянии. Канд. дисс. (рукопись). М., 1954.

Ж. В. Сведения по говорам Воскресенского р-на Московской области и Бабушкинского р-на Вологодской области, сообщенные мне

- сотрудником Института русского языка АН СССР Ж. Ж. Варбот.
- Ж. Ст. «Живая Старина».
- Жук. З. В. Жуковская. Говоры западной части Воронежской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1954.
- Зелен. Д. К. Зеленин. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губ. «Живая Старина», т. XI, вып. I, 1901.
- Зелен. Д. К. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятской губ.—Сб. ОРЯС, т. 76, № 2. СПб., 1903.
- Зелен. Л. А. Зеленина. Севернорусские говоры Соновоборского района Пензенской области. Канд. дисс. (рукопись). Пенза, 1959.
- Зм. Л. Ф. Змеев. Русские врачевники (исследование в области нашей древней врачебной письменности Змеева). СПб., 1896.
- Зобн. Ф. Зобнин. Усть-Ницынская слобода Тюменского уезда Тобольской губ. «Живая Старина», т. VIII, 1898.
- Зуев. Дм. Зуев. Дары русского леса. М., 1961.
- Иваш. Л. А. Ивашко. Лексика печорских говоров. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1955.
- Иероп. К. А. Иеропольский. Говор с. Савкино Пушкинского района Псковского округа. «Изв. ОРЯС», т. III, кн. 2, 1930.
- Ильин. Н. В. Ильинский. Главнейшие лекарственные растения Вологодской губ. Вологда, 1919.
- И. С. П. Кузмищев. Собрание особенных или имеющих другое значение слов и некоторых выражений, употребляемых в Камчатке. «Москвитин», 1842, № 3.
- Иссерл. Е. М. Иссерлин. Говоры Пензенской области. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1945.
- Камен. Каменев. О говорах северо-восточной части Одоевского уезда Тульской губ. «Труды МДК», вып. 9. Л., 1927.
- Караул. М. Караулов. Областные слова Моздокского уезда Терской области.—РФВ, т. XLIX. Варшава, 1900.
- Кардаш. С. М. Кардашевский. Курско-орловский словарь. «Уч. Зап. Моск. обл. пед. ин-та», т. 35, вып. 3, 1956; т. 48, вып. 4, 1957; т. 88, вып. 5, 1960.
- Карин. Н. М. Каринский. О некоторых говорах по течению р. Луги и Оредежа.—РФВ, т. XL. Варшава, 1898.
- Карп. А. Б. Карпов. Сборник слов и выражений, употребляемых уральскими казаками. Уральск, 1913.
- Карп. А. Б. Карпов. Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками.—Сб. ОРЯС, т. 87, 1910.
- Каюр. О. П. Каюрина. Исследование говора юго-западной части Чусовского района Молотовской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1953.
- Кимяг. Сведения по говорам Приозерного района Архангельской области, сообщенные мне сотрудником кафедры русского языка филологического факультета МГУ Р. С. Кимягоровой.
- Колесник. И. С. Колесник. Материалы до словника діалектизмів українських говорів Буковини (рукопись).
- Колос. М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия.—Сб. ОРЯС, т. 17, № 3. СПб., 1877.

- Копор. С. А. Копорский. О говоре севера Пошехонно-Володарского уезда Ярославской губ. «Труды Ярославского ГПИ», т. 2, вып. 3. Ярославль, 1929.
- Копор. С. А. Копорский. Архангелские говоры Осташковского района Калининской обл. «Уч. Зап. Калининского ГПИ», т. X, вып. 3. Калинин, 1945.
- Корабл. С. П. Кораблев. Очерк правописательной этнографии г. Онеги Архангельской губернии, с собранием онежских песен и реестром слов, отличающих тамозное наречие. М., 1853.
- Корабл. С. П. Кораблев. Этнографический и географический очерк г. Каргополя Олонецкой губернии, с словарем особенностей тамозного наречия. М., 1851.
- Кривош. М. Ф. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. т. I—II. СПб., 1865.
- Кузн. В. Кузнецов. Сомринский говор. «Живая Старина», т. VIII. СПб., 1898.
- Кул. Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
- Кустар. А. И. Иванова, М. А. Кустарева и Б. А. Мойсеев. Материалы для «Смоленского областного словаря». «Уч. Зап. Смоленского ГПИ», 1958, вып. 9.
- Лавр. К. Лавров. Простонародные слова, употребляемые в уездах Новгородской губернии. «Живая Старина», т. V, 1895.
- Лавр. П. Лавровский. Сербско-русский словарь. СПб., 1870.
- Лебед. В. А. Лебедева. Говоры восточной части Дергачевского р-на Саратовской области. Канд. дисс. (рукопись). Саратов, 1952.
- Леоп. А. Леопольдов. Статистическое описание Саратовской губ., составленное А. Леопольдовым, ч. 1—2. СПб., 1839.
- Листр. Ю. Т. Листрова. Говор с. Отскочного Дмитриевского района Воронежской области. Канд. дисс. (рукопись). Воронеж, 1953.
- Магн. В. Магницкий. Особенности русского говора в Уржумском уезде Вятской губернии. Казань, 1885.
- Макар. М. Н. Макаров. Опыт русского простонародного словотолковника. «Чтения в Об-ве истории и древностей российских», № 3, 1846—1847.
- Малах. В. А. Малаховский. Областной словарь русских народных говоров.—В кн.: «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Саратов, 1959.
- Манаен. А. Ф. Манаенкова. Лексика говоров Каширского района Московской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1948.
- Мат. ист. мед. Материалы для истории медицины в России, вып. I—IV. СПб., 1881—1906.
- Машк. Сборники А. С. Машкина. «Курский сборник», вып. IV. Курск, 1903.
- МГУ. Материалы к «Архангельскому областному словарю» филологического ф-та МГУ.
- МДК. Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка, вып. 8—12. Л., 1919—1931.
- Мельн. Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский об-

- ластной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820—1956 гг.). Ярославль, 1961.
- Мирт. В. М. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д, 1929.
- Мих. А. Михайлов. Очерки природы и быта Беломорского края России. СПб., 1868.
- Моис. Б. А. Моисеев. Словарный состав говора с. Саратовки Соль-Илецкого района Чкаловской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1955.
- Моисеев. М. Ф. Моисеевко. Русские говоры восточной части Марийской АССР (на восток от 48 меридиана). Канд. дисс. (рукопись). Казань, 1953.
- Мотов. А. Мотовилов. Симбирская молвь.—Сб. ОРЯС, т. 44. СПб., 1888.
- Наг. Ю. Нагибин. Погоня. М., 1960.
- Наум. Дополнения и заметки И. Ф. Наумова к «Толковому словарю Даля».—Сб. ОРЯС, т. 11, № 6, 1874.
- Нейштадт. М. И. Нейштадт. Определитель растений. М., 1954.
- Немч. В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
- Никол. А. Никольский. Народные говоры Жиздринского уезда Калужской губ.—РФВ, т. XLIX, 1. Варшава, 1903.
- Носов. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Н. У. Н. У. Некоторые слова, поговорки и приметы, существующие у жителей Тверской губернии. «Отечественные записки», т. XXXIII, 1844.
- Овчин. В. С. Овчинникова. Поозерский говор. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1951.
- Овчинн. Р. С. Овчинникова. Говор д. Большой Кунгур Кировской области. Канд. дисс. (рукопись). Томск, 1951.
- Оп. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Имп. Академии наук. СПб., 1852.
- Опис. Макарий, игумен. Описание города Верхотурья. «Вест. РГО», 1854, ч. X. кн. 1.
- Орл. Л. Орлов. Исследование говора Ново-Анненского района Сталинградской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1953.
- Осов. Словарь говора с. Деулино Рязанского района Рязанской области (рукопись).
- Палаг. В. В. Палагина. Современный говор старожильческого населения западной части Томского района Томской области. Канд. дисс. (рукопись). Томск, 1951.
- Пан. Н. А. Панова. Производственная и бытовая лексика говоров Ставрополя. Канд. дисс. (рукопись). М., 1954.
- Пан. В. Панов. Местные русские говоры Кузнецкого района Кемеровской области. Канд. дисс. (рукопись). Сталинск, 1954.
- Патк. С. К. Патканов. Список тобольских слов и выражений. «Живая Старина», том IX. СПб., 1899.
- Пашк. А. М. Пашковский. Говоры Лунинского района Пензенской области. Канд. дисс. (рукопись). Свердловск, 1953.
- Песн. Самар. В. Варенцов. Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым. СПб., 1862.
- Писк. Г. Пискарев. Слова и выражения рязанского простонародья, собранные Г. Пискаревым. «Московский городской листок», 1847, № 172, 176.
- Подв. А. И. Подвысоцкий. Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Покр. Ф. Покровский. Особенности в говоре населения, расположенного по р. Письме Костромской губ. Буйского у. «Живая Старина», т. V. СПб., 1895.
- Полик. Ф. Поликарпов. Материалы для изучения южно-великорусских говоров. Нижнедевицкий словарь. «Филологические записки». Воронеж, вып. I—II, 1911; вып. III—V, 1912.
- Потан. Г. Н. Потанин. Слова, записанные по дороге из г. Николаева в г. Тотму. «Живая Старина», т. IX. СПб., 1899.
- Проз. А. Д. Прозорова. Говоры Медянского района Кировской области. Канд. дисс. (рукопись). Киров, 1955.
- Пупар. К. Пупарев. Простонародные названия растений. «Тверские губернские ведомости», 1869, № 33, 34, 41, 44, 47.
- Путинц. А. Путинцев. О говоре в местности Хворостань Воронежской губернии. «Живая Старина», т. XV. СПб., 1906, вып. 1.
- Радл. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV. СПб., 1893—1911.
- Рич. Дж. Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джеймса (1618—1619 гг.). Л., 1959.
- Робуш. С. Робуш. Областные слова, пословицы и поговорки, присловья и пореченья, употребляемые в Курской губ.—Архив АН, фонд 216, № 87.
- Родион. А. М. Родионова. Лексика говоров Навлинского района Брянской области. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1956.
- Рожк. М. П. Рожкова. Лексика говоров Романского района Ростовской обл. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1954.
- Русин. Н. Д. Русинов. Угличская земледельческая лексика. Канд. дисс. (рукопись). Горький, 1955 г.
- Рыбн. П. Н. Рыбников. Сборник слов, употребляемых в Олонецкой губ. «Этнографический сборник», вып. VI. СПб., 1864.
- Сахар. А. И. Сахаров. Язык крестьян Ильинской волости Болховского уезда Орловской губ.—Сб. ОРЯС, т. 68, № 5, 1900.
- Сахар. И. П. Сахаров. Сказания русского народа. СПб., 1885.
- Сб. обл. Сборник областных слов, употребляемых в Вологодской губ. «Вологодские губернские ведомости», 1866, № 21—24.
- Семен. В. И. Семенов. Некоторые слова и выражения, записанные в Томской губ. «Живая Старина», т. III, 1903.
- Серг. Ф. П. Сергеев. Южнорусские говоры Сарпинского и Красноармейского районов Сталинградской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1956.
- Симон. Д. Симонович. Ботанички речник научных и народных имена былака са именима на руском, английском, немачком и французском језику. Београд, 1959.

- Сирот. О. Б. Сиротинина. Говоры восточной половины Духовнического района Саратовской области. Канд. дисс. (рукопись). Саратов, 1950.
- Скал. Н. Л. Скалозубов. Ботанический словарь. Народные названия растений Тобольской губернии, дикорастущих и некоторых культурных. Тобольск, 1913.
- Сл. Словарь говоров Среднего Урала, т. 1. Свердловск, 1964.
- Сл. Оби. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, т. 1. Томск, 1964; т. 2. Томск, 1965.
- Сл. II отд. Словарь русского языка, составленный комиссией по русскому языку Академии наук СССР.
- Смирн. И. Т. Смирнов. Кашиинский словарь.— Сб. ОРЯС, т. 70, № 5, 1901.
- Собол. А. А. Соколевский. Словарь.— Архив АН, фонд № 176.
- Сокол. А. Н. Соколова. Говор Шадринского района Курганской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1956.
- Солов. В. Ф. Соловьев. Особенности говора донских казаков.— Сб. ОРЯС, т. 68, 1901.
- Солов. В. Ф. Соловьев. Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губ.— Сб. ОРЯС, т. 77, 1904.
- Срезн. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1893—1903.
- Старц. С. А. Старцева. Говоры с. Песчанки и прилегающих к нему населенных пунктов Галкинского района Курганской области. Канд. дисс. (рукопись). М., 1952.
- Строг. В. П. Строгова. Лексика говоров по течению р. Мсты. Канд. дисс. (рукопись). М., 1955.
- Строган. Т. Г. Строганова. Говоры междуречья Оки — Клязьмы. Канд. дисс. (рукопись). М., 1950.
- Сунгур. И. Сунгуров. Несколько слов и особенностей в наречии жителей Оренбургской губернии.— «Отечественные записки», 1844, т. XXXIII, март. отд. VIII.
- Суровц. Н. Суровцев. Список слов особливых Вологодской губ., составленный Н. Суровцевым. «Труды Общества любителей российской словесности», ч. 1. М., 1822.
- Съед. Съедобные дикорастущие растения Северной полосы России, вып. 1. Пг., 1918.
- Тагун. В. И. Тагунова. Муромские говоры. Канд. дисс. (рукопись).
- Тихан. П. Н. Тиханов. Брянский говор. Заметки из области русской этнологии.— Сб. ОРЯС, т. 76, № 4. СПб., 1904.
- Тороп. И. С. Торопцев. Суффиксальное словопроизводство имен существительных в говоре с. Коршева Бобровского района Воронежской области. Канд. дисс. (рукопись). Воронеж, 1954.
- Тр. Любч. Травник Любчанина. Исторический музей, рукопись Уварова № 2192 (список XVII в.).
- Трост. Диалектологические наблюдения, собранные Тростянским, Гришкиным и др.— Сб. ОРЯС, т. 95, № 11. Пг., 1916.
- Ухмыл. Е. В. Ухмылина. Говоры Богатовского района Куйбышевской области. Канд. дисс. (рукопись). Куйбышев, 1948.

- Укр.-рос. сл. Українсько-російський словник, т. I—IV. Київ, 1953—1961.
- Федор. Федоров. Соловки. «Записки РГО по отд. этнографии», т. XIX, вып. 1.
- Федор. А. И. Федоров. О происхождении словарного состава беломорских говоров. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1952.
- Филин. Ф. П. Филин. Словарь русских народных говоров, вып. 1. М., 1965; вып. 2. М., 1966.
- Флор. В. А. Флоровская. Лексика говоров Старицкого района Калининской области. Канд. дисс. (рукопись). Калинин, 1955.
- Халан. М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904.
- Ханык. В. В. Ханыков. Летопись Калужская от отдаленных времен до 1841 г. М., 1878.
- Чаг. Л. И. Чагина. Заинский говор русского языка. (Татарская АССР). Канд. дисс. (рукопись). Казань, 1953.
- Чагич. В. И. Чагичева. Говоры восточного побережья озера Ильмень. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1949.
- Черн. В. И. Чернышев. Народные говоры селений, расположенных от Боровска до Москвы по старому Московскому тракту. «Изв. ОРЯС», т. XIII, кн. 1—3, 1908.
- Черн. В. И. Чернышев. Говор Мещовского уезда.— Сб. ОРЯС, т. 70, № 7. СПб., 1901.
- Чиж. Пол. А. И. Чижик-Полейко. Словарь диалектной лексики сказок Бажова. Канд. дисс. (рукопись). М., 1953.
- Чмых. М. М. Чмыхов. Говоры населенных пунктов по среднему течению р. Елани Саратовской области. Канд. дисс. (рукопись). Саратов, 1950.
- Чучка. П. П. Чучка. Украинские говоры окрестностей Ужгорода (Фонетика и морфология). Канд. дисс. (рукопись). Киев, 1958.
- Шейн. Дополнения и заметки П. Шейна к Толковому словарю Даля.— Сб. ОРЯС, т. X, № 8, 1873.
- Шренк. А. И. Шренк. Областные выражения русского языка в Архангельской губернии. «Записки РГО», кн. IV, 1850.
- Эрдм. Ф. И. Эрдманн. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря по Новгородской губернии. «Уч. Зап. Казанского ун-та», т. 24, кн. 2. Казань, 1857.
- Эк. Общ. Ельнинская народная поменклатура растений. «Труды Имп. вольн. экономического общества», т. 2, отд. 3, 1853.
- Якуш. Е. И. Якушкин. Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии. Ярославль, 1896.
- Якуш. П. Якушкин. Путевые письма (из Новгородской и Псковской губерний). СПб., 1860.
- Ivek-Broz. F. Iveković i Ivan Broz. Rječnik hrvatskoga jezika. Sv. I—II. Zagreb, 1901.
- Mach. V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954.
- Mač. St. Mačowiecki. Słownik botaniczny łaćnińsko-małoski. Kraków, 1936.
- Marz. H. Marzell. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen. Leipzig, 1943 и след.
- RJA. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. I—XVIII. Zagreb, 1880—1963.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

аир 55
алипан 181
арина 186

бабка 177
бабура 180
балаш 52—53
баранчики 137
батлачик 134
батоги 119—120
бедронец 66—67
бэника 128
блицы 173—174
бобка 183
бобовник 36—37
бодран 69—70
бодяк 94—95
бойки 177
болоболка 32—33
борщ 60—62
браздавка 183
брусника 214—216
бугиль 70
будыль 67
буквица 137
бульняга 33
буркун 86—87

вахта 37—38
веретельник 53
вешкарь 187
водяные орехи 135
волнушка 172—173
волчец 98

гарлуша 79—81
глажи 228
глухарь 179

гонобобель 223—225
горма 130—131
горчица 79
гриб 162—166
груздь 175—176
губа 166—168
гукалки 188
гулявник 82
гуньба 140—141

девясил 104—105
дедовник 98—99
дерябка 179
донник 85—86
дудка 67
дуни 183—184
душица 139—140
дягиль 59—60
дятелина 88—90

евшан 123
ежевика 218—219
елка 116—117
емурка 87

жгучка 115
жеравица 216—217
жеруха 82—83

заячья капуста 110

иван-чай 130
иванчики 186
изгуба 179—180

казаруш 187
колба 133
калужница 30—31
камыш 54—55
каржла 56
касатик 136
кашка 90
кипрей 128—129
кислица 73—74
киряк 51—52
клубника 219
клюква 219—220
княжица 221—226
колчак 188
колхуа 95
комоника 220—221
коничина 92
коньба 107
конюха 181
копорка 130
коровка 178
коровятик 181
кортега 117—118
кострика 115—116
кострица 222
кочедыжник 119
крапива 113—114
кувшинка 31
куга 54
куколь 131
кульбаба 102
кульник 187
кумки 92
кушава 34—35
купоротник 119
купырь 65—66

лататье 26—30
лебедя 111—112
лепуха 95—96
лещуга 51
лопух 33—34
лядвенец 88

малина 212—213
мамюра 225
манник 123—124
марь 112
матрена 184

медовик 91
медуница 106—107
моклаки 227
мокрица 138
молодило 110
молочай 100—101
морощка 227
мята 139

нагольники 179
нехворощь 122—123

обабок 176—177
одоленъ 34
одуванчик 101
оклуб 188
окули 186
оскор 187
осот 93
очерет 47—48
очиток 109

павки 101
палочник 51
пан 178
папоротник 118
паслен 127—128
пасошья 50
паховик 188
песляк 188
пестик 116
петушки 136
печура 171
пижма 105
пикан 69
повилика 107—108
подгреб 187
поленика 222
попынь 121—122
попы 101
порховка 174—175
прастечки 56
проскурняк 127
пухарка 182
пучка 68
пыжик 182—183
пырей 125—126
пыхва 182

раковые шейки 42—43	тростник 46—47
расходник 109—110	тугилажка 183
рдест 41—42	тукмачи 70—71
репей 94	
рогоз 48—50	ужик 43
ромашка 102—104	узик 108—109
рохачи 226	ушь 39—41
рыхлица 226	
рябинка 105—106	
	фетюга 182
сабельник 136	хаңьга 56
свербига 81	хвоц 117
сестреница 225	хлебница 38—39
сита 45	хлебцы 91
ситник 178—179	ховрошки 185
сиха 226	хохляница 223
скорода 133	
слизуны 181—182	целик 180
смородина 213—214	чакан 54
сморчок 168—170	чайка 31—32
снить 62—65	черемша 132
солоник 91	чернобыль 122
солопена 184	чертополох 96—97
солоха 184	чили́м 134
сосульки 91	чина 86
стволья 67	
стрекава 114—115	шишобар 96—98
стрелица 134—135	
суница 217—218	щавель 71—73
сурепка 75—78	щербак 120
сусак 55—56	
сыроежка 171—172	
	ягода 211—212
тмин 141	
трилистник 35—36	

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
I. Названия травянистых растений	25
II. Названия грибов	149
III. Названия ягод	203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	236
СОКРАЩЕНИЯ	244
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	256

Меркулова Валентина Антоновна

Очерки по русской народной номенклатуре растений
(Травы. Грибы. Ягоды.)

*Утверждено к печати Институтом русского
языка АН СССР*

Редактор издательства Г. Н. Корозо
Технический редактор Ю. В. Рылина

Сдано в набор 11/II-1967 г. Подписано к печати 26/VII 1967 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 13,6
Тираж 4000 экз. Тип. зак. 2379. Т-09987. Цена 82 к.

Издательство «Наука»

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10